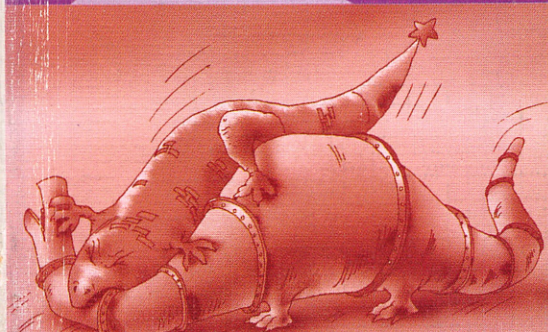
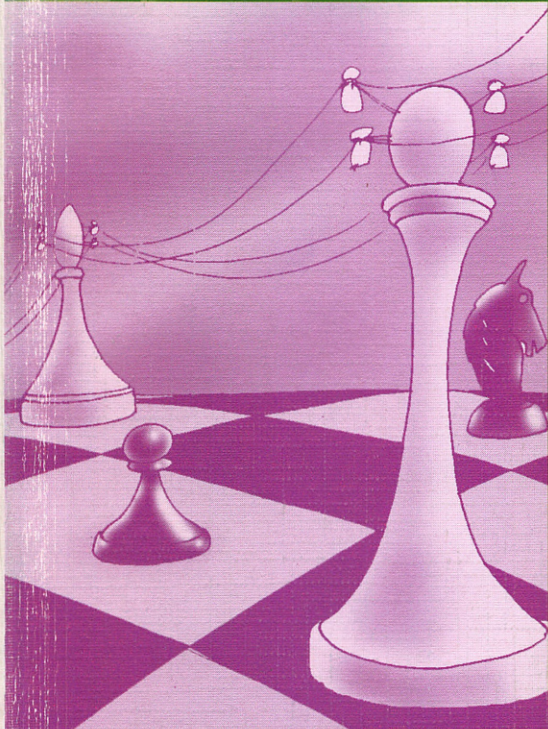

ПОЛИТ.РУ

ОБЩЕСТВО НА ФОНЕ

О.Г.И

ОБЩЕСТВО
НА
ФОНЕ

О·Г·И
Москва 2001

ББК 66.3 (2Рос)6
О 28

Иллюстрации Сергея Ёлкина

Графики и таблицы составлены ВЦИОМ

Книга издана при содействии
Фонда «Дорога Свободы» (Швейцария)

О 28 **Общество на фоне.** — М.: ОГИ, 2001. — 152с.

ISBN 5-94282-028-7

© Полит.Ру, 2001

© ОГИ, оформление, 2001

СОДЕРЖАНИЕ

ВОПРОС О ЖИЗНИ В жанре предисловия	5
ИСТОРИЯ	
Закон 18 октября – закон о новом правовом строе. К десятилетию закона «О реабилитации жертв политических репрессий»	7
Юрий Левада. «Человек советский» десять лет спустя:1989–1999. Предварительные итоги сравнительного исследования	11
Революция и постреволюция: стабилизация, нестабильность, Термидор?	37
Кирилл Рогов. Со Сталиным в сердце. Россия снова будет петь холуйскую песнь	52
ИЗ ЖИЗНИ ИДЕЙ	
Из истории воззрений на гражданское общество	55
Арсений Рогинский, Александр Даниэль. Обыватель – россиянин – подданный Великой Державы	75
Кирилл Рогов. «Путинское большинство», гримаса демократии, или Юбилейная деконструкция Павловского	81
Александр Даниэль, Арсений Рогинский. Россия и Европейский либерализм	86
Виталий Найшуль. Либерализация национального уклада	90

ЗЛОБА ДНЯ

- Юрий Левада. Социально-политическая ситуация в России в августе 2001 г. по данным опросов общественного мнения 101
- Миша Фишман. Дедовщина под вопросом 111
- Сергей Вичин. Идея социалистического права, что суд должен установить объективную истину, – это демагогический бред 113
- Миша Фишман. Медбрат 119
- Александр Аузан. Это – правозащитный закон. Президент КонфОП защищает предпринимателей от контроля и надзора 121
- Миша Фишман. Реструктуризация соцпрома 124

ГРАЖДАНСКИЙ ФОРУМ. ПОЛЕМИКА

- Кирилл Ермишин. Гражданский форум близится: есть контакт? 127
- Александр Аузан. Есть целая серия проблем, которые не решаются государством без общества и обществом без государства 133
- Наталья Самовер. Теоретики почвы 136
- Одеяло общественной пользы.
Что стоит за переговорами о судьбе Гражданского форума 141

Вопрос о жизни

В жанре предисловия

Словосочетание «гражданское общество» стало хитом политического сезона 2001. Общее место российского общественного сознания – тезис об отсутствии этого самого «гражданского общества» в России – было буквально атаковано неумеренным употреблением термина, оказавшегося в фокусе политической борьбы. Борьбы достаточно необычной для новейшей российской политической истории, потому что это – борьба не за власть, а за влияние.

Вопрос о «гражданском обществе», возникший, на первый взгляд, вследствие некоторых конъюнктурных обстоятельств, отразил достаточно решительный поворот российского политического сознания и неслучайно совпал с окончанием периода бурной борьбы за политическую власть, а соответственно – и девальвацией тех политических структур, которые эту борьбу институализировали. На самом деле резкое падение интереса к политике, политическим структурам и политической борьбе является не только реакцией на напряжение революционного десятилетия, но и продуктивным в известном смысле состоянием общественного сознания – открытием той истины, что решение вопроса о власти не является решением вопроса о жизни. Что спектр возможностей любой власти исключительно ограничен. И что – самое главное – никакая власть не способна разрешить тех проблем, которые пронизывают реальный быт и фактуру практической жизни.

В известном смысле Россия вступила в эпоху малых дел. Вопрос организации частного пространства, благоустройства и практического успеха, личного и корпоративного, становится одним из главных общенациональных вопросов, тем полем, на котором разворачивается исторический сюжет современности. А внезапная популярность понятия «гражданское общество» и неумеренное его обсуждение (несмотря на поверхностную конъюнктурность дискуссии) лишь отражают этот поворот общенационального интереса.

Традиционный вопрос: есть ли в России гражданское общество? – на самом деле вообще не стоит на повестке дня. Оно не только есть, но и было. Вопрос в том, является ли оно опорой и механизмом национально-государственной жизни или ее периферией. И – насколько осознает себя таковым механизмом. Признание того факта, что гражданское общество и есть, и было, особенно существенно в виду соблазна «строи-

тельства» его и покровительства со стороны государства. Гражданское общество, напротив, возникает именно тогда, когда государство снимает с себя ответственность за институции общественной жизни. Когда происходит их разгосударствление. И проблемы гражданского общества в России связаны именно с неокончательной решенностью вопроса о гражданской свободе.

Очевидными ресурсами гражданской инициативы и наиболее влиятельными традициями гражданской жизни сегодня являются навыки общественной активности, сформировавшиеся вопреки государству в советскую эпоху, и опыт практического самоуправления, приобретенный в последние 15 лет, когда государство «ушло в себя». Теперь и им, и государству предстоит ощутить себя сторонами и участниками общенационального диалога.

Сборник статей, появившихся в «Полит.Ру» в течение последних двух лет, посвящен не специально институтам гражданского общества, но наиболее острым проблемам и вопросам общественного самосознания на рубеже веков, собственно – идейным проблемам и коллизиям того процесса либерализации общественной жизни, который и является историческим «строительством» гражданского общества.

*Главный редактор информационно-политического канала «Полит.Ру»
Кирилл Rogov*

История

Закон 18 октября – закон о новом правовом строе. К десятилетию закона «О реабилитации жертв политических репрессий»

Разработчики закона – председатель правления общества «Мемориал» Арсений Рогинский и судья Конституционного Суда Анатолий Кононов – о его значении для правового строя современной России.

**Арсений Рогинский,
председатель правления общества «МЕМОРИАЛ»**

Закон «О реабилитации жертв политических репрессий» по факту утверждения некоторых новых ценностей едва ли не равновелик новой Конституции.

Закон о прошлом

И тогда, и, увы, на сегодняшний день это единственный закон, посвященный прошлому. В нем идет речь о восстановлении в правах огромного количества людей. Не об исправлении отдельных судебных ошибок, а о реабилитации сотен тысяч и даже миллионов. Он нацелен на восстановление в правах людей, которые были репрессированы по групповому признаку: по социальному (священники, например), по национальному (немцы в 1941 г.), по конфессиональному и т.п. Закон вводит понятие «жертва политических репрессий» и соответственно понятие политических репрессий. Это одно из его великих достижений. Без этого нельзя было двигаться вперед. Надо было что-то делать с этим огромным беспредельным прошлым.

За последующие десять лет не возникло никаких других законов по расчету с прошлым. Еще в первый год шла битва за закон о люстрации. Я противник люстрации, но для многих она была естественным следствием закона о реабилитации. Для нашей страны было бы неестественно и неверно заниматься люстрацией. На это пошли чехи в 92-м и еще несколько посткоммунистических стран. Вообще закон о люстрации возможен в стране, где режим воспринимается как оккупационный и после его свержения люстрация может быть применена к «коллорабоналистам». Это возможно везде, кроме России, потому что у нас большевистский режим – это родной наш режим, ему не двадцать лет и даже не сорок, а все семьдесят.

В 2000 г. Дума приняла еще одно небольшое постановление примерно в духе преам-

булы к закону о реабилитации. Может, неловко было после того, как они отклонили целый ряд поправок к закону, но это постановление – чистая декларация. А нормального юридического осуждения режима не было. Не было дано никакой государственной оценки прежнему режиму: какой он – преступный или не преступный. А главное – не было такой общенациональной исторической дискуссии, какая уже много десятилетий идет, например, в Германии.

Закон о реабилитации был первым шагом на пути оценки советского режима, но первый шаг так и остался единственным. Дальше этого закона ничто не двинулось. Поэтому он и остался в сознании большинства людей как закон о компенсации пострадавшим, а не как закон громадного исторического значения, каким он по сути своей является.

Однако оценка прошлого имеет невероятное значение для настоящего, для всей жизни страны. Не бывает же современного самосознания без исторического. Без этого, например, совершенно невозможно школьное образование, учебники. Как согласуются мои данные о 104 тысячах арестованных и 300 тысячах депортированных с территории Западной Украины и Западной Белоруссии в 1939–41 гг. с идеей братского освободительного похода, которая до сих пор фигурирует в ряде учебников? Да никак! В девяноста процентах наших музеев нет ни слова, ни взгляда на эту тему. Власть относится к истории операционально, в зависимости от своих интересов достает из кармана то одно, то другое.

Я думаю, что к этому, к оценке советского режима еще неизбежно придется вернуться.

Закон о новой легитимности

Несколько важных вещей лежат в основе этого закона. Первое: из него, хотя прямо об этом там не сказано, несомненно следует, что политический террор был важнейшим и главным инструментом в руках той власти, которая существовала в нашей стране в течение многих десятилетий и перемолола в этом терроре миллионы людей. Очень важны, конечно же, хронологические рамки. В законе сказано: «Целью настоящего Закона является реабилитация всех жертв политических репрессий, подвергнутых таковым на территории Российской Федерации с 25 октября (7 ноября) 1917 года». Это ведь итог многолетней дискуссии. При Хрущеве началом репрессий считалась вторая половина тридцатых, потом, при Горбачеве, мы включили коллективизацию, а этот закон ставит точку во всех этих спорах.

Самое важное – в этом законе дана правовая оценка прошлого, сказано, что террор как политический инструмент использовался советской властью начиная с первого дня ее существования. Это закреплено в законе, этого теперь не вычеркнешь. Тогда правильно говорили, что законом о реабилитации обозначены начало и конец советской власти: начало – 25 октября 1917 г., а конец – сегодня, когда закон принимался. Приняв этот закон, мы публично осудили многолетний террор и преследования своего на-

рода как несовместимые с идеей права и справедливости. За каждое слово тут шла борьба. В конце концов остался компромиссный вариант, но и этих слов достаточно.

Задача закона была опрокинута назад, в прошлое, но признание человека жертвой политических репрессий и в последующее время абсолютно возможно – в судебном порядке на основании этого закона. Не случайно, что, когда его в первый раз выдвигали в 1990-м году, он был провален, а в 1991-м прошел. Это было сразу после путча, и коммунисты, которые составляли в тогдашнем парламенте большинство, испугались. Похоже, они решили, что сейчас с ними начнут сводить счеты по этому самому групповому при знаку: возьмут и посадят, например, всех секретарей райкомов. Поэтому они за этот закон в октябре 1991-го и проголосовали.

Закон о реабилитации и современное российское право

Осудив террор и террористические методы управления государством, закон о реабилитации создал условия для дальнейшего правового продвижения в деле защиты прав человека. Без этого многие принятые впоследствии законы были бы невозможны, хотя прямой связи между ними и не видно. Это законы, связанные с судебной защитой прав человека, весь процесс судебной реформы, пенитенциарная реформа. В законе о реабилитации утверждается целый ряд важнейших принципов права.

Очевидно, что по политическим статьям пострадало множество просто безвинных людей. Но было и огромное количество – тысячи – более сложных сюжетов. Например (условно), некий человек решил застрелить Сталина. Достал пистолет, стал готовить покушение, а его выявили и расстреляли. Этот человек должен быть реабилитирован или нет? Прокурор рассматривает это дело и видит, что тут чистый террор. Так вот – закон о реабилитации утверждает идею ненасильственного сопротивления. Человек может быть героем, но вовсе не жертвой незаконной политической репрессии со стороны государства. На этом основании отказали, например, в реабилитации Колчаку. То же с «лесными братьями».

Второе. Не надо же было никому реабилитировать жертв политических репрессий царского режима после революции. Режим сменился, и новому не надо было извиняться за старый. Он с самого начала заявил себя другим, поэтому и вопрос такой не стоял. Сейчас все по-другому. Нынешняя власть извиняется, но можно ли извиняться за других? Нет, она за себя извиняется. Здесь очень важная вещь: идея реформаторского, а не революционного пути развития страны. Эта власть есть наследница старой, пришедшая ей на смену легитимным, реформационным, а не революционным путем, и она извиняется за дела своих предшественников.

И, наконец, третье. Это закон очень осторожный. Вы знаете, что в разные годы были такие внесудебные органы, как «тройки» и особые совещания. Там рассмотрение дела производилось заочно, без вызова обвиняемого, не было сторон, иногда даже дела не истребовались, а просто списки подписывались. Казалось бы, мы должны всех осуж-

денных таким образом реабилитировать. Однако ситуация гораздо сложнее. Были, например, специальные тройки по борьбе с бандитизмом. Я смотрел протоколы этих троек, из них очевидно, что одних людей приговаривали к расстрелу за недоносительство и т.п., но в других случаях это были настоящие бандиты. Взять и всех реабилитировать только на основании того, что они были осуждены внесудебными органами, оказалось невозможно. Было предложение всех сразу реабилитировать, а потом в индивидуальном порядке начать задним числом все дела пересматривать. Довольно слабое решение. Штука в том, что в этих случаях реабилитация должна производиться всегда в индивидуальном порядке – за исключением только некоторых статей, таких, например, как «Агитация и пропаганда». Безумно сложно было со статьями «Пособничество немецко-фашистским захватчикам». Здесь требуется индивидуальный подход с учетом истории, с учетом того, как это было. Тут не чистое право, а сложный пограничный случай.

Итак, ненасилие, реформация, а не революция, индивидуальный подход – абсолютная уникальность этого акта. Этот закон должен служить развитию нашего исторического сознания и правосознания. Для этого нужна постоянная работа – и государственных органов, и общества – в самых разных направлениях, а она не очень-то идет.

Анатолий Кононов, судья Конституционного суда РФ

Политические репрессии – понятие универсальное

В проекте этого закона был такой замысел: вот, мы его примем, и после этого уже никогда подобных законов принимать не нужно будет. И мы ограничимся определенной датой: с такого-то момента, когда закон принят, все, кто подвергся политическим репрессиям до того, подлежат реабилитации, а после этой даты как бы невозможно уже допустить что-то подобное даже в мыслях. Но это в принципе невозможно никакими законом сделать. Эти гарантии – в Конституции, во всей системе власти, в идее демократии.

Я не верю, чтобы какие-то ситуации подобного рода могли возникнуть сейчас, пока действует эта Конституция и эта система власти. Вместе с тем в законе нет слова «сталинские репрессии». Политические репрессии – понятие универсальное, оно включает в себя все возможные репрессии, которые производились государством в отношении граждан по политическим мотивам. Таким образом, любой гражданин, пострадавший по тому или иному делу и считающий, что подвергся репрессиям по политическим мотивам, может апеллировать к этому закону.

Юрий Левада. «Человек советский» десять лет спустя: 1989-1999. Предварительные итоги сравнительного исследования

В марте 1999 г. ВЦИОМ провел полевые работы третьей волны исследований по программе «Советский человек» (опрошено 2000 чел.)¹. Первый опрос по этой программе прошел в ноябре 1989 г. (по выборке, репрезентирующей население СССР; российская выборка составила 1325 чел.), второй – спустя пять лет, в ноябре 1994 г. (2957 чел.)². (В настоящей статье данные опросов 1994 и 1999 гг. сопоставляются с результатами опроса 1989 г. по российской выборке.) Ниже представлены первые результаты сравнений данных трех волн и некоторые соображения о возможностях их интерпретации и анализа.

Сопоставление результатов сложных по замыслу исследований, разделенных значительным – пятилетним – промежутком времени неизбежно сталкивается с целым рядом специфических проблем методологического порядка. Общественные переменны, а также накопленный опыт опять, как и пять лет назад, вынудили разработчиков уточнить или заменить некоторые формулировки и блоки вопросов, учесть новые проблемы. Очевидно, однако, что со временем претерпевают изменения многие смысловые характеристики используемых в исследовании терминов. Так, переменны и катаклизмы последнего времени вынудили значительную часть населения не только иначе оценивать, но иначе понимать значение ряда ключевых категорий анализа социальной и политической реальности. Иной смысл приобрели за последнее десятилетие категории собственности, свободы, демократии, советского прошлого и др. – ведь исследование охватило десятилетие, которое началось первым социально-политическим переломом 1988–1989 гг. и завершилось (в масштабах данного исследования) кризисной ситуацией 1998–1999 гг.

При всем этом результаты нового опроса показывают принципиальную возможность получать с помощью регулярных исследований достаточно надежные и сопоставимые данные, позволяющие судить о стабильности и динамике социальных установок, механизмов социальной идентификации и ориентации, эмоциональных рамках существования и др.

Масштаб и значение перемен за 10 лет

Представление о значительности произошедших перемен с годами явно крепнет; в то же время как будто возрастает разномыслие в оценках этих перемен.

Табл.1. Что изменилось за эти 10 лет?

	1994	1999
Произошли большие изменения	56	59
По сути дела, ничего не изменилось	13	9
Недавно казалось, что жизнь изменилась, но теперь я вижу, что все идет по-старому	16	19
Затрудняюсь ответить	14	12

Здесь и далее данные приводятся в процентах от числа опрошенных в исследованиях по программе «Советский человек» (если не указаны иные источники).

Признание факта больших перемен далеко не равнозначно их одобрению и – еще менее – их восприятию как утвердившихся и привычных. Для большинства населения произошедшие перемены остаются болезненными и непривычными. Общий фон ностальгии по прошлому (до 1985-го) сохраняется и даже становится все более отчетливым.

Табл.2. Было бы лучше, если бы все в стране оставалось таким, как до 1985 г.?

	1994	1999
Согласен	44	58
Не согласен	34	27
Затрудняюсь ответить	23	15

Только у молодежи (до 25 лет) и у высокообразованных сейчас преобладают предпочтения к переменам. Если же перейти к переменам в различных сферах общественной жизни, распределение позиций изменяется и даже средние показатели выделяются на том же негативном фоне.

**Табл.3. Оценки перемен последнего десятилетия
Что принесли России...**

	1994 позитив/негатив	1999 позитив/негатив
Свобода слова, печати	53/23	47/32
Многopатийные выборы	29/33	21/50
Свобода выезда из страны	45/23	43/23
Свобода предпринимательства	44/28	50/25
Право на забастовки	23/36	32/26
Сближение России со странами Запада	47/19	38/23

Приведено соотношение позитивных (больше пользы) и негативных (больше вреда) ответов в процентах от числа опрошенных. Данные о затруднившихся ответить не приводятся.

Таким образом, за последние пять лет ухудшились оценки свободы слова, многопартийных выборов, сближения России с Западом, практически без перемен отношение к свободе выезда, улучшились оценки свободы предпринимательства и – в наибольшей мере – права на забастовки, которое сегодня одобряют все категории населения, за исключением сельских жителей (можно предположить, что последний сдвиг – единственный из всего рассмотренного ряда случаев, когда происходит поворот от преимущественно негативных оценок к преимущественно позитивным, – отражает ситуацию после серии демонстративных, отчасти и успешных, забастовок последних лет с требованием выплаты задолженности по зарплате).

Место человека в потоке перемен

Поиск своего способа приспособления к потоку изменений и переломов, захвативших общество, – извечная задача, которая практически стоит перед «средним», «массовым» человеком в любых переломных ситуациях, независимо от знака оценки или степени понимания ситуации.

Табл.4. Варианты поведения в переходное время

	1994	1999
Не могу приспособиться к нынешним переменам	23	33
Живу, как жил раньше, для меня ничего особенно не изменилось	26	16
Приходится вертеться, подрабатывать, браться за любое дело, лишь бы обеспечить себе и детям терпимую жизнь	30	38
Удается использовать новые возможности, начать серьезное дело, добиться большего в жизни	6	5
Затрудняюсь ответить	16	9

Как видим, растет число считающих себя не способными приспособиться³, значительно чаще указывается необходимость вертеться (что, скорее всего, означает понижающий вариант социальной адаптации), стабильно мала доля ссылок на новые возможности (повышающая адаптация).

Естественно, существует корреляция между позитивным отношением к переменам и готовностью приспособиться к новым условиям. Тем не менее приспособляться при-

ходится всем, поэтому мера адаптации населения (в том числе субъективной и потенциальной) – один из важнейших показателей общественного состояния.

Человек «разгосударственный»?

Разрушение привычно «советских» систем государственной опеки и контроля привело к заметному изменению – по крайней мере, на декларативном уровне – оценок и ожиданий в отношении государства.

Табл.5. Государство и мы

	1989	1999
Наше государство дало нам все, никто не вправе требовать от него еще чего-то	5	1
Государство дает нам немало, но можно требовать и большего	10	6
Государство нам дает так мало, что мы ему ничем не обязаны	7	38
Наше государство сейчас в таком положении, что мы должны ему помочь, даже идя на какие-то жертвы	38	17
Мы должны стать свободными людьми и заставить государство служить нашим интересам	27	37
Другое	1	2

Различия в оценках весьма показательны. Практически исчезла позиция «государство дало нам все...», резко снизилась готовность жертвовать чем-либо для блага государства. Укрепилась – притом значительно – две позиции: «ничем не обязаны государству» и «стать свободными людьми...». Иными словами, возросло демонстративное отчуждение человека от государства и столь же демонстративная приверженность упрощенной, но все же демократической модели («заставить государство...»; кстати, чаще всего эту позицию выражают те, кто полагают, что человек несет ответственность за действия своего правительства...). Несложный анализ показывает, что за этими сдвигами стоят не столько внедрение в сознание демократических принципов, сколько недовольство нынешними возможностями государства. Представление о том, что граждане «ничем не обязаны государству» реально служит оправданием широко распространенного лукавства по отношению к государственным институтам, выражающегося в неисполнении законов, уклонении от налогов и т.д., при распространенном убеждении в том, что само государство еще в большей мере лукавит со своими гражданами.

Отторжение от обязанностей по отношению к государству отнюдь не означает поэтому освобождения человека от государственной зависимости. Последняя лишь обретает в общественном мнении обоюдно-лукавый характер.

Свое собственное положение респонденты исследования 1999 г. описывают следующим образом:

Табл.6. Положение человека в государстве
Как Вы считаете, Вы...

Полноправный гражданин России, имеющий возможность влиять на власти через выборы, печать и др.	5
Человек, жизнь которого во всем зависит от власти, от государства	27
Человек, который живет, полагаясь во всем только на себя и не рассчитывая на государство	57
Затрудняюсь ответить	12

Распределение ответов, если понимать его буквально, наводит на аналогию с какой-нибудь республикой свободных фермеров XVIII в., где большинство населения на государство действительно не рассчитывало, о госпенсиях и госгарантиях не помышляло... Но на самом деле перед нами скорее декларация настроений и пожеланий, чем реалистическая картина ситуации. Ведь в ответах на другие вопросы исследования те же люди, которые заявляют, что полагаются только на себя, надеются на гарантированный государством минимальный доход, считают важнейшими правами человека право на государственное обеспечение, на гарантированные государством прожиточный минимум и трудоустройство. 71% опрошенных в данном исследовании считает, что государство должно заботиться о благосостоянии каждого гражданина. Нынешние формы русского бунта (в основном, против задержек зарплаты) – это преимущественно претензии, прошения, требования, адресованные тому же государству.

Критическое отношение к сегодняшним государственным институтам создает благоприятные условия для все более позитивных оценок еще недавно отвергаемого советского прошлого и характерных для него деятелей. Согласно данным третьей волны исследования, значительной части, если не большинству, опрошенных в 1999 г. руководители в прошлом кажутся не только более сильными, но и более честными, и более авторитетным, и более заботливыми и т.д.

Наконец, вполне реальное и важное значение имеет демонстрируемая подавляющим большинством опрошенных зависимость от символов государственного величия. Лишь 14% считают, что Россия сегодня остается великой державой, но 78% уверены, что страна должна быть ею. В критических ситуациях – наподобие балканского кризиса марта-апреля 1999 г. (для российского общества он оказался кризисом государст-

венной политики и массового политического сознания) – такие ожидания могут превращаться в опасную политическую силу.

Правда, если побудить (той же анкетой) опрошенных уяснить самим себе, что входит в понятие великой державы, оказывается, что большинство вкладывает в него вполне мирное содержание – высокий экономический потенциал (64% упоминаний), высокий уровень благосостояния (63%), уважение со стороны других стран (35%), великая культура (31%) и только после этого военно-ядерное могущество (30%).

К двусмысленности отношений в системе «человек–государство» нам еще придется возвращаться при рассмотрении других проблем исследования.

Бремя ответственности

За время наблюдений изменились практически все референты моральной ответственности человека.

Табл.7 Несет ли человек моральную ответственность...

а) за действия своего правительства?

	1989	1994	1999
Безусловно	14	8	9
Отчасти	29	31	31
Не несет	37	42	43
Затрудняюсь ответить	28	19	17

б) за работу своего предприятия?

	1989	1994	1999
Безусловно	49	31	27
Отчасти	40	50	46
Не несет	5	17	14
Затрудняюсь ответить	6	13	13

**Табл.7 Несет ли человек моральную ответственность... (продолжение)
в) за действия лиц своей национальности?**

	1989	1994	1999
Безусловно	20	10	10
Отчасти	32	28	34
Не несет	28	40	35
Затрудняюсь ответить	20	22	2

г) за происходящие в стране события?

	1989	1994	1999
Безусловно	22	9	10
Отчасти	42	35	40
Не несет	17	33	27
Затрудняюсь ответить	19	24	23

д) За действия своих близких родственников?

	1989	1994	1999
Безусловно	45	39	42
Отчасти	34	42	43
Не несет	13	11	9
Затрудняюсь ответить	8	8	6

Наиболее заметными оказываются сдвиги, происшедшие между первой и второй волнами исследования, до 1994 г.: за эти годы значительно слабее стали обозначаться показатели ответственности человека перед властью, страной, предприятием, этнической группой. В дальнейшем ситуация как будто стабилизируется – все, что могло измениться, уже изменилось. (Уровень осознаваемой ответственности «за родственников» почти неизменен и потому может служить точкой отсчета для оценки сдвигов в других параметрах.)

Параметры идентификации: кто мы?

В переломной ситуации проблема идентификации человека в различных социокультурных, групповых, исторических рамках⁴ становится одной из самых напряженных.

Обратимся для начала к опробованной в 1989 г. модели «горделивой» идентификации.

Табл. 7. Кем Вы осознаете себя с гордостью?

	1989	1999
Отцом (матерью) своих детей	43	57
Сыном (дочерью) своих родителей	19	24
Хозяином в своем доме	15	32
Хозяином на своей земле	10	9
Жителем своего города, села, района	11	21
Сыном (дочерью) своего народа	8	10
Специалистом в своем деле	24	23
Советским человеком	29	13
Русским человеком	-	43
Представителем рода человеческого	9	9
Верующим человеком	4	7
Членом своего кружка, компании	3	3
Работником своего предприятия, учреждения	3	3
Человеком своего поколения	13	19
Ветераном Отечественной войны	7	2
Ветераном афганской, чеченской войн	4	1
Участником великих строек, стахановцем, целинником	1	2
Коммунистом	4	3

Прежде всего примечательно, что некоторые направления «горделивой» идентификации (социальной и групповой: сын своего народа, хозяин на своей земле, специалист в своем деле, член своей компании, работник своего предприятия, представитель рода человеческого) спустя 10 лет представлены такими же числами. Чаще всего, как и ранее, упоминаются поколенческие оси идентификации (дети–родители), причем эти показатели возросли. Существенно укрепились локальные оси (свой город, район). Наиболее важным представляется изменение национально-государственных рамок идентификации: «русское» не только вытесняет «советское» в качестве ведущего социального деноминатора, но отмечается значительно чаще, чем последнее 10 лет назад. Видимо, в 1989-м признак «советского» указывался скорее как привычный и официальный, а признак «русского человека» к 1999-му приобрел значение некой спасительной гавани после периода замешательства и пертурбаций. Тенденция самоутверждения русскости (равно

как и социальное содержание этого признака) видна и по другим данным исследования.

Поиск национальной идентичности

Разрушение «советских» рамок и стереотипов сознания – при неразвитости структур личностного самоопределения – почти с неизбежностью приводит к увеличению и даже гипертрофии функций национальной идентичности, причем, прежде всего, негосударственной (языковой, исторической, мифологической, этнической). Притом в условиях доминирующей в массовом сознании негативной и критической составляющей востребованным оказывается позитив, т.е. набор признаков, годящихся для опорной конструкции. Время перестроечного гиперкритицизма кажется далеко и безвозвратно ушедшим: ищут, акцентируют или приписывают положительные качества.

Рассмотрим некоторые результаты отслеживания образа нации, которое предполагается программой «Советский человек» (обстоятельный анализ результатов дается в статье Л. Гудкова, публикуемой в этом номере журнала). В данном случае у исследователей была возможность сопоставить показатели трех опросов относительно «качеств русских» с данными (1999 г.) о том, какие характеристики респонденты приписывают самим себе.

Табл.8. Образ нации и образ человека
*Качества, которые чаще всего можно встретить у русских/
 Качества, которые присущи Вам лично*

	... у русских		... у себя	
	1989	1994	1999	1999
Энергичные	9	22	20	29
Гостеприимные	55	67	73	65
Открытые, простые	59	72	67	51
Миролюбивые	50	52	42	41
Ленивые	25	26	27	8
Терпеливые	52	62	63	43
Свободолюбивые	20	27	23	19
Культурные, воспитанные	5	8	8	18
Непрактичные	31	38	22	9
Безответственные	22	29	16	2
Готовые помочь	51	61	55	46
Религиозные	7	14	14	7
Забитые, униженные	10	17	16	2
Трудолюбивые	27	42	35	44

Приводится часть списка выделенных качеств.

Получается, что за десять лет русские «сделались» (в собственном массовом воображении!) значительно более энергичными, гостеприимными, открытыми, простыми и даже более трудолюбивыми. Все эти сдвиги можно отнести к динамике комплекса самоутверждения. Его обратная сторона – переживание собственной униженности, которое стало более явным после прошлого (1994 г.) опроса. Зато реже стали бичевать себя за непрактичность и безответственность, чаще указывать религиозность. При этом на протяжении всего десятилетия на одном уровне сохраняется показатель лени как национальной особенности.

Сравнение автохарактеристик с общенациональными показывает, что «средний» человек считает себя более энергичным и трудолюбивым, лучше воспитанным, далеко не столь униженным, ленивым и безответственным, а также менее религиозным по сравнению со своими – воображаемыми, конечно, – соплеменниками.

Обратимся к другой группе показателей, относящихся к той же проблеме:

Табл.9. Что в первую очередь связывается у Вас с мыслью о нашем народе?

	1989	1994	1999
Наше прошлое, наша история	26	37	48
Наша земля, территория	12	25	26
Родная природа	15	18	18
Место, где я родился и вырос	38	41	35
Государство, в котором я живу	27	18	19
Язык моего народа	22	19	17
Великие люди моей национальности	8	10	14
Наша военная мощь	2	5	7
Вера, религия	3	8	7
Знамя, герб, гимн	5	2	3
Наше трудолюбие, хозяйственность	5	6	10
Наши песни, праздники и обычаи	14	17	19
Родные могилы, памятники	6	9	7
Душевные качества моего народа	14	16	19

Как видно из приведенного сопоставления данных трех этапов исследования, идентификация с большой родиной (национально-государственное самоутверждение и самоотождествление) с 1994 г. заметно уступает место идентификации с малой родиной (место, где родился и вырос). С этого же времени возросло значение территориального фактора; видимо, это связано не столько с почвенными ориентациями, сколько с вполне актуальной проблемой утверждения российского места в постсоветском пространстве.

Подвижные рамки социального времени

Особенно важно растущее от этапа к этапу значение исторических параметров (к ним относятся и персонализированные, т.е. великие люди).

Табл. 10. Значительные события XX века

	1989	1994	1999
Победа в Отечественной войне	75	73	85
Октябрь 1917 г.	65	49	48
Распад СССР	-	40	47
Чернобыльская катастрофа	36	34	32
Полет Гагарина	33	32	54
Чеченская война	-	-	24
Война в Афганистане	11	24	21
Первая мировая война	8	19	18
Репрессии 30-х гг.	31	18	11
Перестройка	24	16	16
Путч 1991 г.	-	7	6
Коллективизация	10	8	6
XX съезд КПСС	9	5	4
Падение Берлинской стены	-	6	5
Реформы Гайдара	-	6	2
События октября 1993 г.	-	7	3
Многопартийные выборы 1993 г.	-	3	1
Кризис 17 августа 1998 г.	-	-	18

В числе изменений, которые заслуживают особого внимания – дальнейшая акцентировка немногих «успешных», «утверждающих» событий: победный 1945-й и полет Гагарина (1961). Растущее внимание к ним – это своего рода поиск точек опоры в историческом потоке.

Для сравнения: список событий столетия, которые считают важнейшими жители США. (Исследование Ропер Старч ВВ, февраль–март 1999 г., 1003 опрошенных по представительной выборке взрослого населения; предложенный список событий состоял из 41 позиции.) Чаще всего (23%) отмечались события, связанные с борьбой за равноправие женщин и афро-американцев. 20% отметили события, связанные с войнами и актами террора – Пирл Харбор, Хиросима, Первая мировая, Вьетнамская война, Война в заливе. 16% указали такие трагические события, как убийство президента

Дж. Ф. Кеннеди, взрыв террористами торгового центра в Оклахома-сити, гибель космического челнока «Челленджер». 14% сочли самыми важными событиями использование антибиотиков, а также распространение СПИДа. Значительно реже (8%) упоминали такие экономические события, как биржевой крах 1929 г., Великую депрессию и Новый курс Ф. Рузвельта. Еще меньше внимания привлекли эпоха маккартизма, Уотергейт, президентство Р. Рейгана, попытка импичмента президента Клинтона. Столько же (4%) отметили события в технике, строительстве – Панамский канал, массовый автомобиль «Т-модель» Форда, межконтинентальная телефонная связь, перелет Чарльза Линдберга через Атлантический океан. Только 2% указали музыкальные новации – свинг, рок, а также телевидение. Существенно иные ранги событий собственной (в данном случае – американской) жизни естественно дают и иные рамки восприятия истории...

Другая сторона тех же рамок исторической идентификации человека – разделение исторических эпох на позитивные и негативные.

Табл.11. Оценки периодов отечественной истории XX века

период	1994		1999	
	позитив	негатив	позитив	негатив
Николая II	*	*	18	12
революции	27	38	28	36
Сталина	18	57	26	48
Хрущева	33	14	30	14
Брежнева	36	16	51	10
Горбачева	16	47	9	61
Ельцина	-		5	72

Указано соотношение оценок «принесло больше хорошего»/«принесло больше плохого». Данные об оценивших период в терминах «ничего особенного» и затруднившихся ответить не приводятся.

* вопрос не задавался.

За пять лет заметно изменились к лучшему оценки периодов правления Сталина и Брежнева, к худшему – оценки времени Горбачева; практически без изменений соотношение оценок периодов революции и хрущевской «оттепели». И, в соответствии с доминирующими общественными настроениями, наиболее негативные оценки относятся к периоду Ельцина. Это означает, что единственно реальной (т.е. сохраненной в живой памяти значительной части населения) и единственно позитивной кажется эпоха, названная когда-то застоём.

В третьей волне исследования был использован еще один подход к проблеме исторической идентификации – выяснение ценностно-отмеченных моментов российской истории, вызывающих у опрошенных чувства гордости или, напротив, стыда и огорчения.

Оказалось, что главными предметами гордости являются: победа в Отечественной войне 1941–1945 гг. (указали 86% всех опрошенных), ведущая роль страны в освоении космоса (60%), достижения российской науки (52%), великая русская литература (46%), моральные качества русского человека – простота, терпение, стойкость (45%), превращение страны после революции в одну из ведущих промышленных держав (42%), слава русского оружия (35%), великие русские путешественники (33%), борьба с татаро-монгольским игом (22%), передовой советский общественный строй (14%), нравственный авторитет русской интеллигенции (12%), дух русской вольницы, свободолюбие (12%), подвижничество русских святых (10%), перестройка, начало рыночных реформ (2%). Только у 2% ничто в нашей истории не вызывает особой гордости.

Чувства стыда и огорчения вызывает прежде всего то, что «великий народ, богатая страна, а живем в вечной бедности и неустроенности» (указали 79%), разрушение СССР (48%), грубость нравов (45%), репрессии 20–50-х гг. (34%), хроническое отставание от Запада (31%), некомпетентная и своекорыстная власть (28%), наша косность, инертность, лень (24% – ср. с аналогичной позицией в приведенном выше списке национальных качеств), гонения на церковь (21%), наследие крепостничества, дух рабства, привычка к подневольному труду (17%), военные поражения (16%), стремление силой навязать свои порядки другим народам и странам (15%), национальное высокомерие, шовинизм, антисемитизм (7%). У 1% ничто в нашей истории не вызывает особого стыда.

Наконец, еще одна ось исторической идентификации определяется набором значимых имен, т.е. деятелей, которые воспринимаются как выдающиеся. В этом наборе также происходят определенные изменения.

Табл.12. Десять выдающихся людей всех времен

Место	1989	%	1994	%	1999	%
1.	Ленин	75	Петр I	41	Петр I	46
2.	Петр I	41	Ленин	34	Ленин	42
3.	Пушкин	27	Пушкин	23	Пушкин	42
4.	Ломоносов	22	Сталин	20	Сталин	35
5.	Суворов	18	Суворов	18	Гагарин	26
6.	Жуков	18	Наполеон	14	Жуков	20
7.	Толстой	15	Жуков	14	Наполеон	19
8.	Менделеев	14	Сахаров	13	Суворов	18
9.	Циолковский	14	Ломоносов	13	Ломоносов	18
10.	Сталин	12	Кутузов	11	Менделеев	12

Как видим, список основных персонализированных вех исторического поля почти стабилен; изменяется частота упоминаний отдельных лиц. Наиболее заметные изменения в спи-

сках произошли между 1989 и 1994 г. В 1999г. первые четыре позиции в списке занимают те же фамилии, что и пять лет назад, но частота упоминаний увеличилась по всем позициям. Юбилейный рост внимания к Пушкину не нуждается в комментариях. Ностальгия по советскому периоду несколько увеличила внимание к имени Ленина, но особенно – к Сталину, который многим представляется символом утраченного государственного порядка и величия. Подобным же образом память об утраченных успехах в космической области поднимает на верхние ступени фамилию Гагарина (в 1989-м о нем упоминали 16%, а в 1994-м – только 8%). Понятно, что в список выдающихся деятелей, составляемый (самими опрошенными) по «компенсаторному» принципу, имена современных лидеров попадают крайне редко (так, в 1999 г. Горбачева указывают 3%, Ельцина – 2%).

Надежда на гарантии

Наименьшие изменения наблюдаются в системе ориентаций в неопределенной социальной ситуации: при выборе между ценностями успеха и стабильности большинство явно предпочитает последнюю.

Табл. 13. Гарантии и риск: выбор приоритетов
Что бы Вы предпочли, если бы могли выбирать...

	1989	1994	1999
Небольшой заработок, но больше свободного времени, более легкую работу	10	4	3
Небольшой, но твердый заработок и уверенность в завтрашнем дне	45	54	60
Много работать и хорошо получать, пусть даже без особых гарантий на будущее	26	23	23
Иметь собственное дело, вести его на свой страх и риск	9	6	6
Затрудняюсь ответить	10	19	8

Эта таблица представляет интерес в нескольких своих срезах. Устойчивое и растущее большинство выражает предпочтение советскому образцу скромных и гарантированных доходов. Все менее популярным становится вариант малого заработка при большем свободном времени (по составу предпочитающих – это преимущественно женский выбор). Собственное дело для 1989 г. – скорее всего благое пожелание, но после 1994-го – вполне суровая реальность для немногих. А установка на то, чтобы много работать и хорошо получать, остается характерной примерно для четверти опрошенных – это немало. Если это не просто мечтания, а реально работающая установка, то ее распространенность может определять примерные рамки нового, активного социального слоя. Между тем доля

предпочитающих много работать и хорошо зарабатывать достигает 32% среди опрошенных в возрасте 25–40 лет и падает до 8% у пожилых (старше 55 лет).

Наиболее общую картину распределения ценностных ориентаций показывают суждения о том, чего не хватает человеку в нашем обществе.

Табл. 14. Чего не хватает сегодня человеку?*

	1989	1994	1999
Материального достатка	51	54	67
Уверенности в себе	15	26	20
Политических прав	11	5	2
Трудолюбия, хозяйственности	35	13	9
Уважения к своему прошлому	6	13	6
Нравственных принципов	15	12	12
Культуры, воспитанности	41	25	12
Возможности отдохнуть	6	7	5

**В опросе 1989 г. – советскому человеку, в 1994 и 1999 гг. – человеку в России.*

Вполне естественно, что проблема материального достатка остается центральной и все больше беспокоит людей. Резкий спад интереса к политическим правам после 1989-го – это, по всей видимости, результат массового разочарования в новых политических институтах: права как будто имеются, а реального улучшения положения и реального участия рядового человека в государственном управлении нет.

Сложнее объяснить, почему столь значительно снизилось внимание к ценностям трудолюбия и культурности. Вероятно, одна из составляющих такого сдвига – довлеющая ныне «критика критики» образца 1989 г., т.е. отрицание того национального самобичевания, которое было свойственно началу перестройки (и которое скорее имитировало, чем инициировало реальное преодоление ценностных рамок советского традиционализма). Нынешняя востребованность позитивных опор массового мироощущения (как показывает и представленное выше сравнение характеристик нации) стимулирует тенденцию более оптимистической оценки нашего прошлого, в том числе и характерных для него трудовых и нравственных установок. Как бы следуя известному литературному персонажу, человек сегодня требует не учить его жить; значимость такой установки подкрепляется все более распространенной дискредитацией учительствующих (интеллигентских, либеральных и демократических) образцов и их носителей. Не следует, впрочем, упускать из виду все более существенное расхождение между установками, пожеланиями, демонстративными ценностями, с одной стороны, и реальностью, к которой приходится приспосабливаться, – с другой. Чаще всего жалуются на недостаток культуры и воспитанности наиболее образованные

(21% из получивших высшее образование и только 7% из тех, у кого нет и среднего).

Согласно мнению опрошенных в 1999 г., окружающие их люди чаще всего завидуют богатым (на это указывают 60%), удачливым (38%), занимающим высокое положение (25%), молодым и здоровым (20%), повидавшим мир (16%), талантливым, умным (15%), свободным, независимым (9%). 4% никому не завидуют. Понятно, что это своего рода фотонегатив собственных позиций респондентов («что у кого болит...»).

Еще один подход к проблеме динамики ориентаций – через установки на будущее детей.

**Табл.15. Что требуем от поколения детей?
Дети должны...**

	1989	1999
Быть экономными	25	21
Стараться понять другого	47	33
Стремиться к знаниям	53	57
Не упускать своего	6	15
Открыто говорить, что думают	23	13
Не выделяться	8	4
Стремиться занять видное положение	3	11
Помнить о воздаянии за грехи	2	8
Быть честными, порядочными	74	65
Не забывать своих корней	12	20
Уважать родителей	66	71
Уметь быть счастливыми	15	24
Любить свой дом, родину	45	36
Работать для общего блага	11	4
Уметь довольствоваться малым	5	6
Быть хитрей, не давать себя провести	4	11
Быть всегда самими собой	34	29

Перед нами довольно богатая картина, отображающая смену предпочтений за десять лет. Заметен рост установок на возвышение, достижение, хватку, хитрость (в этом ряду, видимо, следует воспринимать и пожелание быть счастливыми) и соответственное снижение популярности «советских» ориентаций на скромность, общее благо, на свой дом. Реже упоминают честность, порядочность, прямоту (говорить то, что думают, быть самим собой), чаще – память о корнях, уважение к родителям.

Но вот – как будто противоречащее всему сказанному – желаемое распределение будущих профессий детей.

Табл.16. Кем бы Вы хотели видеть своего сына (дочь, внука)?

	1994	1999
Профессором, ученым	9	9
Артистом, писателем, журналистом	8	4
Директором банка	13	12
Владельцем магазина	7	8
Врачом, учителем, инженером	30	30
Военным, офицером	11	10
Спортсменом	12	10
Политиком, министром	3	2
Предпринимателем, бизнесменом	16	17
Священником	2	1
Квалифицированным рабочим	19	19
Фермером	4	4

Таким образом, за пять последних лет установки на профессии детей остаются на удивление стабильными, причем наибольшей популярностью пользуется «советский» набор престижных профессий – врач, учитель, инженер, рабочий... Правда, рядом с ними занимают стабильные и почетные места также бизнесмены и банкиры.

Толерантность: рамки допустимости или безразличия к человеку

Сравнение мнений о том, как поступить с носителями девиантных, отклоняющихся от принятых в качестве привычных или преобладающих, норм поведения.

Табл.17. Как следует поступить...

а) с проститутками?

	1989	1994	1999
Ликвидировать	27	18	12
Изолировать от общества	33	23	20
Оказывать помощь	8	12	20
Предоставить их самим себе	17	30	29

Табл.17. Как следует поступить... (продолжение)

б) с гомосексуалистами?

	1989	1994	1999
Ликвидировать	31	22	15
Изолировать от общества	32	23	23
Оказывать помощь	6	8	16
Предоставить их самим себе	12	29	18

в) с наркоманами?

	1989	1994	1999
Ликвидировать	29	26	21
Изолировать от общества	24	23	24
Оказывать помощь	24	38	47
Предоставить их самим себе	39	5	3

г) с больными СПИДом?

	1989	1994	1999
Ликвидировать	13	7	8
Изолировать от общества	24	20	26
Оказывать помощь	57	68	56
Предоставить их самим себе	1	1	1

д) с бродягами, «бомжами»?

	1989	1994	1999
Ликвидировать	9	10	7
Изолировать от общества	25	20	15
Оказывать помощь	44	55	60
Предоставить их самим себе	7	5	5

е) с алкоголиками?

	1989	1994	1999
Ликвидировать	7	9	7
Изолировать от общества	22	20	15
Оказывать помощь	59	59	66
Предоставить их самим себе	6	5	5

Табл.17. Как следует поступить... (продолжение)

ж) с рокерами?

	1989	1994	1999
Ликвидировать	20	26	15
Изолировать от общества	14	18	14
Оказывать помощь	9	7	7
Предоставить их самим себе	27	25	35

з) с родившимися неполноценными?

	1989	1994	1994
Ликвидировать	25	18	11
Изолировать от общества	9	7	9
Оказывать помощь	50	56	62
Предоставить их самим себе	1	1	1

и) с членами религиозных сект?

	1989	1994	1999
Ликвидировать	4	6	14
Изолировать от общества	6	12	23
Оказывать помощь	5	8	9
Предоставить их самим себе	57	51	29

Данные о затруднившихся ответить не приводятся.

Бросается в глаза определенное смягчение отношения практически по всем группам девиантов. (Единственным исключением служит отношение к сектантам, которое заметно ужесточилось за последние годы – вероятно, это эхо направленных против них обличений со стороны приобщенной к государству православной иерархии.)

Вопрос в том, что означают такие сдвиги в массовых установках: распространение более гуманных, более цивилизованных критериев толерантности или рост безразличия к нравственным нормам (и к людям), сопутствующий ситуации ценностного кризиса и распада.

Вопрос о смертной казни – точнее, о возможности ее отмены – давно служит показателем жестокости в общественных настроениях.

Табл.18. Отношение к отмене смертной казни

	1989	1994	1999
Немедленно отменить	3	5	5
Постепенно идти к ее отмене	15	15	15
Оставить ее применение в нынешних рамках	33	37	36
Расширить ее применение	35	25	23
Затрудняюсь ответить	14	18	20

Распределение позиций относительно отмены казней остается практически стабильным. Заметна динамика только в том, что более широкое применение исключительной меры пользуется все меньшей поддержкой. Немедленную или постепенную ее отмену все эти годы поддерживали только 20% населения. Хотя настроения общества далеко не соответствуют европейским (ЕС) стандартам, можно отметить отсутствие в них тенденции ожесточения, которую можно было бы ожидать в связи с постоянной темой кровавого насилия в масс-медиа и реальной жизни.

Эмоциональные рамки существования человека

Опросы выявляют различные по своей природе и функциям эмоциональные механизмы, так или иначе участвующие в определении актов социального поведения. Видимо, самый простой из них – реакции на определенные события или действия: соотнесение ожиданий с реалиями создает «текущие» оценки одобрения/неодобрения и т.п. Более сложные по своей природе обобщенные оценки, например, удовлетворенность собственной жизнью в целом или упоминавшиеся выше оценки исторических рамок идентификации строятся на соотнесении текущих раздражителей внимания и более устойчивых, не всегда осознаваемых структур типа ценностных установок и стереотипов социального восприятия. Поэтому обобщенные эмоциональные оценки значительно менее подвижны. Можно, вероятно, выделить и еще один тип предельно генерализованных оценок, которые во многом задают сами рамки эмоционального восприятия реальности и обеспечивают некий относительно устойчивый баланс между внешней (непосредственно социальной) и внутренней (личностной, интернализированно-социальной) средами человеческого существования. В эмпирических исследованиях такие генерализованные оценки выглядят константами. Некоторые примеры будут рассмотрены далее.

Табл.19. Эмоциональные рамки: «у всех» и «у себя»

Какие чувства появились, окрепли за последние годы: у окружающих Вас людей? ...у Вас лично? (данные опроса 1999 г.)

	1993	1999	
		У окружающих	У Вас
Надежда	17	10	24
Усталость, безразличие	55	52	38
Одиночество	10	5	10
Страх	26	29	18
Чувство собственного достоинства	5	3	8
Обида	16	26	29
Растерянность	24	24	20
Зависть		8	2
Отчаяние	18	37	26
Уверенность в завтрашнем дне	5	3	6
Чувство свободы	7	4	7
Ожесточение, агрессивность	30	37	13
Ответственность за происходящее в стране	3	2	5
Гордость за свой народ	4	2	3
Другое	2	3	
Затрудняюсь ответить	10	3	5

Для сравнения приведены данные одного из опросов 1993 г. (1770 чел.)

В этом сложном наборе эмоциональных оценок явно преобладают негативные – безразличие, обида, отчаяние, страх, ожесточение. Но при этом личные чувства заметно более оптимистичны, чем чувства окружающих: в правой колонке все позитивные оценки встречаются заметно чаще, а все негативные – реже (исключением служит лишь чувство обиды, которое чаще упоминают как личное переживание).

Баланс страхов и радостей

Непременным условием существования человека в стабильной или, напротив, бурно изменяющейся социальной обстановке является постоянное поддержание некоего эмоционального баланса между раздражителями различного уровня. Как показали и наши предыдущие исследования по программе «Советский человек», источники напряженности носят чаще всего социальный характер, а источники радостей и удовлетворенности – преимущественно личные, семейные.

Табл.20. Чего боятся современные россияне?

	1989	1994	Индекс	1999	Индекс
1.	Болезни близких	Болезни близких	4.3	Болезни близких	4.5
2.	Мировая война	Преступники	3.9	Безработица, бедность	4.1
3.	Свои болезни	Произвол властей	3.7	Свои болезни	3.9
4.	Стихийные бедствия	Болезнь, смерть	3.6	Произвол властей	3.8
5.	Старость	Мировая война	3.6	Преступники	3.6
6.	Гибель человечества	Безработица, бедность	3.5	Мировая война	3.6
7.	Произвол властей	Насилие на национальной почве	3.4	Насилие на национальной почве	3.3
8.	Страдания, боль	Публичные унижения	3.2	Стихийные бедствия	3.1
9.	Публичные унижения	Возврат к масс. репрессиям	3.2	Публичные унижения	3.0
10.	Преступники	Стихийные бедствия	3.1	Возврат к масс. репрессиям	2.9

Из-за различия в методических средствах опрос 1989 г. позволяет представить только иерархию (по частоте упоминаний) пугающих событий. Данные 1994 и 1999 гг. – средние показатели, построенные на основе 5-балльной шкалы (от «совершенно не испытываю страха» до «испытываю постоянный страх»). Наиболее существенные изменения в иерархии событий, вызывающих страх, – выдвигание на первые места безработицы и бедности, более редкие упоминания о страхе перед мировой войной и возвратом к массовым репрессиям.

Табл.21. Что доставляет Вам наибольшую радость, удовольствие?

		1989	1999
1.	Заниматься с детьми	53	35
2.	Получать хорошие деньги	19	33
3.	Заниматься садом, огородом	25	28
4.	Бродить по лесу	24	26
5.	Читать книгу, журнал	40	26
6.	Смотреть телевизор	18	24
7.	Вкусно поесть	14	23
8.	Проводить время с мужем/женой	23	18
9.	Заниматься любовью	10	18
10.	Работать в полную силу	25	18

Приведены только первые 10 позиций (ранжированы по частоте упоминаний 1999 г.).

Изменения в списке невелики, но показательны. Реже упоминаются дети, книги, семья, работа, зато чаще – деньги, телевизор, хорошая еда, секс. (Вероятно, в этом сказываются не только изменения в реальном образе жизни и привычек людей, но также изменения акцентов в демонстративном поведении, в тематике публичного обсуждения.)

В заключение остановимся на некоторых генерализованных показателях эмоционального состояния человека, которые могут быть представлены в качестве констант его существования.

Табл.22 Чувствуете ли Вы себя в нашем обществе свободным человеком?

	1995	1996	1997	1999
Да, скорее да	29	33	36	36
Скорее нет, нет	58	53	52	51
Затрудняюсь ответить	13	14	12	13

*Источники: Мониторинги 1995–1997гг., «Сов. Человек» 1999 г.
Суммированы данные ответов «да» и «скорее да», «нет» и «скорее нет».*

При всех колебаниях и пертурбациях социальной конъюнктуры в обществе сохраняется почти неизменным соотношение свободных и несвободных (по их субъективным оценкам) людей; около трети первых и несколько больше половины вторых, причем с годами доля последних даже уменьшается.

Другой пример почти стабильного показателя – доля людей, считающих себя счастливыми.

Табл.23. ...Если говорить в целом, Вы счастливы?

	1989	1994	1999
Да, скорее да	45	46	49
Скорее нет, нет	32*	34	38
Затрудняюсь ответить	23	21	13

(Суммированы данные «да», совершенно и «скорее да», «нет совершенно» и «скорее нет».)

*к этой позиции добавлен имевшийся в опросе 1989 г вариант ответа «не в этом главное» (19%).

Доля считающих себя счастливыми практически стабильна – несколько меньше половины населения. Увеличение процента несчастливых явно происходит за счет не определившихся с ответом, т.е. – как можно полагать – за счет людей, не решавшихся продемонстрировать свою обделенность радостями жизни в целом. (При том, что люди довольно охотно показывают нехватку конкретных благ, денег, здоровья и т.д.) Как показывают международные сравнительные исследования, процент счастливых в разных странах (во многих из них, например в США, в Японии, он значительно выше отечественного стандарта) стабилен, сложным образом коррелирован с самооценками людей, страны, истории и мало связан с текущей социально-экономической или социально-политической конъюнктурой.

Краткий обзор некоторых результатов нового исследования по программе «Советский человек» позволяет сделать – в предварительном порядке – некоторые выводы принципиального характера. Первый из них имеет методологическое значение и упоминался в начале статьи: подтверждена вновь реальная возможность использования данных периодических массовых опросов для изучения фундаментальных изменений в общественных институтах и структурах, в том числе в структуре человека как социальной личности.

Три волны исследования – 1989, 1994 и 1999 гг. – выявили существенные особенности динамики общества и общественного мнения в сложных условиях общественных переломов и кризисов переходной эпохи. Опрос 1989 г. застал российское – тогда и номинально советское – общество в момент подъема перестроечных иллюзий и первых признаков разочарования и недоумения. Опрос 1994 г. прошел в атмосфере широко распространенной переоценки результатов перемен и поисков стабилизирующих механизмов. Последний опрос 1999 г. – в условиях доминирующей в массовых настроениях ностальгии по прошлому и попыток адаптироваться к изменившейся социальной реальности. Исследования охватили все важнейшие сдвиги в настроениях и оценках общественного человека за последние десять лет и предоставили материал для анализа основных «загадок» его поведения (в их числе – пресловутое российское терпение, пассивный русский бунт и постоянная «мобилизационная» готовность).

В опросах общественного мнения, связанных с изучением политической или коммерческой конъюнктуры, часто бывает достаточным выявление позиций абсолютного или относительного большинства населения, избирателей, потребителей. Но в настоящем исследовании основным объектом изучения является скорее всего не большинство, а некое меньшинство опрошенных – значимое меньшинство, которое своим поведением определяет (но не обязательно осознает) характер и устойчивость перемен в различных сферах жизни общества. При любых переменах большинство в обществе инертно, консервативно, подвержено влиянию ностальгических и даже просто реставраторских настроений. Судьба перемен определяется соотношением сил и влияний определенного значимого меньшинства; чаще принято использовать термин элита, который представляется в данном случае менее продуктивным. Если социальный человек – в соответствии с представленным ранее замыслом всего исследования – эмпирически дан как распределение человеческих позиций и типов, то его характер и его способность изменяться зависят от соотношения определенных значимых меньшинств и массы (которая, впрочем, является всегда достаточно условным образованием), притом соотношения не только долевого, но и ролевого (в смысле функций, влияний таких меньшинств)⁵.

Неоднократно приходилось отмечать вынужденный характер перемен в нашем обществе после 1985-го и последствия этого для состава и способов действий вовлеченных в них субъектов социального действия. Массовая сторона такого процесса (а именно она непосредственно изучается в исследованиях, основанных на опросах общественного мнения) – вынужденное приспособление к результатам перемен. Серия опросов по программе «Советский человек» дает обширный эмпирический и мыслительный материал для анализа таких перемен на уровне человека.

1 Опрос проводился по заказу Московской школы политических исследований.

2 По итогам исследования 1989 г. авторским коллективом была написана книга «Советский простой человек». М., 1993. Анализ результатов второй волны был представлен в серии статей авторов исследования, публиковавшихся в «Мониторинге общественного мнения».

3 По данным других исследований ВЦИОМ (типа «Экспресс», апрель 1999 г., 1600 опрошенных), где проблема приспособления к переменам рассматривается иначе, 48% считали, что большинство населения уже приспособилось или вскоре приспособится к переменам: а 43% – что люди никогда не смогут этого сделать. Аналогичный вопрос, обращенный к семье самого респондента, дает несколько более адаптивные результаты (53% уже приспособились или надеются, что вскоре это сделают, а 40% никогда не смогут).

4 Попытку выделить различные типы и уровни идентификации человека см.: Ю. Левада. «Человек в поисках идентичности: проблема социальных критериев» // «Мониторинг общественного мнения». 1997, 4.

5 Такие разделения хорошо известны в социологической литературе. «Каждый человек по своим задаткам – существо, состоящее из многих пластов. И в нем, сменяя друг друга, могут господствовать или отступить те или иные задатки. Каждая фиксация какого-либо типа означает, что эта фиксация складывается посредством господства определенных задатков и их связи и интеграции с ядром личности. Каждое изменение той или иной фиксации означает, что она сменяется вследствие ставших рецессивными ранее решающих задатков и интегрирующего господства тех, которые до сих пор были рецессивными». – Альфред Вебер. Третий или четвертый человек // А. Вебер. Избранное: кризис европейской культуры. Пер. с нем. СПб.; М., 1999.

Революция и постреволюция: стабилизация, нестабильность, Термидор?

Ирина Стародубровская, Владимир Мау, Егор Гайдар, Глеб Павловский и Игорь Клямкин о текущем историческом моменте и его истоках.

Беседа состоялась на конференции «Итоги и перспективы современной российской революции», приуроченной к выходу книги Ирины Стародубровской и Владимира Мау «Великие революции от Кромвеля до Путина», проведенной Фондом «Либеральная миссия».

Ирина Стародубровская,

заместитель генерального директора Фонда реконструкции предприятий и развития финансовых институтов

В своем выступлении я бы хотела остановиться на двух вопросах. Во-первых, в какой степени правомерна методология, которую мы использовали в нашей книге. И во-вторых, я бы хотела рассказать о структурах и процессах, связанных с постреволюционным развитием, – о том, чего нам ждать в ближайшее время. Закончились ли революционные преобразования и теперь ситуация будет стабилизироваться или же нас еще ждут достаточно серьезные проблемы, связанные с прошедшей революцией?

Нас очень часто упрекали и продолжают упрекать в том, что вся логика этой книги строится по принципу аналогий. Можно ли на этом основании что-то анализировать или прогнозировать? Мы действительно начинали эту работу с аналогий. На идею анализировать наши события десятилетней давности в логике Великих Революций нас натолкнуло их внешнее сходство с тем, что происходило раньше. И все-таки самое главное – это не сходство самих процессов, а тождественность их причин. И хотя все революции происходили в разные эпохи, оказалось, что ситуации в различных странах в преддверии подобных катаклизмов были очень похожи.

Например, каждая из стран, в которой происходила революция, сталкивалась с серьезными внутренними проблемами, которые обычно были порождены тем, что обществу нужно было адаптироваться к новой стадии своего развития, связанной с экономическим ростом. В России эти проблемы были связаны с переходом к постиндустриальному обществу.

Однако некие жесткие ограничители в структуре мешали эволюционному процессу адаптации. Конечно, эти ограничители везде были разными. Одно дело – невозможность социальной адаптации в аграрно-бюрократических монархиях в период перехода к индустриализации, другое дело – проблемы, возникшие в советской системе в связи с ее неспособностью приспособиться к новым постиндустриальным вызовам.

Но этого еще недостаточно для того, чтобы общество созрело для революции. Будучи не в состоянии приспособиться к новым условиям, оно начинает отставать – сначала постепенно, потом безнадежно. В любом предреволюционном обществе действуют

факторы, которые нарушают его социальную структуру. И во время прежних революций, и сейчас на этот процесс влияли различные деструктивные факторы. Тогда социальную структуру расшатывали новые экономически активные слои, которые не вписывались в традиционную сословную структуру. У нас аналогичную роль сыграл нефтяной бум, приведший к массовому притоку нефтедолларов в страну. Во всех случаях эти процессы приводят к тому, что общество из стройной социальной системы разваливается на мелкие группы с очень конфликтными интересами. Оно фрагментируется, распадается элита, и оказывается, что государству просто не на кого опереться. Социальная база, на основе которой оно строило свою политику, развалилась на небольшие конфликтные группировки, компромисс между целями и интересами которых найти практически невозможно.

Предреволюционная ситуация и революция становятся неизбежными, когда в обществе консенсус против любого решения всегда оказывается более силен, чем консенсус «за». Это приводит к ослаблению государства, и начинается революция. В революционную эпоху слабое государство не может контролировать ход преобразований в стране. Наоборот, его политика является результатом самых разнообразных тенденций, движений, сил, групп интересов, а происходящее носит сугубо стихийный характер.

Революционному правительству, и это происходило во всех революциях, нужно где-то искать финансовую базу, чем-то покупать социальную поддержку. Одним из закономерных и логичных источников финансирования власти становится собственность, которая либо конфискуется у контрреволюционных сил, либо, как в нашем случае, являясь государственной, подлежит приватизации. Поэтому приватизация в тех или иных формах, кстати, очень часто – ваучерных, характерна практически для всех революций. Первые ваучеры появились в Англии XVII века.

Новая структура собственности порождает новую элиту, которой уже не нужен революционный хаос. Именно выросшая из революции элита формирует базу для возникновения нового, сильного постреволюционного государства.

Этот цикл проходили все общества, где происходили Великие Революции. Точно такой же цикл повторился и в России. Поэтому мы не считаем, что книга построена исключительно на аналогиях. В ее основе лежит анализ базовых общественных процессов и выявление их сходства в очень разных условиях.

Практически все исследования революций заканчиваются на моменте появления новой элиты и усиления государства. Рисуеться радужная картина: все потрясения благополучно пройдены, все позади, и теперь государство будет только усиливаться, на этой основе будет бурно развиваться экономика, а общество достаточно быстро преодолеет революционную болезнь, которой болело десять-пятнадцать лет. Но если приглядеться к тому, как складывались постреволюционные периоды предыдущих революций, то мы увидим, что это не так.

Что же представляет собой постреволюционный период? Обсуждая формулировки во-

просов для этой конференции, мы поспорили с Евгением Григорьевичем Ясиным, который просил заменить в вопросах к конференции формулировку «постреволюционный период» на «постреволюционную стабилизацию», в то время как я считала, что здесь надо употребить словосочетание «постреволюционная нестабильность». В результате мы сформулировали вопрос так: «Постреволюционный период – стабилизация или нестабильность?»

К сожалению, как бы нам ни хотелось, чтобы постреволюционный период был длительной стабилизацией, вероятность этого достаточно мала. Во всех революциях на этапе их завершения возникает феномен, который в источниках определяется как «постреволюционная диктатура». Мы осторожно назвали его «постреволюционной консолидацией власти». Общество устало, у него нет никакого желания продолжать участвовать в масштабных общественных катаклизмах. Элита сформировалась, консолидировалась и заинтересована в установлении достаточно жесткого режима. На этой основе вполне закономерно происходит постреволюционная консолидация власти.

Впрочем, я думаю, что сейчас у нас нет оснований бояться того, что в России постреволюционный период ознаменуется чрезмерно жестким режимом сталинского типа. Возникновение таких жестких режимов было типично для периода индустриального общества, когда было распространено господство вертикальных структур и авторитарных режимов. Для постиндустриального общества, как и для периода модернизации или ранних индустриальных стадий, характерны более мягкие формы консолидации власти.

Постреволюционная консолидация власти строится на иных принципах, чем нормальная сильная власть в эволюционно развивающейся стране, основанная на базовом общественном консенсусе. Там партии могут очень остро и долго бороться за то, чтобы на процента снизить налоги или увеличить на один процент расходы на здравоохранение, но в сильном государстве более принципиальные вопросы обычно не встают на повестку дня.

Усиление государства в постреволюционный период имеет совершенно другую базу: с одной стороны, усталость общества, которое хочет отойти от политики, во всяком случае на какое-то время, и с другой – стихийная тенденция к концентрации власти в руках новой элиты. Постреволюционная консолидация всегда строится на определенном компромиссе между остатками старой дореволюционной элиты и новой элиты, сформировавшейся во время революции. Я не вижу конфликта в том, что власть консолидируется и в то же время строится на компромиссе, поскольку именно в этом заключена причина постреволюционной нестабильности. Усталость общества постепенно проходит, но отсутствие базового консенсуса начинает влиять на политику, а стремлению элит к объединению через некоторое время начинают мешать реальные различия их интересов.

Однако период консолидации власти обычно продолжается не очень долго. По историческим меркам можно сказать, что он даже краток – так же, как революционный период, он длится не более десяти-пятнадцати лет. После него наступает период достаточно длительной и сложной постреволюционной нестабильности, для которого не характерны крупные общественные катаклизмы, хотя так называемые «вторичные ре-

волюции» и происходят достаточно часто. Этот период характеризуется нестабильной политикой, влиянием самых разных сил на реальный политический и экономический курс, когда тенденции, сформированные в условиях революции, сочетаются с усилением контрреволюционных настроений.

Любая революция оставляет после себя очень тяжелые последствия, для преодоления которых требуются десятилетия, а иногда и столетия. Можно выделить три таких фактора.

Революция – процесс стихийный, и куда выведет кривая этих преобразований, понять довольно сложно. Обычно ограничители, препятствующие адаптации общества к новым проблемам и вызовам, во время великой революции снимаются не полностью, а иногда даже усиливаются. Если мы посмотрим на историю всех революций, то увидим, что во Франции реальный путь к развитию буржуазных отношений открыла не Великая Французская революция, а революция 1830 г. Также и в Англии гражданская война и последующие преобразования, называемые Великой Английской революцией, имели неопределенные результаты, а реальные предпосылки для экономического роста были созданы только в результате Славной революции 1888–1889 гг. и произошедших после нее изменений в системе власти. Поэтому мы можем предполагать, что и в нашей ситуации дальнейшие преобразования будут проходить достаточно сложно и потребуют радикальных действий.

Второй фактор длительной постреволюционной нестабильности – отсутствие базового консенсуса в обществе, которое выходит из революции крайне неоднородным. Система базовых ценностей и мифов одной его части строится на основе новой, революционной идеологии, в то время как достаточно большая часть общества еще существует в системе предреволюционных ценностей.

Также для прошлых революций было характерно то, что часть отстраненной от власти в период революции элиты возвращалась и требовала своей доли собственности и власти, поэтому установившиеся после революции отношения собственности оказывались нестабильными. В одних странах в постреволюционный период происходило перераспределение собственности, в других – его не было, хотя эта угроза и существовала.

Что касается нашей ситуации, то три обозначенных фактора так или иначе будут влиять на постреволюционный период в современной России. Если говорить о незавершенности преобразований, то принципиальнейшую роль здесь будет играть то, что нынешняя конкурентоспособность нашей экономики во многом поддерживается искусственно, в частности за счет далеких от мировых низких цен на продукцию топливно-энергетического комплекса. Ведь для интеграции в постиндустриальное общество, и в первую очередь – в формирующуюся сейчас международную систему разделения труда, требуется соблюдение иных условий, чем для вхождения в общество индустриальное, когда основная задача страны состояла в том, чтобы «догнать и перегнать». И я вижу источник длительной экономической постреволюционной нестабильности в том, что наша страна пытается войти в международную систему разделения труда на основе искусственно заниженных цен на продукцию ТЭК. Эти цены еще очень

долго будут предметом политической борьбы и политического торга, поскольку их изменение приведет к неконкурентоспособности, банкротству и переориентации не только отдельных предприятий, но и крупных секторов экономики.

Я не верю в то, что отсутствие базового консенсуса в наших условиях сможет привести к той или иной форме реставрации на общегосударственном уровне. Что же касается ситуации в регионах и муниципалитетах, то там политические тенденции будут конфликтными. В результате выборов курс власти будет меняться, но правила игры будут оставаться нестабильными. И это тоже один из долговременных факторов, способствующих постреволюционной нестабильности, который в первую очередь связан со сменой поколений. Вопрос о возможности возвращения старой элиты, о роли старых кадров КГБ в новой политической системе пока еще остается открытым.

Таким образом, стабилизация постреволюционной России будет достаточно продолжительной, поскольку сохранятся факторы, провоцирующие нестабильность. Государство будет укрепляться, экономический рост продолжится, но из-за факторов нестабильности транзакционные издержки будут по-прежнему достаточно высоки. Поэтому я не верю ни в массовое вливание инвестиций, ни в российское экономическое чудо в ближайшие десятилетия.

Владимир Мау,

руководитель Рабочего центра экономических реформ при Правительстве РФ

Сегодня мы наблюдаем очень забавный феномен: аудитория, признающая события десятилетней давности революцией, постепенно увеличивается по мере удаления от них. В 1991 г. Егор Гайдар не считал произошедшее революцией, хотя уже через год он это признал. Когда мы выступали на радиостанции «Эхо Москвы», проводилось интерактивное голосование. Конечно, оно абсолютно нерепрезентативно, но тем не менее нашу точку зрения поддержали 60% радиослушателей.

Последняя российская революция, несомненно, была по-своему уникальной, но эта уникальность не заключается в каких-то конкретных механизмах. В своей работе мы пытались показать, что в нашей революции присутствовали почти все черты, характерные для большинства предыдущих революций. Отличие в том, что ранее было практически невозможно обсуждать революционные события с участниками, активистами и лидерами ранних и радикальных фаз революции сразу после революции или на стадии ее завершения, что свидетельствует об определенном прогрессе.

Я считаю необходимым уточнить понятие «великие революции». В данном случае, употреблением слова «великие» мы не даем событиям эмоциональную оценку. «Великая революция» – это не очень хорошая или очень плохая революция. Это революция, проходящая весь цикл, все фазы, и поэтому «великая». Германские события 1948 г. характеризуются по-другому. «Величие» революции состоит не в масштабности перемен, а в прохождении обществом определенного цикла.

Впрочем, как сказал Евгений Григорьевич Ясин, книга – книгой, революция – революцией, но очень интересен вопрос, что же будет дальше? Довольно просто прогнозировать события по ходу революции: происходят стихийные процессы, малоконтролируемые властью, и в целом их логика и механизмы повторяются. Но уже на стадии ее завершения события могут развиваться в самых различных направлениях.

Где-то в середине 60-х годов у Чжоу Эньлая спросили, что он думает об итогах Великой Французской революции, и он ответил: «Прошло еще слишком мало времени, чтобы всерьез говорить об ее итогах». Тем не менее я полагаю, что мы уже можем говорить о первых итогах недавно прошедшей революции.

Я бы хотел привлечь ваше внимание к нескольким тезисам. По всей видимости, революция завершена, хотя никогда нельзя четко обозначить момент ее окончания. Мы понимаем революцию как механизм системной трансформации в условиях слабого государства, т. е. государства, не контролирующего социальные и экономические процессы. Для экономиста слабость государства заключается в том, что оно не способно ни собирать налоги на уровне бюджетных обязательств, ни сократить бюджетные обязательства на уровне сбора налогов – отсюда бесконечные инфляционные процессы, политическая нестабильность и перераспределение собственности ради покупки политической поддержки. Кстати, Эдмонд Берк в свое время, критикуя французский ассигнат, отметил, что процесс инфляции и процесс перераспределения собственности тесно связаны и фактически являются двумя частями единого целого.

Очевидно, что подходит к концу период нестабильности, завершён период революционного бюджетного кризиса, который тоже является характернейшей чертой этого десятилетия, как и любой другой революционной эпохи. С этого момента прогностическая способность теории революции несколько ослабевает, и на первый план выходит вопрос о дальнейшем развитии.

Есть две группы факторов, влияющих на постреволюционное развитие в среднесрочной перспективе. Первый из них – степень снятия ограничений, являющаяся следствием самой революции. Как правило, в постреволюционный период степень снятия предыдущих ограничений невысока, и общество зачастую снова сталкивается с подобными вызовами. Например, начало революции и потеря управляемости в СССР были связаны с нефтяным кризисом, с колоссальной зависимостью советской бюджетной и хозяйственной системы от динамики нефтяных цен в начале 1980-х гг. Этот фундаментальный конфликт, эта структурная проблема, эта наркотическая зависимость от нефти сохраняется и по сей день. Но появились новые элиты с несколько трансформировавшимися интересами, которые могут и будут реагировать на колебания цен по-другому, может быть более эффективно. Хотя, повторяю, эта структурная проблема осталась, и она будет сказываться в течение длительного периода, провоцируя нестабильность.

Другим фактором, влияющим на постреволюционное развитие, является структура интересов выходящего из революции общества. Мы с соавтором ведем внутреннюю

дискуссию по этой проблеме. Описывая этот фактор, я позволю себе прибегнуть к методу аналогий. Так, очень интересные выводы можно сделать, сравнивая результаты, например, английской и германской революций, с одной стороны, и французской – с другой. Если важнейший источник нестабильности в период революции – конфликт элит, отсутствие консенсуса по базовым ценностям, то после революции причина очень слабого развития и даже застоя является результатом слишком тесного единства взглядов элит. Сохранение двух классов, землевладельцев и буржуазии, после английской революции или германской революции 1848 г., считавшееся в марксистской традиции доказательством их незавершенности, на деле было важнейшим источником дальнейшего развития этих стран, поскольку конфликт этих элит, их способность контролировать друг друга и влиять на правительство, не допуская разбалансирования системы до полного кризиса, был очень важным источником формирования механизмов постреволюционного роста. Неважно, что в Англии аграрии были протекционистами, а промышленники – фритрейдерами, а в Германии – наоборот: юнкеры были фритрейдерами, а промышленники – протекционистами. Важно, что и в Англии, и в Германии присутствовал конфликт интересов, тогда как из французской революции все – от крестьянина до банкира – вышли протекционистами и требовали защиты национальной промышленности, что оказывало негативное влияние на рост вплоть до периода Второй Империи.

Также на постреволюционное развитие оказывает влияние характер самой эпохи. Постреволюционные события развивались по-разному в условиях ранней индустриализации, зрелого индустриального общества, в период 1920–30-х гг. и в постиндустриальном обществе. Существенно различались и выводы, и логика действий элит, и общественная реакция. Если что-то принципиально и отличает нашу последнюю революцию от революций прошлого, так это то, что она происходила в обществе образованном, урбанистическом и гораздо более развитом. Практически все предыдущие революции происходили в странах с примерно одинаковым уровнем ВВП на душу населения, с примерно одинаковой структурой занятости при доминировании аграрного населения с очень низким уровнем образования и доходов – того, что называется *human development index*.

Глеб Павловский,
директор Фонда эффективной политики

Я боялся, что должен буду говорить о революции что-то систематическое, тогда как у нас последние десять-пятнадцать лет практически отсутствовала теоретическая дискуссия по этому вопросу, во всяком случае, в публичной сфере. Всегда, когда общество возвращается к прерванной когда-то дискуссии, возникает проблема определения общей системы понятий. Ни для кого не секрет, что в России термины «революция» и «революционный» используются еще и как знак или клеймо. Хотя понятие «революционный» возникло после французской ре-

волюции как политический термин, обозначающий более качественную, с тогдашней точки зрения, более передовую группу общества.

Если определить искусственную реальность, существовавшую до 1990-х годов, как тоталитарную, то естественно назвать процесс, приведший к ее разрушению, демократическим, чтобы сохранить общность набора понятий. С такого рода проблемами мы сталкиваемся постоянно. В книге не различаются «революция» как сбой организма и «революция» как особый организм, система. Изначально же понятие «революция» обозначало сбой в обычно ему не подверженном, как тогда предполагалось, организме. Впоследствии выяснилось, что бывают революции, достраивающие себя, затягивающиеся, превращающиеся в бытовую, обыденную форму существования общества. И упоминаемую сегодня проблему фрагментации предреволюционного общества тоже можно решать разными способами. Можно усугубить ту разобщенность, которая способствовала началу революционных процессов, и в определенный момент начать выстраивать новые социальные связи на основе временных отношений, которые возникли в так называемую Революционную эпоху.

Интересно было бы посмотреть, как и когда в ходе нашей последней революции сознательно применялись инструменты прошлых революций для достижения тех или иных целей. Известно, что сознательно или полусознательно в революциях начала XX в. большую роль играл прецедент французской революции. Кстати, само представление о том, что английская революция не была завершена, было частью идеологии последующей революции во Франции, хотя английская революция вовсе так не считала. В русской революции 1917 г. французский прецедент сыграл колоссальную роль, причем этот опыт использовался отнюдь не только для удобства маркировки тех или иных групп, не только для получения мандата на экстремальное поведение, на выбор наиболее радикальных средств. В свою очередь, именно в русской революции впервые террор сознательно применялся не внутри лимитированного данной цивилизацией процесса осуществления власти в тех пределах террора, на которые она готова, а как инструмент для взлома определенного цивилизационного порядка осуществления власти и в каком-то смысле для получения нового механизма селекции участников революции.

Подобно любому организму, каждая революция ищет способ построения некоего шлюза, насоса для расширения своего поля, для вовлечения в него все новых участников на уже определенных ею ролях. Революция конца 1980 – начала 1990-х г. решила эту проблему по-своему элегантно. Использованный механизм был тесно связан с проблемой финансов. Финансирование революции всегда было интереснейшей темой, остро нелюбимой во время самой революции и вызывающей споры, противоречия и обиды долгое время после нее. Революция в СССР финансировалась из государственного бюджета. Роль каких-либо других денег в этой революции заметным образом начинает проследиваться примерно с 1990 г., когда процесс уже стал неуправляемым. Я помню, что в конце 1989 г., когда дело шло к выборам в Российской Федерации, Джордж Сорос со-

брал нескольких человек и сказал: «Ну что, вы так и будете телиться?» Каждый по-своему описал, каким образом он не будет телиться, и Сорос сказал: «Ваши проекты интересны, и, в принципе, я готов потратить на это миллион долларов». Но эта поддержка фактически играла роль лишь дополнительной катализации достаточно динамичного процесса. Да, на дополнительное финансирование революции можно было отдать несколько коробок из-под ксероксов, факсов или компьютеров, но в основном она финансировалась государством через систему кооперативов.

Кооперативы 1980-х гг. можно рассматривать как в рамках экономической истории, так и в рамках истории политической. Напомню, что кооперативы были фактически первой легально разрешенной формой гражданской самоорганизации, позволяющей вести все виды деятельности. Именно в кооперативной среде, в которую без значительных изменений перешла предшествующая ей неформальная среда, возникает механизм обналичивания безналичных денег и система определенного типа отношений между экономической деятельностью, правом и гражданским поведением. В этом треугольнике, который в принципе исключает формирование устойчивых отношений собственности и ее защиты, мы остаемся до сих пор. В этой системе могут возникать сообщества, через которые постоянно текут наличные деньги, скапливаясь в определенных местах в сравнительно большем количестве, а политическими средствами выстраиваются оболочки для охраны этих аккумулярованных капиталов, но отношения собственности здесь сформироваться не могут.

Эти высокофинансируемые передовые сообщества, движимые активными людьми, выстраивают определенные отношения с властью, основанные на правовом невмешательстве власти в сферу их деятельности. Это разделение интересов тоже возникло в 1980-е гг., когда власть предоставила кооперативам некий открытый сектор, на который не распространялись отношения права, тогда как сама она контролировала все, что находилось за пределами этого сектора. В дальнейшем в результате экстраполяции, расширения этот сектор захватил все общество, и эта система отношений заместила собой поле, в котором могли бы возникнуть отношения, регулируемые правом.

Я хотел бы отметить еще один важный и уникальный момент. Наша последняя революция происходила при сохранении континуума ряда тоталитарных институтов. Естественным образом они теряли свое прежнее значение. КГБ, трансформировавшись в ФСБ, из которого наиболее активные люди уходили в бизнес и политику, конечно, не оставалось прежним, но континуум сохранялся и поддерживался. Агитационно-пропагандистский механизм практически полностью перешел в новую реальность. У нашей революции было две идеологические оболочки. Номинальной идеологией был провозглашен либерализм, но производство этих конструкций осуществлялось советским механизмом пропаганды и агитации, который оказался способным легко перенестись на другой режим.

Все вышеперечисленные факторы вполне могут стать основанием для того, чтобы запретить применение слова «революция» по отношению к процессам, свидетелями ко-

торых мы все являемся, во всяком случае до прояснения этого понятия. Хотя мне кажется, что очень серьезным прорывом являются первые попытки упорядочить реальность конца 1980-х – начале 1990-х, которая в то время анализу и описанию не подлежала. Наверное, многие могут вспомнить двойственность отношения к реальности того времени, которую нельзя было никак называть, кроме как определенными публицистическими терминами, но считалось, что именно она формирует шкалу отсчета. Условно говоря, время начиналось с перестройки. Доперестроечный период был некой заретушированной черной эпохой, которую можно было описывать по-разному и за которой начиналась ясность. Но саму точку перехода из темного пространства в светлое нельзя было ни рассматривать, ни давать ей определения, она не имела теоретического статуса. В этом смысле попытка придать ей теоретический статус хотя бы в виде понятия «революция» представляется мне колоссальным шагом вперед, особенно когда во главу угла ставится тема экономики революции.

Егор Гайдар,

директор Института экономики переходного периода

Я не сразу согласился с оценкой происходивших в России событий в конце 1980-х – начале 1990-х годов как с революцией, но с течением времени авторы меня в этом убедили. Подобно тому, как все мы вышли из гоголевской «Шинели», так и слово «революция» для нас, насколько бы рационально мы к нему ни относились, является красивым и хорошим, а «революционные преобразования», особенно в контексте «великой революции», – это вообще что-то замечательное. Такая установка создает фундаментальную проблему использования этого термина, потому что на самом деле любая революция, особенно великая, – страшная трагедия для общества, которое ее переживает. Она влечет за собой приговор элитам предшествующего режима, которые не смогли избежать великой революции, страшную перегрузку всех общественных институтов, ломку этих институтов, длительный период общественной дезорганизации и почти неизбежно – масштабное насилие. А если не возникает масштабного насилия, то складывается ситуация масштабной недопопуляции в связи с той же социальной перегрузкой.

Когда мы обозначаем какие-то процессы как «великую революцию», то речь идет о масштабной катастрофе. К сожалению, советская элита не смогла избежать такой катастрофы, которая очень дорого стоила нашей стране. Но даже в выступлении авторов на радио «Эхо Москвы» чувствовалось, что и выступающие, и слушатели, и ведущий не могли отказаться от ощущения революции как чего-то красивого и замечательного. И если уж мы договариваемся использовать этот термин, то давайте одновременно договоримся и об его эмоциональном знаке, о том, что определение событий минувшего десятилетия как великой революции говорит о том, что в России произошла одна из тех масштабных катастроф, которую, к сожалению, вынуждены переживать некоторые страны.

Если же говорить о прогностических возможностях использованного метода, то на самом деле великих революций в мировой истории было мало. Большинство исследователей включают в ряд «великих» английскую и французскую революции, русскую революцию 1917–1929 гг., китайскую и мексиканскую революции. Под вопросом находится включение в этот список иранской революции 1979 г. и ряда других. И на этом материале практически невозможно построить строгую, статистически верифицированную теорию революции. Хотя с экономической точки зрения развитие событий в рамках перечисленных революций всегда было связано с утратой государством способности собирать налоги и контролировать расходы, с долгосрочным финансовым кризисом, инфляционным или связанным с неплатежами, как это было во время английской революции, с длительным периодом слабо защищенных прав собственности и высоких транзакционных издержек, с усталостью общества от всего этого, и, в конце концов, – с постепенным восстановлением способности государства собирать налоги или ограничивать издержки и, соответственно, обеспечивать выполнение контрактов и снижение транзакционных издержек. Эти черты действительно схожи как в великих революциях прошлого, так и в российских событиях последнего десятилетия.

Но это сходство исчерпывается на этапе постреволюционной стабилизации. Данный инструментарий полезен для анализа революции до момента ее окончания. Потому что именно в этот период возникает широкая свобода для реализации самых различных политических линий элиты, сформировавшейся во время революции. В этой связи мне представляется малопродуктивным построение закономерностей, которые будут действительны и для ситуации в СССР в 1921–1929 гг., и для Французской революции после прихода к власти Наполеона и Бурбонов, и для Английской революции после Карла II. Власть укрепляется, получает широкую свободу маневра и во многом действует так, как диктуют ее приоритеты, вытекающие из доминирующих в мире идеологических тенденций. Но как будут развиваться события у нас – предсказать практически невозможно.

В обсуждении этой темы есть еще один принципиально важный момент. Именно в период постреволюционной стабилизации формируется некий набор институтов, который так или иначе функционирует впоследствии. Уровень гибкости этого набора институтов, его способность меняться в зависимости от меняющихся требований жизни принципиально важны для перспектив развития страны. Английская революция с течением времени сформировала поразительно гибкий набор институтов, позволяющий гарантировать права собственности и самоизменяться в зависимости от социальной ситуации, который был основан на прецедентном праве, разделении властей и т. д. Российская революция 1917 г. сформировала поразительно негибкий набор институтов. В определенной степени он был эффективен для решения задач индустриализации, но при этом поразительно негибок. База для второй русской революции конца XX века была заложена в наборе институтов, сформированном в Советском Союзе в 1921–1929 гг., который действительно способствовал решению за-

дачи форсированной индустриализации, но оказался абсолютно не приспособлен к изменению в зависимости от возникающих вызовов.

На мой взгляд, русская революция конца XX века является первой парной революцией, т. е. революцией, основы которой были заложены в режиме, сформировавшемся после первой русской революции 1917–1929 гг. Я боюсь, что через некоторое время мир будет наблюдать за второй парной революцией, которая на этот раз произойдет в Иране. У меня есть опасения, что сформированный в рамках первой иранской революции 1979 г. режим сейчас оказывается недостаточно гибким для того, чтобы самотрансформироваться без революционной ломки, без очередных крупномасштабных потрясений.

Поэтому для нас предельно важно, чтобы режим, который сформируется сегодня, после второй русской революции, не повторил бы ошибок, которые мы уже один раз сделали между 1917 и 1921 гг. Нельзя допустить, чтобы он закалился, чтобы эффективно решив сегодняшние задачи экономического развития России, впоследствии он оказался неспособным к изменениям в условиях динамично меняющейся реальности XXI века.

Игорь Клямкин,

*директор Института социологического анализа,
вице-президент Фонда «Либеральная миссия»*

Книгу «Великие революции от Кромвеля до Путина» можно рассматривать как событие, по крайней мере в академической литературе. В первую очередь, эта книга значительно продвигает нас в понимании событий, происходивших в России последние десять-пятнадцать лет. Мне представляются чрезвычайно важными как попытка авторов поставить эти события в контекст революций прошлого, так и соединение в их анализе экономического и теоретико-социологического подходов. После этого исследования уже трудно будет рассматривать прошедший период в эмоционально-оценочном ключе. Придется принимать в расчет и то, что написано в этой книге, т. е. говорить о событиях минувшего десятилетия конкретно и контекстно.

Очень трудно в течение короткого времени детально проанализировать эту интересную работу. И все же, чтобы не превращать свое выступление в панегирик авторам, я поделюсь некоторыми возникшими у меня критическими соображениями, которые оппоненты во время защиты диссертаций классифицируют обычно как «в то же время в работе есть некоторые недостатки».

Хотя я и не возражаю против применения термина «революция» по отношению к российским событиям последних лет, мне не представляется убедительным определение этой революции как великой, как бы ни было обидно людям, стоявшим в центре недавних событий. Великие революции: и английская, и французская, и русская 1917 года, – выдвигали новые проекты исторического развития, открывали новые коридоры

возможностей если не в мировом, то, по крайней мере, в региональном масштабе. Английская революция привнесла принцип экономической свободы, французская – принцип свободы политической, Октябрьская революция – глобальную идею всеобщего равенства. Даже события в Германии 30-х гг., которым посвящена отдельная глава, тоже несли новый принцип решения определенного типа проблем, который, впрочем, не получил такого широкого распространения, как большевистский. Я в данном случае не оцениваю содержание самих идей, которыми вдохновлялись те или иные преобразования. Я лишь констатирую, что в этом ряду исторических проектов наша недавняя революция выглядит достаточно вторичной, маргинальной, поскольку она реализовывала уже известные в мире принципы и пыталась приспособить к ним Россию. И именно поэтому я не могу рассматривать ее как великую революцию, хотя в масштабах истории России – это, конечно, грандиозное событие.

Вызывают вопросы и обобщающие построения, касающиеся радикальных фаз революций (в современном российском варианте это фаза, по мнению авторов, олицетворяется фигурой Гайдара). В данном отношении, как и во многих других, в книге есть немало интересных наблюдений. Так, вопреки распространенному у нас мнению, материалами всех революций подтверждается, что радикалы более прагматичны, нежели идеологичны. Они приходят к власти в уже сформировавшуюся до них среду, в которой строго следовать идеологическим принципам попросту невозможно; радикалы вынуждены решать насущные проблемы сугубо практического свойства. Это очень важно понимать, рассматривая наши реформы, и избранный авторами подход такому пониманию, безусловно, способствует. Однако, читая разделы о радикальной фазе революции, я постоянно ловил себя на том, что меня что-то смущает. И только дойдя до главы о Германии 30-х гг., я понял, что это ощущение вызвано воплощающими радикальные фазы фигурами. В одном ряду с Егором Гайдаром оказались Кромвель, Робеспьер, Ленин, Троцкий и даже Гитлер (нацизм характеризуется в книге как якобинство современности). Дело не только в том, что я не могу соотнести этих людей с Гайдаром, но и в том, что внутри этого ряда, среди его персонажей я вижу большие различия, подняться над которыми без методологического насилия над историей не так-то просто. Во всяком случае, авторам книги это, по-моему, не удалось. Неудача же, как мне кажется, обусловлена тем, что точкой отсчета в анализе авторов выступает именно современная российская революция, сквозь призму которой пересматривается опыт революций прошлого.

Конечно, для того чтобы выстроить этот ряд, авторам пришлось искать во всех революциях, их радикальных фазах нечто такое, что сближает их с событиями в России последнего десятилетия. В результате такого поиска помимо демонтажа старого режима и смены элит, в той или иной степени присущих всем революциям, был выделен фактор, который мне представляется достаточно случайным. Я говорю о балансировании нашего первого реформаторского правительства между различными группами элиты и между элитой и населением, чему авторы и попытались отыскать аналоги в революци-

ях прошлого. Однако сопоставление по этому фактору получилось неубедительным. В период Робеспьера почти ничего подобного ельцинско-гайдаровскому балансированию и лавированию между группами найдено не было, а в периоде военного коммунизма – и того меньше. В книге приводится лишь публицистический пассаж из Суханова, где говорится о том, что большевики не только ориентировались на большинство, которому дали землю, но и имели дело с финансовыми спекулянтами, на которых тоже пытались опереться. Вот и вся эмпирическая база – без единого факта.

При предложенном авторами обобщающем подходе размываются не только специфические особенности прежних революций, но и своеобразие нынешней российской революции. Дело в том, что на радикальных фазах предыдущих революций имело место их противостояние всему окружающему миру. Эти революции совершали прорыв в одной стране и вынуждены были защищаться от мира, живущего в другой парадигме. Наша же революция была осуществлена в совершенно ином международном контексте, весь развитый мир помогал ей и поддерживал ее по той простой причине, что ее смысл и пафос заключались не в противостоянии этому миру, а в адаптации к нему. Обобщающие суждения о радикальных фазах кажутся мне уязвимыми и потому, что в прошлых революциях они были связаны с жестким диктатом государства и были по сути своей антилиберальными, в то время как у нас фиксируемая авторами радикальная фаза высвобождала определенные социальные силы из-под опеки государства, т. е. имела отчетливо выраженную либеральную тенденцию. Но если так, то и фаза Термидора, о начале которой пишут авторы применительно к современной России, может иметь здесь иное, чем прежде, историческое содержание и выражение.

В вопросе о Термидоре, который у нас только начинается, авторы столкнулись с очевидными методологическими трудностями. Ведь российский Термидор именно потому, что он еще окончательно не состоялся, не может служить призмой, сквозь которую просматриваются Термидоры прежние. И авторам ничего не остается, как менять свой подход и рассматривать уже не прошлое сквозь призму современности, а наоборот. В результате Ирина Викторовна Стародубровская в прогнозной части своего сегодняшнего выступления фактически предложила нам некий аналог событий во Франции начала XIX века. Но с этим прогнозом трудно согласиться, поскольку, во-первых, сейчас присутствует фактор благосклонности окружающего мира, а во-вторых, нельзя забывать о специфических особенностях нашего развития и о тех чертах нашей революции, которых не было ни в одной из предыдущих.

Ведь если исходить из терминологии авторов этой действительно интересной книги, то получается, что наша революция, войдя в период Термидора, даже институционально не решила проблем большинства населения, которые в других революциях решались на предыдущей, т. е. радикальной стадии (в случае большевистской революции это решение оказалось временным и впоследствии отмененным, но у нас данный вопрос даже не решался вообще). Поэтому если в термидорианские периоды минувших

революций низы уже были отодвинуты от политики, то у нас может быть и иначе. Мне кажется, нерешенность проблемы большинства не исключает прохождение Россией радикальной фазы в более привычном – по прежним революциям – историческом выражении или совмещение этой фазы с фазой Термидора, но тогда это будет левый, а не правый Термидор. По крайней мере теоретически это не исключено. Вместе с тем благоприятный внешнеполитический фон позволяет такого сценария избежать, но для этого России необходимо менять цивилизационное ядро, т. е. интегрироваться в западную цивилизацию. Строго говоря, иного выхода у нас и нет, потому что левый Термидор в России скорее всего закончится катастрофой.

Кирилл Рогов.
Со Сталиным в сердце.
Россия снова будет петь холуйскую песнь

Национальный дефолт

Так называемый президиум Госсовета, т. е. просто собрание нескольких региональных бонз по выбору Путина и его администрации, а также лидеры думских фракций соберутся сегодня решать вопрос российской государственной символики. Вопрос уже, что называется, «проработан»: при помощи постоянных утечек о том, что Путин хочет гордо стоять во время зарубежных визитов под сталинский гимн Александра, утечек новых вариантов текста, равно пародийно-идиотских, общественное мнение вполне подготовлено к реставраторскому шагу путинского политбюро. Гимн партии большевиков вновь будет объявлен национальным символом.

Считается, что ничего страшного. В конце концов, не все ли равно, под какую музыку будут стоять наши спортсмены, министры и президенты. Считается, что это некий компромисс: Путин, мол, бросает кость левым настроениям общества, прикрывая этим параллельное проведение административных и экономических реформ. Даже «демократические» фракции Думы протестуют как-то вяло и дежурно. Даже либеральная (хочется все-таки писать «якобы либеральная», так точнее) московская пресса эпически повествует о разных вариантах текста и аппаратных коллизиях вокруг него, жонглируя осведомленностью своих источников. Пресса не возмущается, а следит со спортивным интересом. Потому что какая разница, какая херня там будет звучать! Ведь никто же всерьез не собирается уважать символику своей страны. Да и слова пусть будут михалковские: нам все равно, у нас везде – маразм, так что они даже подходят. У нас музыка – сталинская, слова – михалковские, сортиры на улице и страшно воняют. Такая мы нация. Такая наша символика.

В российской элите принято считать, что бесконечные наши проблемы и неурюстройства корнем своим имеют относительную дикость и кондовость основной массы населения, преимущественно провинции и окраины. Это неверно. Российские катаклизмы и неурюстройства в не меньшей, а может, и в большей степени связаны именно с ничтожеством национальной элиты. Ибо государство большевиков в глубинной своей сущности имело отнюдь не учение Маркса–Энгельса, а именно идею торжества плебса. И постоянно заботилось о соблюдении этого основного закона социальной жизни.

То есть формально она (элита) как бы есть. Она знает английский, одевается в иностранное и ездит на иностранных машинах. И даже учит своих детей за границей. Однако в силу своего статуса парвеню, она практически не имеет исторического сознания

своей страны. Страна для нее – это всегда настоящее, к которому прилагается набор общеизвестных клише. Именно отсутствие элиты предопределило не крах советского строя – нет, а то ажиотажное растаскивание всего, что только было можно, под звуки этого крушения, которое составило главную черту жизни этой элиты в конце 1980-х. Оно же предопределило крах подлинной десталинизации. Чудовищный и удивительный факт: сталинский коммунизм в прямом смысле запытал, удавил и расстрелял десятки миллионов своих же сограждан, но оказалось, что у них не было детей! Ибо в этой стране так и не выросло поколение людей, которое бы ненавидело сталинизм!

Не прошло и десяти лет после того, как барачный плебейский режим пал, и вот утомленная и раздраженная демократией нация хочет вернуть себе холуйскую сталинскую песнь. Ибо гимн Михалкова–Александрова был создан – еще раз повторимся – под непосредственным руководством врага народов. Воинственно агрессивный «Марш партии большевиков» был аранжирован под гимн, понимаемый как прославление силы и власти государства над собственными гражданами. И именно в этом качестве был подтвержден отцом-садистом. А анекдотические попытки перелицовки его текста лишь демонстрируют мощь и единство этого смыслового посыла, который невозможно вытравить упоминаниями сегодняшних реалий. Сталин прет из каждой строчки. А у ослабленного годами Михалкова вопль души прорвался прямо – он вставил в свой подновленный текст строчку из песни «о Сталине мудром, родном и любимом».

Реставрация

Политическая суть происходящего определяется одним малозаметным, но очень важным обстоятельством. Дело в том, что (при условии нормального, естественного течения политических процессов) эта Дума – последняя, которая может реставрировать советскую символику. То есть без поддержки Кремля она бы этого тоже не смогла. Но при легком, едва заметном подталкивании – еще да. Ожиревшая комфракция идеологически настолько маргинализована и настолько включена в общедумский лоббистский процесс, что ее политическое влияние сохраняется скорее по инерции и благодаря Кремлю, а гимн и вовсе является для нее чистым имиджевым подарком со стороны власти. И совершенно очевидно, что следующий думский корпус всяких идейных императивов по восстановлению советской символики будет уже окончательно чужд. Те, кто хочет восстановить сталинский гимн, знают, что поезд уходит.

Вообще, гимны просто так не меняют. Гимн, как и другая государственная геральдика, выражает собой легальную и историческую преемственность власти, т. е. формы правления. В этом смысле замена сталинского гимна на новый в начале 1990-х была закономерна и исторически оправданна, ибо речь шла именно о смене государственности и формы правления. Сегодняшний возврат к сталинскому гимну Александрова может

нести лишь одно политическое содержание – реставрацию. И дело здесь не в том, существуют ли в Кремле разработанные планы «сворачивания демократии» или просто хаотические размышления о том, как «стабилизировать» общество. Дело в том, что вне зависимости от вкладываемого самими организаторами в этот шаг смысла, он является идеологической декларацией власти и отражением ее самосознания. Декларацией того, что власть не осознает себя следствием той формы правления, которая установилась в России 10 лет назад. Напротив, она – и в значительной мере все общество – осознает эту форму правления преимущественно как декорацию. Как нечто в принципе дискуссионное и отменяемое в силу тех или иных соображений. И именно эта мысль, а не гипотетические планы «зажима» от Павловского и прочих кремлевских и ивановских технологов и «силовиков» является попыткой реставрации, которую Путин и его политбюро собираются превратить в политическое решение.

Символические объекты, к каковым относится и государственная геральдика, обладают тем качеством, что их практические последствия начинают ощущаться на больших исторических расстояниях и независимо от воли авторов. Возвращение сталинского гимна меняет профиль путинского правления и является тем историческим жестом, который можно пытаться затушевать, но нельзя отменить.

Из жизни идей

Из истории воззрений на гражданское общество. Реферативный обзор подготовлен информационно-аналитической службой «ЕвроФорум»

Гражданское общество – в теории конституционного права совокупность отношений в экономике, культуре и других сферах, развивающихся в рамках демократического общества независимо, автономно от государства. Основными элементами Г.о. являются: разнообразие и равенство форм собственности, свобода труда и предпринимательства, идеологическое многообразие и свобода информации, незыблемость прав и свобод человека, развитое самоуправление, цивилизованная правовая власть. В последние годы в ряде стран наметилась тенденция к закреплению основ Г.о. в качестве комплексного конституционно-правового института.

*Большой юридический словарь / Под ред. А.Я.Сухарева, В.Е.Крутских.
2-е изд., перераб. и доп. М.:ИНФРА-М, 2000, с.132.*

Возрождение и развитие политической мысли в современной России порой происходит на фоне продолжающегося исторического беспамятства, ибо советская власть лишила целые поколения наших сограждан не только традиционной веры, но и сознательной исторической памяти. Наше представление о русском прошлом (о государственности, военной истории, общественных отношениях, философских и политических воззрениях далеких и недавних предков и т.д.) во многом искажено до нелепости, а многого мы просто так пока и не узнали. По рецепту нового, как, впрочем, и старого западничества, наше прошлое нужно преодолеть, изжить и отбросить. Чтобы стать, наконец, демократическим государством, России следует отказаться не только от большевистского, но и от добольшевистского исторического наследия и войти во всемирное сообщество народов не обремененной никакой преемственностью.

Безусловно, дух времени, влияние науки, техники и социальных отношений немало значат для политической мысли. Бесспорно, правосознание нашего времени есть правосознание демократическое, и всемирное содружество народов будет строиться на демократических началах. Но не меньше значат и исторические, а также духовные традиции, определяющие национальное лицо народов. Ибо национальные традиции и национальный характер (выработанный этими традициями) диктует формы политического самосознания, подход к государству и праву.

В наше время, когда в умах многих людей слово консерватизм так необдуманно и легко ассоциируется со словом реакция, стоит вспомнить слова Н.А.Бердяева о том, что «правда консерватизма есть правда истории, правда чувств исторической реальности», правда нашего долга не только перед потомством, но и перед предками. Нам кажется, что освободившаяся от партийной диктатуры Россия не должна стать второй Америкой или второй Австралией, но остаться Россией. Ибо, говоря опять же словами Н.А.Бердяева, «отрицание исторической преемственности есть отрицание и разрушение исторической реальности, нежелание знать живой исторический организм», ибо «историческая реальность есть индивидуум особого рода».

Особое внимание следует уделить антиномическому¹ противостоянию власти и права в процессе нашей истории – ведь его предстоит решать и в будущем. И хотя, разумеется, нельзя перенести в современность нормы «Русской правды» или «Поучения детям» Владимира Мономаха, и хотя формы новгородского веча не годятся для нашей будущей демократии, мы видим в них тот же извечный спор между властью и правом, между вольнолюбием и потребностью в твердой хозяйской руке, который красной нитью проходит сквозь историю всех государств и который каждый народ вынужден заново решать в каждую эпоху своей истории.

Нынешним участникам дискуссий об истории и перспективах гражданского общества в России, следует не забывать, что решения, принимавшиеся русским политическим самосознанием, имели, с одной стороны, свое своеобразие, но с другой – неизменно перекликались с европейскими. Если, например, идею естественного права² в его классическом развитом виде нужно искать у Гуго Гроция в Голландии XVII века, то ростки этой важнейшей политической идеи безусловно можно обнаружить и у заволжского старца-нестяжателя Нила Сорского в русском XV веке. Нужно, например, помнить также и о том, что в нашем XVI веке не только тогдашний эмигрант князь Андрей Курбский обвинял царя Ивана Грозного в том, что он «затворил русскую землю, сиречь свободное естество человеческое, аки в адовой твердыне», но и что защитник самодержавия Иван Пересветов в своих писаниях исходил из того, что «Бог человека сотворил самовластным и самому себе повелел быть владыкой, а не рабом».

Триумф и коронование императора Карла V, когда он встал над всем тем, что Европа узрела со времен Карла Великого, возродили древнюю веру в верховную власть, возвеличенную ее союзом с духовенством и добытую ценой независимости народов и равновесия сил между ними. Подвиги Магеллана и Кортеса, перспектива опрокидывания всех обычаев и традиций, навеяли неосуществленные грезы о необъятной Испании, вывели к жизни фантом всемирной империи. Жажда неограниченной власти стала с тех

1 Антиномия – греч. «противоречие в законе» – противоречие между положениями, каждое из которых признается логически доказуемым

2 Естественное право – в теории государства и права понятие, означающее совокупность принципов, прав и ценностей, продиктованных самой природой человека и в силу этого не зависящих от законодательного признания или непризнания их в конкретном государстве.

пор господствующей силой в Европе, ибо она есть идея, с которой освященная международным и религиозным признанием монархия никогда не расстается по своей воле. Отныне на целые столетия эта идея постоянно утверждалась как необходимость и право. Это было высочайшим проявлением государства, каким оно представлялось Макиавелли: государства не терпящего ни равенства, ни пределов своей власти, не связанного никакими обязанностями по отношению к человеку и народу; государства, покоящегося на уничтожении, оправдывающего и освящающего решительно все, что ведет к еще большему сосредоточению власти.

История Европы и России Нового времени явила нам закон, утверждающий, что власть тяготеет к неограниченной экспансии и не остановится ни перед какими барьерами внутри страны или за рубежом, пока не столкнется с превосходящей ее силой. Он определил ритмический строй последующей истории. Ни племенные пристрастия, ни религиозная приверженность, ни политическая теория никогда в такой мере не служили побудительным началом к нескончаемой и универсальной враждебности и межнациональной борьбе. Оказавшиеся под угрозой интересы должны были сплотиться для создания самоуправления, для защиты религиозной терпимости и прав человека. Вот урок ответственным перед совестью, Богом и историей представителям современного российского общественного движения: тогда, после Карла V, именно благодаря соединенным усилиям слабых, предпринятым под давлением необходимости противостоять господству силы и постоянству порока, в ходе быстрых перемен, разворачивавшихся на фоне медленного прогресса четырех столетий новой истории, свобода была сначала сохранена, закреплена и обеспечена, затем разнесена по свету, а в конце концов и понята народами. Особую роль в этом сыграл XX век, уничтоживший крупнейшие авторитарные системы, существование которых (СССР – один из самых ярких и знаковых примеров) имеет прямое отношение к самому феномену гражданского общества.

По мнению А.Арато и Д.Козна³, гражданское общество как ключевое понятие возникло внутри авторитарных систем, когда демократические силы пытались понять самих себя; это понятие по-прежнему остается важным фактором в новой трактовке проблем демократического переходного периода. В качестве примера Арато и Козэн рассматривают дискуссию о гражданском обществе среди латиноамериканских исследователей, т.е. представителей континента с сильными традициями авторитаризма. Разумеется, латиноамериканских авторов прежде всего интересуют собственные проблемы. В центре их внимания – уход от авторитарного господства, который начинается с «либерализации», т.е. с восстановления индивидуальных и групповых прав и их расширения, затем следует этап «демократизации», под которым подразумевается становление принципа гражданственности, требующего «процедурного минимума» участия.

Но переходный период, как считают Арато и Козэн, тесно связан с «возрождением

³ Андрей Арато – венгерский философ, политолог, профессор, заведующий кафедрой Нью-йоркской новой школы социальных исследований; Джин Козэн – профессор кафедры политологии Колумбийского университета. Их совместная работа «Гражданское общество и политическая теория» вышла в свет в 1992г.

гражданского общества». В аналитических исследованиях латиноамериканских ученых гражданское общество означает сеть ассоциаций и объединений, которые являются опосредующим звеном между индивидом и государством, между частной и общественной сферами. Организации гражданского общества – в отличие от кланов, клик и тайных обществ – наделены гласностью, которая связана с «признанным правом на существование» и способностью «открыто обсуждать общие дела, открыто выступать в защиту справедливых интересов». Наряду с представительством интересов подчеркивается важность самовыражения, дополняющего понятие гражданского общества. «Возрождение» гражданского общества зачастую трактуется таким образом, что оно достигает своего апогея в сильно мобилизованной и концентрированной форме, для которой характерны «активизация масс» и «народные волнения». В такой момент различные слои, и уровни гражданского общества представляют собой единое коллективное целое.

Однако Арато и Коэн считают, что понятие «массы» здесь употреблено ошибочно по двум причинам. Во-первых, факты говорят, что при либерализации авторитарных государств волнение приходят отчетливо выделяемые и следующие друг за другом слои: группы интеллигенции, организации среднего класса, организации по защите прав человека, профессиональные объединения, промышленные рабочие и т.д., хотя и не строго в перечисленном порядке. В переходные периоды недавнего прошлого даже в рамках интенсивной мобилизации различные группы, общества и организации не сливались друг с другом, как это часто случалось прежде в условиях «популизма», ведущего к диктатуре. Во-вторых, «возрожденное» гражданское общество проявляет себя как «гласное», открытое, но не как «массовое».

Арато и Коэн пишут об определенной множественности трактовок гражданского общества из оценок путей его становления. Согласно одной трактовке, авторитаризм атомизирует гражданское общество, вытесняет его из политики в частную сферу. По другой трактовке, по меньшей мере, в некоторых ситуациях гражданское общество в форме групп интересов, автономных ассоциаций, местного самоуправления и, конечно, церкви сохраняется и при авторитарном государстве. По третьей трактовке, «возрождение гражданского общества», стимулирующее процесс демократизации, возможно в обоих случаях. Уэффорт считает: «Мы желаем гражданского общества, мы должны защитить себя от государства-монстра. Это означает, что если гражданское государство не существует, то его следует выдумать. Если оно мало, его надо увеличить... Словом, нам нужно гражданское общество, потому что мы хотим свободы». Такое толкование предполагает, что основы гражданского общества, начиная с семьи, друзей и кончая церковью, никогда не исчезали ни при одной из диктатур.

Стратегия «возрождения» пользуется несомненным предпочтением потому, что авторитарно-бюрократическим системам никогда не удавалось решить проблему своей легитимности. Создание или воссоздание элементов гражданского общества, в конечном счете, может подвести их к этому основополагающему вопросу. Усилия «сверху» в

любом случае будут очень осторожными, но сам процесс будет происходить, если власть желает обрести легитимность. Однако созданные таким образом элементы демократизации по природе своей непредсказуемы и никак не могут удерживаться в заранее определенных рамках.

В переходном периоде от диктатуры к демократии целесообразно различать его начало (инициирование), консолидацию и завершение. Вопрос о роли гражданского общества в инициировании переходного периода несколько спорен. Господствует тезис о том, что начало переходного периода в первую очередь зависит от внутреннего распада авторитарной системы, хотя если распад ведет к «открытости» или либерализации, то непросто удерживать в заданных рамках возвращение гражданского общества, при каждом последующем шаге оно будет играть все более важную роль.

Свойства гражданского общества важны как для того, чтобы понять, возможен или невозможен возврат назад, так и для того, чтобы изучать инициирование процесса перехода и его ускорение. Некоторые аналитики опасаются чрезмерной мобилизации гражданского общества, так как она может послужить предлогом к движению вспять и поводом для господствующих элит вернуться к авторитарному. Распространены мнения, подчеркивающие высокую цену возможных конфликтов между властью и чрезмерно мобилизованным гражданским обществом. Поэтому сторонники эволюционных методов считают, что сверхмобилизованность может скомпрометировать саму идею перехода. Напрашивается вывод, что важен уровень не только мобилизации общества, но и его структурированности, ибо легче вернуться назад в обществе, которое слабо структурировано, чем в сильно дифференцированном обществе, даже если его мобилизация была поверхностной.

Не менее важно и то, способно ли мобилизованное гражданское общество до конца довести процесс перехода к демократии, осуществляя при этом соответствующее давление. Представляется очевидным, что важную часть эволюционной стратегии составляют переговоры и договоренности с теми авторитарными лидерами, которые способны и склонны умерить свое господство. Но на более позднем этапе любого переходного периода следует организовать выборы. Однако никакое состояние мобилизованности не способно заменить гражданские союзы, общественные движения, низовые организации, т. е. конкретные структуры гражданского общества, которые могут выступать в роли «посредников» между частной сферой и государством. В дискуссиях о гражданском обществе демократизацию действительно часто отождествляют с возрождением таких посредников. Предполагается, что соответствующие политические действующие лица, способные посредничать между обществом и государством, отпочковываются от различных общественных союзов и движений, являясь их органичным продолжением. В результате оппозиция оказывается перед не очень хорошей альтернативой: либо отказаться от определенной степени общественной автономии только потому, что ее предлагает правительство, либо «оппортунистически» слишком поспешно принять ограниченную

автономию и войти в игру, ведущуюся по заранее определенным правилам, не убедившись в возможности демократических преобразований. Но наряду с этой альтернативой оппозиция может попытаться организовать и защитить гражданское общество, но не через «посредников», а путем самостоятельной постановки цели: «...Если мы хотим придать политике новый смысл, то необходимо развить сферу свободы политических действий». Например, в Бразилии, где раньше гражданское общество или игнорировали, или считали беспомощным, политика теперь означает именно эту «сферу свободы». Для такой точки зрения характерно неверие в политические партии, вместо которых предполагаются движения, непосредственно участвующие в решении конкретных вопросов, более всего затрагивающих данную территорию.

Арато и Коэн полагают, что интенсивная мобилизация гражданского общества при отсутствии «посредников» может иметь отрицательные последствия. Если гражданское общество не способно преодолеть аморфность, то оно может оказаться без собственной комплексной альтернативы инициативам государства. В такой ситуации страх перед режимом легко может смениться страхом общества перед самим собой, т. е. страхом перед последствиями своей беспомощности. Поэтому другая стратегия, как в теории, так и на практике – сделать акцент на политическом сообществе и его институтах: партиях, выборах, соглашениях и законодательстве.

Без политического сообщества нельзя реализовать договорный процесс в ходе переходного периода, нельзя создать механизм общественного контроля над поставочным авторитарным государством. Это уже доказал анализ выборов и партий. В тех диктатурах, где с сильными ограничениями, но сохранились механизмы выборов, была возможность направить общественное давление в сторону политических перемен даже в рамках чисто авторитарной системы, не ослабленной извне. Точно так же ограниченное, но постоянное присутствие политических партий создало во многих странах, начиная с Бразилии и кончая Чили, естественный фокус переговорного процесса в переходный период. Партии и выборы давали возможность активизации гражданского общества во многих ситуациях, когда поражение преждевременного выступления против авторитарного господства приводило к движению вспять. Где только можно, активизация политического сообщества играла ключевую роль в преодолении конфронтации между гражданским обществом и остатками авторитарного режима.

Но при всей необходимости политического сообщества, оно потенциально может иметь демобилизующие последствия для гражданского общества, как на это указывают многие латино-американские исследователи. Например, Кардозо справедливо обращает внимание на двойственную природу политических партий: их посредническая роль возможна именно благодаря этой природе. В партиях как бы соединены движение и иерархичность, участие и элитарность, демократические нормы и стратегические соображения. Однако существуют две вещи, в которых элитарность, иерархичность и стратегическая ориентированность доминируют – это пакты и выборы. Пакты зачастую

возможны и необходимы в «недемократические», промежуточные моменты, и многие подчеркивают, что они могут служить важным средством, позволяющим избежать насилия или угрозы насилия. Нельзя полностью согласиться с утверждением, что где только возможно, желательны пакты между оппозиционными партиями и элементами режима, особенно если несколько поспешно признается, что подобного рода соглашения, как правило, носят исключительный характер, они негласны и нацелены на резкое устранение конфликтов внутри политической системы. Такие пакты нарушают нормы демократии и в перспективе могут повлечь за собой негативные последствия в политической культуре. Однако следует добавить, что пакты, гарантирующие определенные интересы власть имущих, могут иметь различные последствия в гражданском обществе. Пакты, заключенные на начальном этапе, могут гарантировать элементы либерализации, дать возможность возрождения гражданского общества. Но в этом случае, с появлением новых действующих лиц и активизацией сферы гласности, растет и угроза этому пакту быть преодоленным. Если же пакт заключается на позднем этапе, после того как гражданское общество уже пробудилось и активизировалось, и особенно если этот пакт гарантирует властные позиции всем договаривающимся сторонам, включая и некоторых оппозиционеров, то целью такого соглашения является демобилизация. Следствием ее зачастую служит возрождение популизма, а не продолжение процесса демократизации.

Это не относится, пожалуй, лишь к тем пактам позднего этапа, в которых оппозиционные группировки требуют уступок не для себя, а для всего общества. Пример тому – пакты, касающиеся подготовки выборов и правил избирательной кампании, равно как и сами выборы, если таковые не содержат в себе правил исключительного характера и не являются сомнительными с точки зрения мобилизации гражданского общества.

Многие аналитики задаются вопросом: зачем господствующие элиты содействуют проведению выборов, которые могут лишить их господства? Эти элиты стремятся увести политику от «кипения гражданского общества» и, возможно, даже выиграть на выборах, разобшив оппозицию, они верят, что избиратели вознаградят их. Происходит заметный сдвиг в сторону партий с менее интенсивным и размытым содержанием, с более абстрактной политической идентификацией. В свою очередь, низкий уровень прямого участия в выборах позволяет партиям вытеснять движения и союзы и занимать их место. В зависимости от правил избирательной кампании тенденция современных выборов заключается в том, что число политических партий, способных эффективно посредничать, сознательно сокращается. В ответ потенциально эффективные партии делают все, чтобы (особенно в неопределенный переходный период) ограничить движения, которые могут торпедировать исход выборов или просто повлиять на него. Далее, общим в интересах влиятельных партий является то, что «силы, близкие к авторитарному режиму, получили голосов больше, ибо так можно избежать крупной победы оппозиции». Поэтому не только о процессе, ведущем к неограниченной конкуренции на выборах, но

и о самих выборах можно сказать, что это скрытая договоренность между системой и противостоящими ей партиями, дающая место и время для «новой формулировки» ролей. Там, где гражданское общество неразвито и пассивно, может случиться, что путем выборов в организованную политику будут вовлечены и маргинальные слои, а в рамках активного гражданского общества не исключено прямо противоположное, и может выясниться, что партии – «не только или не столько глашатаи мобилизации, сколько инструменты общественного и политического контроля».

Несомненно, что долго удерживать мобилизацию гражданского общества на очень высоком уровне невозможно. Но равнозначно ли понятие гражданского общества такой мобилизации? Не является ли признаком слабости гражданского общества, что в некоторых странах оно может существовать только в этой форме? Довольно велика неопределенность по вопросу о том, что происходит после того, как пройден пик мобилизации гражданского общества. Иначе говоря, что остается от «возрожденного гражданского общества» после того, как его начинают селективно подавлять, манипулировать им, после того, как оно начинает испытывать внутренние конфликты, уставать и разочаровываться, а «гласность» оказывается неэффективной? Ряд ученых говорит об уходе от политики, о возвращении в частную сферу, о создании политических гетто, и все это вместе представляет угрозу консолидации демократических сил и снижает сопротивляемость общества перед лицом нового произвола. Если констатируется факт демобилизации и атомизации гражданского общества, то трудно понять, как можно говорить о демократическом переходном периоде, скорее уж речь идет о возврате к циклу «демократия–диктатура», когда и та и другая нестабильны. Выскочить из замкнутого круга нельзя, если этап мобилизации и гласности будет сменяться этапом полной деполитизации и ухода в частную сферу. Конечно, подавление народных движений не обязательно означает кончину политически значимого гражданского общества. Но необязательно, что вещи, усвоенные на опыте прежних циклов, канут в небытие, даже после того, как иллюзии периода демократии и гласности рассеиваются, страна возвращается к диктатуре, а демократия становится скорее самоцелью, чем средством реализации конкретных интересов. При этом вряд ли вообще можно говорить, что такой тип развития неизбежен и неотвратим. Например, Кардозо предлагает альтернативу, сочетающую в себе радикальный демократизм, коллективизм и самоорганизацию с индивидуальными правами и с необходимостью государства. Этот «дуалистский» синтез пока еще слабо разработан, но без него гражданское общество беззащитно и обречено быть лишь частной сферой.

Проблемы, связанные с понятием гражданского общества, волнуют и многих ученых, исследующих современную реальность Восточной Европы. В частности, в Польше в 80-е гг. встал вопрос: исчерпана ли возможность «третьего» пути, ведущего к гражданскому обществу и реформам, в обществах советского типа? Этот путь, предлагавшийся на основе жесткого противопоставления государства и гражданского общества, казался единственным. Однако подобный подход подвергся серьезной критике Ядвиги

ги Станишкис. Она указывала, что польской политической традиции свойственно заостренное противостояние государства и общества, поскольку длительный период государство было представлено тремя чужеземными имперскими правительствами. Эпоху раздробленности польское общество могло пережить, лишь оберегая свои традиции, свой менталитет, свою практику, свою образовательную и религиозную систему, изолируясь от их государственных вариантов. Однако такая стратегия всегда была чисто защитной, не пригодной для подлинных общественных перемен. Посттоталитарное государство более изощрено и более всепроникающе, хотя это менее заметно, более коррумпировано, чем прежнее государство, практикующее открытое подавление. Поэтому и в посттоталитарный период единство общества есть иллюзия, навязываемое ему популистское единство нежелательно. (Напомним попутно интересное наблюдение о коррупции в России одного из самых замечательных и своеобразных мыслителей XIX столетия – лорда Джона Актона, который в возрасте 22 лет отправился в Россию для того, чтобы присутствовать на коронации Александра II: на опыте собственных исследований и на основе рассказов других наблюдателей лорд Актон пришел к заключению, что несмотря на нравственность русского общества администрация империи коррумпирована; при этом, вместо того чтобы счесть эту подмеченную коррупцию мелким и несущественным недостатком, он увидел в ней то преломление явного абсолютизма государства, с помощью которого общество на деле умудряется оказывать ответное воздействие на чиновный мир.)

Я. Станишкис ошиблась относительно мобилизующего потенциала идеи противопоставления государства и общества. Концепция во многих отношениях оказалась реализуемой: «Солидарность» одерживала успех за успехом, пока польское общество, по крайней мере, временно, организовывалось по линии раздела между гражданским обществом и (партийным) государством. Но анализ Станишкис осуществлялся в другом: усиливалась поляризация, стали невозможными компромиссные решения. Ведь для компромисса необходимы партнеры, реформаторы и институты политического посредничества. В условиях радикальной поляризации отдельные секторы режима напрасно искали, а идеологи «Солидарности» напрасно подчеркивали необходимость посредников и компромиссов – их не удалось найти. Поэтому удачный в нормативном отношении план высвобождения гражданского общества оказался, в конце концов, неудачным практически, что привело к стратегическому поражению «Солидарности» и ее распаду.

Поразительно, что в 80-х гг. от стратегии поляризации не только не отказались, но и позаимствовали ее в двух других странах – Венгрии и в бывшем Советском Союзе. Это случилось по геополитическим и теоретическим причинам.

В обеих странах реформы, начатые исключительно «сверху», оказались в тупике в силу консервативно-бюрократического сопротивления. И это сопротивление даже при некоторой перестановке в руководстве, невозможно было сломить. Поэтому для последовательной и решительной реализации реформы оказались нужны независимые дей-

ствующие лица. Но это есть лишь необходимое, но не достаточное условие выздоровления. Общественная мобилизация продолжается в условиях колебаний. Уровень общественной самоорганизации в сегодняшней России трудно было представить себе всего несколько лет назад. Однако совсем неясно, что будет в итоге: успех реформ или безнадёжная поляризация и скатывание к авторитаризму.

Арато и Коэн говорят о настоящем постмарксистском повороте в общественной мысли, вызвавшем международную дискуссию по вопросу о гражданском обществе. Вопреки терминологическим различиям общим в постмарксизме является пересмотр марксова отождествления гражданского и буржуазного общества, а также политических идей, ставящих целью воссоединение государства и общества. Постмарксисты подобно Грамши не только регистрируют стойкость гражданского общества в капиталистических демократиях и, в результате, неправомочность классической марксовой трактовки революции, но и подчеркивают нормативность наличия гражданского общества. Тем не менее, постмарксизм отличается от неолиберализма тем, что регулярно предпринимает попытки оспорить радикально-демократическое или радикально плюралистическое преобразование существующих вариантов гражданского общества. Напротив, Арато и Коэн утверждают, что понятие гражданского общества относится к интеллектуальной сфере постмарксизма и его политической культуре. Международный масштаб дискуссии о гражданском обществе и моменте его зарождения был вызван, прежде всего, постмарксистскими идеями.

Все согласны и в том, что гражданское общество относится к иной сфере, чем государство, и даже противостоит ему. В разных взглядах – почти всегда бессистемно – присутствуют правовая защита, добровольная организация и независимое общественное мнение в той или иной форме или комбинации. Очень немногие включают сюда семьи и неформальные группы. Некоторые отождествляют гражданское общество с существующими общественными движениями. Другие исключают такую возможность, видя в ней неприемлемую форму политизации. Остается невыясненной связь между гражданским обществом как движением и как институтом. Существует два крупных вопроса, влекущих за собой важный сдвиг в понятийных рамках: включать экономику в понятие гражданское общество или нет (гегелевская модель в противовес модели Грамши); делать различие между гражданским и политическим обществом или нет (модель Токвиля в противовес модели Гегеля). Неолибералы и неомарксисты соглашаются друг с другом в том, что экономическую сферу следует считать частью гражданского общества, хотя приводят для этого разные, подчас противоположные аргументы. Неолибералы, как на Западе, так – все чаще – и на Востоке подчеркивают тождество гражданского и буржуазного общества, опасаются той модели прав, которая лишает собственность ее перво-степенной роли, отвергают политизацию общества и те общественные движения, которые предъявляют государству требования экономического перераспределения. Это интеллектуальное течение справедливо опасается последствий связи между популиз-

мом и этатизмом, не забывает о вредном влиянии, которое саморегулируемый рынок оказывает на культурную ткань общества.

Неомарксистский подход представлен такими авторами, как Андре Горц и – в определенной степени – Клаус Оффе. В своих взглядах они недостаточно учитывают, что политизация производства и распределения уничтожает экономическую рациональность, и это имеет серьезные последствия. Если неолбералы сводят гражданское общество к экономическому, то неомарксисты сводят экономику будущего (посткапиталистическую) к политическому сообществу или, подобно утопическим социалистам, мечтают о некоей социально ориентированной экономике. Горц в работе «Прощание с пролетариатом» комбинирует два рецепта. По формуле Оффе и его соратников (более реалистичной, на наш взгляд), экономическую сферу, основанную на взаимности, взаимообусловленности и собственной деятельности, надо комбинировать с регулируемой на макроэкономическом уровне, но все же подлинно рыночной экономикой. Значит, экономическая деятельность в содержательном смысле слова относится к гражданскому обществу, а экономика как формальный процесс стоит вне его.

Когда гражданское общество принимает форму общественного движения или находится в стадии организации и институционализации, то находится немного аргументов в пользу его единства с экономическим обществом. Например, в трудах Михника и Куроня нет и речи о подобном редукционизме. Вместо этого они последовательно выступают за автономию правовых структур, за свободу объединений и полнокровную общественную жизнь, представляя себе все это в рамках солидарного гражданского общества.

Интересно, что духовная и политическая эволюция латино-американских авторов, таких как О'Доннел или Кардозо, во многих отношениях походит на путь, пройденный Куронем и Михником. О'Доннел еще в 1978 г. использовал понятие гражданского общества в неомарксистском смысле – как буржуазного общества. Те «посредники» между гражданским обществом и государством, которых он в то время видел в лице нации, граждан, соответствовали неразвитой структуре обществ, пораженных сменяющимися циклами популистского единства и авторитарной атомизации. В последующем десятилетии под влиянием новых форм самоорганизации и борьбы за демократию О'Доннел (вместе с П.Шмитгером) полностью обновил свою терминологию и начал использовать понятие гражданского общества для обозначения сферы, находящейся между экономикой и государством и прежде всего характеризующейся объединениями и гласностью. Он отрицал социальную ассимиляцию экономики, т. е. ее встроенность в политические институты.

Не менее важны и взгляды на связь между гражданским обществом и государством. Французские авторы склонны считать, что гражданское и политическое общество – две разные сферы, второе выступает посредником между первым и государством. Согласно этому, и гражданское, и политическое общество следует перестроить для того, чтобы сохранить и обновить основы объединений, сделать организации эффективными перед лицом государства. Большинство восточноевропейских авторов из

числа демократической оппозиции и некоторые латиноамериканские исследователи, например Ф. Уэффорт, включают в понятие гражданского общества различные уровни политического посредничества. В других моделях два понятия – «гражданское» и «политическое» – выступают скорее как альтернативы желаемого или возможного гражданского общества. Например, в трудах Клауса Оффе различие делается между неоконсервативным (деполитизированным) и радикально-демократическим (политическим) гражданским обществом. Согласно аргументам О’Доннелла и Шмиттера, друг друга сменяют переходные периоды, когда деполитизированное гражданское общество представляет собой нормальный период, способный пережить даже авторитарное господство, тогда как политическое гражданское общество может быть лишь исключительным этапом мобилизации и подъема. Здесь цикл смены типов гражданского общества представляет собой второй вариант политического цикла авторитарной и демократической систем (это, несомненно, сложнее, чем прямая связь).

Выход гражданского общества из демобилизованного состояния и его подъем и активизация означают конец авторитарной системы; в свою очередь, демобилизованное гражданское общество, прежде всего, означает возможность возврата диктатуры.

С гражданским обществом в России дело обстоит сложнее, чем не только на Западе, но и во многих странах Востока. По характеру доминирующей роли государства Россия была ближе к восточному типу обществ, но в России эта роль в силу ряда исторических, природно-географических и геополитических причин была выражена еще рельефнее. Государство выступало по большей части основным инициатором формирования общественных институтов, и это накладывало отпечаток на все отношения – хозяйственные, социальные, культурные, не говоря уже о политических. Самодеятельность снизу ограничивалась. Общество сдавливалось налоговым прессом, из него выкачивался для государственных нужд не только прибавочный продукт, но и часть необходимого. Отсюда слабое развитие городов, торговли, предпринимательства. Отсюда зыбкость права и отношений собственности. Отсюда ригидность политической системы, лишенной обратной связи. Отсюда, наконец, бедность и неустроенность быта большинства населения и консерватизм культурных ценностей.

В результате традиционное общество и традиционная культура в России плохо развивались «снизу», путем естественной эволюции. Любой институт был тесно привязан к государству и зависел от него. Это относится в первую очередь к церкви. Русская православная церковь унаследовала от Византии традицию слияния с государственной властью и подчинения ей. Попытки противостояния церкви государству были крайне редки (митрополит Филипп при Иване Грозном, патриарх Никон). В политическом и социальном плане русское православное духовенство было гораздо более пассивно, чем служители католичества, протестантизма, да и некоторых восточных религий. Так, рус-

ская церковь несравненно меньше по сравнению с западным христианством способствовала развитию массового образования. Церковно-приходские школы в России появились только в 1839 г., на несколько веков позже, чем в европейских странах.

Аналогичным образом обстояло дело с сельской общиной. Хотя последняя в определенной степени могла считаться формой самоорганизации крестьянства, в еще большей мере она была подчинена государству, которое использовало ее в фискальных целях. Не говоря уж о том, что община, по крайней мере до середины XIX в., контролировалась помещиками.

Точно так же в России не сформировалось «третье сословие», подобное европейскому. Русское купечество постоянно ощущало тяжелую руку государства – то в форме значительных налогов, то в результате установления прямой государственной монополии на наиболее прибыльные товары. Очень часто купцы становились по существу государственными агентами, исполняли различные поручения власти – руководили отдельными производствами, чеканили монету и пр. Они могли при этом обогащаться, но могли и власть в немилость. Все это вкупе с неблагоприятными условиями для коммерции в России (громадные расстояния, плохие дороги, узость внутреннего рынка и т.д.) приводило к тому, что в России слабо шло складывание традиций ком-мерческой деятельности и формирование соответствующих автономных купеческих корпораций. При Петре I, а позднее при Екатерине II купечество получило корпоративные (гильдейские) права лишь по форме.

В целом русские купцы, так же как и ремесленники, обитавшие в городах, лишенных городских вольностей, не стали теми бюргерами, которые в Европе стояли у истоков предпринимательского класса. И это дало себя знать в пореформенный период, в эпоху промышленной революции.

Единственным сословием, обладавшим нефиктивной автономией, было дворянство (после 1762 г.). Но дворянство слабо использовало эту автономию для строительства гражданского общества. Большая часть дворянства (как крупного, так и мелкого) зависела от государства (одни потому, что нуждались в вооруженной защите от своих крепостных, другие — в силу постоянной нужды и ожидания щедрот от монархии). В своей массе дворянство оставалось политически консервативным. Исключение составлял достаточно узкий слой более или менее обеспеченного среднего дворянства, а также та его часть, которая возглавила революционное движение. Однако в условиях самодержавия политическая оппозиция долгое время была вынуждена вести «катакомбное» существование.

Со второй половины XIX в. проблема гражданского общества стала разрабатываться в русской научной и общественной мысли, в основном представителями либерально-

го направления (Б.Н.Чичерин, Н.Н.Трубецкой, П.И.Новгородцев, С.Л.Франк и др.). В целом русские дореволюционные мыслители вполне профессионально и адекватно рассматривали комплекс европейских идей о гражданском обществе, уделяя особое внимание его правовым аспектам. Вместе с тем в своей трактовке гражданского общества они были в определенной степени оригинальны: в отличие от ряда европейских авторов, они делали акцент не столько на правах, сколько на обязанностях личности по отношению к общественному целому, которое зависит именно от солидарности и взаимодействия личностей.

После 1917 г. подымавшиеся было ростки гражданского общества в России были начисто искоренены коммунистической властью и заменены суррогатами – «приводными ремнями» однопартийной тоталитарной структуры. И это обстоятельство создаст сегодня одну из главных проблем преодоления того глубокого и всестороннего кризиса, в котором очутилось российское общество после развала коммунистической системы с середины 80-х гг. Без гражданского общества невозможен переход к рыночной экономике, так же как к политической демократии. Этим векторам развития далеко не адекватны те процессы, которые происходили и происходят в действительности: простое разрушение прежней централизованной хозяйственной системы и резкое ослабление государственной власти. Но теперь последняя уже не может быть укреплена только «сверху» (ибо это означало бы возвращение в командно-административный тупик), а прежде всего «снизу», через гражданское общество, которое пока только намечается.

Особенность нынешней ситуации в России состоит в том, что элементы и блоки гражданского общества предстоит создавать во многом заново. И здесь важно не только вникнуть в особенности сегодняшней российской действительности, где по-своему преломляются национальные политические и культурные традиции, но и обратиться к мировому опыту. Причем, как представляется многим исследователям, особенно важен в этом плане опыт незападных обществ, стран так называемой запоздалой модернизации, где формирование гражданского общества идет не по классическим рецептам Запада, но привносит в этот процесс новые, своеобразные черты.

Возвращаясь к началу нашего реферативного обзора, стоит еще обратить особое внимание современных российских политиков на огромный и глубокий пласт научных идей организации общества (принадлежащих перу выдающихся русских философов-немарксистов XX в., в первую очередь – С.Л.Франка, С.А.Левицкого, Б.П.Вышеславцева, Г.К.Гинса и др.), до сих пор не востребованных ни Кремлем, ни заинтересованными кругами демократической общественности России. В первую очередь это относится к концепции так называемого солидаризма, идеи которого могут сыграть существенную роль в объединении нации.

Видимо, ошибался Владимир Высоцкий, которого страна еще не забыла, когда пел, что пророков нет в отечестве своем, да и в других отечествах не густо. Есть в России про-

роки. И один из них – Георгий Константинович Гинс (1887–1971), мыслитель и правовед. Он закончил юридический факультет Санкт-Петербургского университета в 1909 г., был приват-доцентом этого университета, работал в правительстве адмирала Колчака в Сибири, а отправившись в вынужденную эмиграцию, был профессором в Омске, Харбине, Сан-Франциско. В своем главном труде «На путях к государству будущего (от либерализма к солидаризму)» (Харбин, 1930) Гинс дал обоснование солидаризма как единой стройной системы.

Он подчеркивал: солидарность и борьба – спутники человека. Путь развития общественного сознания ведет от инстинктивной солидарности к солидарности сознательной. Солидаризм – идея общественного и государственного строя, основанного на осознанной солидарности. Гинс открыл, что помимо частного и публичного права существует третий вид: регулятивное или координационное право.

Регулятивное право, отделяясь от права публичного, поддерживает уважение к частным правам и становится оплотом против опасных тенденций централизации и социализации хозяйства, против удушения предпринимательства. Человеческая личность и хозяйственная свобода не пострадают в солидаризированном государстве. Такое государство будет оплотом личности против злоупотреблений со стороны общественности, а организованное общество – против всепоглощающего государства.

Гинс предложил особый солидаристический взгляд на гражданское общество и государство. «Практическая сторона солидаризма, – указывал он, – гармонизация общественных и личных, государственных и индивидуальных правоотношений». Эта идея гармонизации общественных и частных интересов, прав и обязанностей должна стать основой координационного права. Гинс назвал солидаризм «руководящей идеей нашего века». Пожалуй, добавим мы теперь, не столько двадцатого, сколько – двадцать первого. Думая о будущем своей родины, Гинс писал, что после советской системы, убивающей самостоятельность и инициативу отдельных лиц, в России создадутся наиболее благоприятные условия для согласования интересов в духе солидаризма, что большевизм не оставит после себя значительных и независимых организаций, как равно и независимых обеспеченных лиц, что возрождение национальной жизни будет возможно только в условиях оживления общественной деятельности, а мирная общественная жизнь и хозяйственное восстановление страны невозможны без согласования разнообразных интересов, в этом смысле будущее в России принадлежит солидаризму.

В этих своих прогнозах Георгий Константинович Гинс был удивительно прав. Преобразование нашей страны применительно к условиям мировой экономики, с повышением уровня материальных и духовных условий жизни, этики и социальной культуры российского народа, может произойти только на путях практического солидаризма, многие из идей которого могут быть взяты на вооружение «Гражданским форумом». Российский солидаризм уже показал себя как идея в борьбе с воинствующим материализ-

мом, главным идейным «инструментом» прежней политической системы (1917–1991 гг.), потерпевшей в нашей стране крах. Солидаризм – философско-этический метод, направленный на согласование интересов отдельных людей, различных социальных групп, национальных образований, политических и общественных сил, на разрешение общественных конфликтов в условиях развитого гражданского общества и противодействующий силам, мешающим развитию и строительству гражданского общества и правового государства.

Необходимо нацелить общественные силы не только на демонтаж тормозящих рудиментов социалистического государства или на скоропалительное продвижение социально-экономических элементов «дикого» капитализма, но прежде всего на создание правового государства и отстройку учреждений независимого и открытого гражданского общества, на создание реально независимых от вмешательства государства или крупного капитала общественных объединений и союзов. Следует признать и постоянно вводить в сознание наших сограждан тезис о том, что задача государственной власти – не решать за общество все проблемы, а лишь создавать условия, при которых граждане сами обустроят свою страну, создадут себе достойную жизнь и укрепят свое хозяйство.

Такая концепция совмещает идеи демократии и патриотизма, западничества и славянофильства (а если говорить о последней трети XX века, идеи Сахарова и Солженицына). Солидаризм выступает за воссоединение нашей страны, но на добровольных началах. Это станет возможным тогда, когда Россия покажет другим республикам пример успешных реформ. Общественное движение, вставшее на идейный фундамент солидаризма, будет организацией одновременно и общественной, и политической, причем она будет нести не столько политическую, сколько духовную и культурную нагрузку. Солидаризм может стать формообразующим стержнем новой российской национально-государственной идеи. Он должен заполнить интеллектуальную пустыню, которую оставил после себя марксизм-ленинизм. Солидаризм, в частности, разрабатывает теорию «малых дел», призывая к конкретным делам на «малой родине», к возрождению многих исторических традиций. Так, на основе забытого земства можно создавать как подлинно народное самоуправление, так и политические силы, способные вывести страну из кризиса. В условиях разрухи и угрозы хаоса не декретами сверху будет восстанавливаться страна, а усилиями, инициативой, знаниями и «малыми делами» каждого в своем непосредственном окружении.

Крушение государственного социализма в России не обеспечило скорый и безболезненный переход к демократии и рынку, как надеялись многие. В нашей стране все еще продолжают существовать значительные элементы государственного социализма. И думается, что переход к подлинной демократии займет достаточно продолжительный отрезок времени. В России создается общество с новым соотношением социальных групп, где возрастают различия в доходах, статусе и культуре. Формируется компромиссный тип экономики. Буржуазный тип отношений, опирающийся на частную собственность, соседствует с отношениями государственной собственности. В России фор-

мируется такой тип хозяйства, которого не знала мировая экономика. И вряд ли становление такой экономики будет происходить бесконфликтно. Поэтому стоит обратить внимание на концепцию многоукладной экономики при сильном солидаризированном государстве, описанную Гинсом. Перераспределение собственности и власти, происходящее в правовых рамках, смягчит конфликты.

Солидаризм как метод разрешения социальных конфликтов приобретает особое значение в наши дни, когда происходит один из самых глубоких кризисов в истории России, охватывающий как совокупность общественных отношений, так и культуру, способы человеческой деятельности и этнические процессы. Происходят три кризиса одновременно.

Первый возник во второй половине 80-х гг. еще в СССР в результате тоталитарного отчуждения людей от власти, от самоорганизации и результатов труда, от исторического самосознания и личной безопасности, отчуждения производства от потребностей населения. Две стороны кризиса – социальная и культурная, взаимодействуя, образовали специфическую форму, лишившую его внутреннего механизма саморазрешения.

Второй кризис связан с обвальным распадом СССР, породившим множество трещин в общественном теле самой России: производственные, отраслевые, профессиональные, этнические, региональные. Жизненно важные части геополитической протяженности на западе и юге оказались ближним зарубежьем. Там остались миллионы русских. А внутри сузившегося пространства крепнет националистический, номенклатурный, мафиозный сепаратизм, стремящийся выйти из российской государственной юрисдикции. Он осложняется разрывом хозяйственных связей и разрушением социальных ориентиров людей.

Третий кризис сопряжен с проведением реформ – демократизацией политической жизни и созданием рыночной экономики. Цели и ценностные взгляды масс резко меняются. Следовательно, наше общество – одновременно и кризисное, и реформируемое. Реформы воздействуют на кризис, но не так, как ожидалось, – способствуя его расширению и обострению, а не преодолению. Это свидетельствует о том, что пока не возник механизм саморазрешения кризиса, его патологический характер сохраняется.

Поле возможностей нашего общества следует представить в виде перекрестка, пути от которого ведут или в социальную демократию, или к восстановлению тоталитаризма. Но почему же законы, указы и программы реформ не дают ожидаемых плодов? Чтобы нащупать причины, следует вникнуть в структуру мотивов человеческого поведения. Они зависят от традиций, эмоций, целей и ценностей. Действиями человека управляют глубинные регуляторы – потребности и ценности, роль которых особенно велика в условиях универсального кризиса.

Анализ особенностей переходного периода показывает, что либеральная демократия – лишь один из нескольких возможных вариантов будущего. Россия находится в новаторском периоде своего развития и именно от народа зависит, каким станет наше государство в будущем. В сегодняшний – переходный – период действует

самостоятельная политико-экономическая система со свойственными ей закономерностями и особыми характеристиками. Солидаризм может призвать граждан к преодолению этой переходной системы и к участию в создании новой модели государства.

Профессор Гинс говорил об особой роли в обществе «солидаризированного государства», которое должно быть лишено пороков как социалистического, так и капиталистического государства. Если социалистическое государство подавляет своих граждан, то капиталистическое вообще не обращает внимания на многие насущные проблемы населения. Начиная строить новый общественный строй, Россия должна избежать эти крайности.

Солидарность, по мнению Гинса, должна связать общество. Он вывел два основных положения солидаризма. Первое касается организации самого государства. Оно должно – строиться на взаимозависимых, руководимых центральной властью групповых союзах. Второе связано с надзором государства за частным хозяйством.

Предвидя нынешнюю российскую ситуацию, Гинс указывал, что основой согласования интересов различных социальных слоев может стать концепция многоукладной экономики при сильной государственной власти. Перераспределение собственности и власти путем регулятивного права ведет к утверждению двух укладов: государственного и частного. Связующим звеном между ними станет рынок. Функция государства при этом сужается, но его действие на экономику будет эффективным. Гинс считал, что министерства промышленности и торговли, сельского хозяйства, труда и транспорта просто обязаны входить в непосредственную связь с производителями в народном хозяйстве. Другие же министерства: финансов, здравоохранения, внутренних дел должны иметь хотя и косвенную, но все же существенную связь с производителями. Обеспечение порядка и правовых гарантий, неприкосновенности собственности, независимого суда – все это обязанность государства, и все это необходимо для обеспечения развития хозяйственной инициативы и предприимчивости.

Но государство такого рода должно принять на себя и заботы о социально слабой стороне. В сфере его внимания должны находиться пенсионеры, инвалиды, безработные, студенты. Не должно оно забывать о нуждах и проблемах науки, культуры, литературы, искусства. Оно должно внести уравнивающее начало, чтобы не было перевеса на стороне экономически сильных структур, к примеру таких, как фирмы, акционерные общества, монопольные предприятия. На данном факторе и должно быть создано социальное страхование, в частности защита труда и страхование от безработицы.

Солидаризированное государство обязано стать органом активного содействия хозяйственному благополучию страны – не покушаясь на независимость своих граждан, на договорную свободу и свободу собственности, не пытаясь стать «руководителем» народного хозяйства, как это было в СССР. Оно не должно уходить от контроля над народным хозяйством, стремясь к согласованию частных и общественных интересов.

Философия солидаризма направлена на то, чтобы в решении социальных проблем участвовало не только государство, но и гражданское общество. Гражданское общество –

это сфера свободной, творческой жизнедеятельности личности, коллективов и общностей людей. Здесь просто необходимо разнообразие взглядов, мотивов и интересов. Лишь полное и разумное самовыражение каждого из нас рождает в обществе тот заряд, который обеспечивает динамичное его развитие.

Практическая политика солидаризма покоится на том, чтобы общество участвовало в конкретных действиях по улучшению культурной и материальной сторон жизни людей, в повышении их духовного и образовательного уровня, в расширении сети медицинского обслуживания, социальной поддержки и т. п.

Говоря о будущем России, Георгий Гинс предупреждал, что не следует упускать из вида, что возникновение одной сильной группы в обществе вызовет появление другой. Объединение предпринимателей усилит рост профсоюзного движения среди рабочих. Создание союза промышленников будет способствовать возникновению союзов торговцев или производителей сырья, а союзы предпринимателей и коммерсантов станут катализаторами для создания союзов потребителей. Иными словами, среди населения создадутся группы, борющиеся за свои интересы. При этих условиях государство уже не сможет выполнять роль «ночного сторожа»: опасности станут подкарауливать общество и «днем».

«Следует учесть, – писал Гинс, – что группировки экономических интересов все более будут приближаться к партийным группировкам, поскольку экономика всегда ищет опоры в политике, а высшее политическое руководство остается за государственными структурами. В подобном столкновении интересов экономические интересы объединяют однородные группы. Солидаризация здесь происходит под влиянием общей выгоды. Но возможна и солидаризация в стане враждующих между собой групп. Появляется осознание: мир предпочтительнее ненависти. Исторический опыт подсказывает, что независимые друг от друга группы внутри общества смогут солидаризироваться на основе интересов для совместной борьбы с враждующими группами. Солидаризированное государство не должно препятствовать соперничеству групп, отстаиванию ими своих интересов. Но государство не должно оставаться безучастным. Оно обязано не допускать таких форм борьбы, которые вредны как для самого государства, так и для этих враждующих групп населения. В подобных случаях вмешательство государства просто необходимо».

В обществе должны действовать разнообразные политические силы. Они должны достигать своих целей не с помощью автоматов, а путем контактов, соглашений, терпимости, взаимопонимания и компромиссов. Плюрализм, о котором сейчас так любят говорить, осуществляется в границах гражданского общества способами, присущими цивилизованным отношениям между людьми.

При определенных условиях политические силы в обновленном парламенте России могли бы договориться о совместном магистральном пути. Для этого необходимо свести к общему знаменателю главные общественные ценности. Каковы они? Права и свободы человека. Народоправство. Патриотизм и уважение к историческим традициям.

Социально-рыночная экономика, способная стимулировать и защищать труд человека. Социальная защищенность членов общества. И, разумеется, правовое государство, без которого ни одна общественная ценность недостижима. В закрепленных законами рамках должны происходить борения партий и блоков. Только правовое государство представляет им простор для привлечения избирателей на свою сторону.

Следует учесть, что в реализации реформ хотел бы принять участие весь российский народ. Исходя из этого, конструктивные силы страны, к каковым нужно научиться (учитывая, между прочим, опыт США и Израиля) относить и силы, ратующие за просвещенный и ответственный патриотизм, должны разъяснять людям необходимость вникать в суть социальных процессов, протекающих в российском обществе во всех его регионах, помочь им разобраться в основной мысли о том, что между социальными механизмами общества и улучшением жизни населения существует прямая связь.

Солидаризм открывает новые возможности для развития как общества, так и государства. Он покоится на органическом, идеал-реалистическом мировоззрении, на утверждении духовного начала и морально-этических принципов, на исторических традициях страны. Он вытекает из персоналистического понимания ценности человеческой личности, свободно устремленной к творческому служению надличным ценностям. Солидаризм есть идея сплочения в свободном служении высшим духовным ценностям. Он утверждает свободу, но устраняет анархию, утверждает общность, но устраняет насилие и поглощение человека коллективом.

Если добросовестно следовать историко-культурному опыту российских мыслителей и всему историческому опыту нашего Отечества в попытке самоидентифицировать российское гражданское общество, то не следует забывать, что идея России была и есть идея справедливой общественной жизни, идея осуществления правды на земле. В этом – самобытность и историческое призвание России.

Арсений Рогинский, Александр Даниэль.
Обыватель – россиянин – подданный Великой Державы

Юбилейные размышления об августовском путче

В настоящей статье читатель не найдет ответов на вопросы, связанные с реальной жизнью сегодняшней России. Авторы по роду своих занятий имеют дело с общественным сознанием; поэтому предметом наших размышлений стала не столько реальная страна, сколько ее виртуальное отражение в умах наших соотечественников, не столько проблемы этой страны, сколько общественная рефлексия вокруг проблем.

Чтобы понять, что происходит сегодня в российском общественном сознании (а именно оно, в конечном счете, вызвало к жизни феномен победоносного путинизма), следует кинуть беглый взгляд на то, что происходило в нем в течение минувшего столетия.

Некогда, во времена своего становления, коммунистический режим легитимировал себя с помощью утопии. Нечеловечески трудная жизнь, неслыханные жестокости, ликвидация всех свобод, полная изоляция от внешнего мира и конфронтация с ним — все это оправдывалось тем, что мы строим новый мир, новое светлое будущее, строим не только для себя, а для всего человечества.

С течением времени о светлом будущем говорили все меньше и меньше. Даже самым махровым идеалистам становилось ясно, что никакого светлого будущего в Советском Союзе не получилось. В мощной сверхдержаве, созданной на месте Российской империи, люди вряд ли жили лучше и были счастливее, чем в других странах. Более того, все возрастающее число советских граждан приходило к выводу, что советский народ живет значительно хуже других народов.

Еще в последние годы сталинской диктатуры стало ясно, что и власть, и народ нуждаются в выстраивании новых общественных приоритетов. И, как это не раз бывало в истории, в качестве сверхцели, оправдывающей существование режима, было взято то, что перед этим рассматривалось как средство для достижения цели — Советское государство как таковое. Сакрализации подверглось не только само понятие державы, но и процесс ее построения: индустриализация, победа в войне и послевоенная реконструкция, создание «социалистического содружества» — блока государств, полностью зависимых от СССР, достижение ядерного паритета с США, космические успехи и т.д.

Новый миф, окончательно сформировавшийся к концу 1960-х гг., был, в отличие от старого, целиком обращен не в будущее, а в недавнее прошлое. Для поддержания этого мифа потребовалось коренным образом переписать историю, выкинув из нее все, противоречащее широкомасштабной эпопее прорыва отсталой и нищей страны к имперскому величию: зверства гражданской войны, раскулачивание, голод, сталинский

террор. В начале брежневской эпохи конструирование фальшивой истории стало одним из основных поводов для общественного протеста, превратившегося в диссидентское движение. Проблемы, которые в других странах становятся предметом академического интереса ученых-историков, сыграли серьезную, если не решающую роль в возникновении конфронтации между властью и обществом, нараставшей и усугублявшейся вплоть до начала перестройки.

Лозунг «Требуем всю правду о прошлом!» стал одной из основных формул перестройки. Уже в 1987 г. в СССР возникает общественное движение «Мемориал», борющееся за «восстановление исторической правды». Несмотря на то, что это движение выбрало себе не самое удачное название, слегка отдающее кладбищем, оно быстро стало массовым, а в 1989 г. на его базе была создана всесоюзная организация с отделениями более чем в 250 городах Союза. Симптоматично, что проблематикой первого независимого общественного движения в СССР, которое можно назвать массовым, стало не что-нибудь, а именно советская история.

В сущности, в те годы общественное мнение потребовало от власти, чтобы та признала криминальность своего происхождения. Власть, естественно, сопротивлялась, но под общественным давлением официально признанный «рубеж криминальности» постепенно отодвигался все дальше в прошлое. Сначала Горбачев (как за 30 лет до него – Хрущев) заявлял, что преступления начались с 1937 г., когда Сталин развязал террор против честных коммунистов; до этого все было в порядке. Прошло всего несколько месяцев, и в официальных выступлениях зазвучала другая дата: 1929 г. – начало единоличного правления Сталина и насильственная коллективизация крестьян. Дальше – больше: линия «исторического фронта» отодвигалась к 1927 г. (полицейское подавление внутривластной оппозиции), 1924 г. (смерть Ленина), 1922 г. (дата фактического прихода Сталина к руководству партией). И так далее. Если посмотреть на хронику перестройки с этой точки зрения, то мы увидим ее как хронику отступления официоза назад по хронологической оси советской истории. К лету 1991 г. правящая верхушка уперлась спиной в 25 октября 1917 г. – дату захвата власти коммунистами-ленинцами. Дальше отступить было некуда, и произошел путч 19 августа, одним из лозунгов которого было: «Руки прочь от нашего славного прошлого!» Путч провалился, власть коммунистов пала, а вместе с ней пала и официальная версия советской истории. Надгробным камнем ей стал разработанный с участием «Мемориала» и принятый 18 октября 1991 г. Верховным Советом РСФСР закон «О реабилитации жертв политических репрессий», который прямо обозначает дату 25 октября 1917 г. как начало эпохи беззаконий и произвола.

Авторы данной статьи, которые к тому времени принадлежали к числу руководителей общества «Мемориал», имели возможность наблюдать, как в течение считанных месяцев численность этой всесоюзной организации, совсем недавно массовой и крайне популярной, резко снизилась. Она быстро превратилась в совокупность региональных кружков

историков-любителей, правозащитных групп, а также клубов, объединяющих стариков, которые некогда пострадали от сталинских репрессий, или их потомков. Широкая общественная дискуссия о прошлом, к которой продолжал призывать «Мемориал», казалась неактуальной: разве главный вопрос не был успешно решен 21 августа 1991 г.?

Однако это ощущение было лишь иллюзией. С прошлым возникли серьезные проблемы.

Первая проблема состояла в том, что именно официальная версия советской истории в течение десятилетий была стержнем, связывающим воедино триста миллионов человек. И разрушение мифа о героическом и вдохновенном порыве масс, создавшем великую страну, неизбежно влекло за собой вопрос о новой самоидентификации этих трехсот миллионов, некогда названных брежневскими идеологами «особой исторической общностью — советским народом». Но если нет советской истории, то нет и никакого «советского народа»! А если нет советского народа, то чью волю выражает существование государственного образования, обозначаемого странной аббревиатурой «СССР»? Задним числом приходится с грустью констатировать, что после массового осознания преступности коммунистического режима — осознания неизбежного, ибо режим и был преступным, — неизбежен был и распад Советского Союза. Для продолжения его существования не было решительно никаких мотиваций, кроме разве что рациональных соображений. Но кто и когда в процессах подобного масштаба руководствовался рациональными соображениями?

Вторая проблема, которая и является предметом данной статьи, непосредственно вытекала из первой. После декабря 1991 г. примерно половина населения СССР оказалась жителями государства, взявшего себе название «Россия» (на самом деле, границы дореволюционной Российской империи, как известно, приблизительно совпадали с границами бывшего Советского Союза). И тогда вопрос, стоявший перед советским обществом и советским народом в последние годы существования коммунистической власти, — кто мы такие и что нас объединяет? — с роковой неизбежностью встал перед населением этой новой России.

Кто мы? Уже не строители светлого будущего и даже не подданные крупнейшей в мире сухопутной сверхдержавы, — а кто? Что должен отвечать средний гражданин Российской Федерации самому себе на вопрос, куда должна двигаться Россия, если он не очень умеет ответить на вопрос, что такое Россия.

Разумеется, всегда существует очевидный ответ на этот вопрос: мы — гражданская нация в том составе и на той территории, которые предложила нам как данность наша историческая судьба. Нельзя сказать, чтобы эта, самая современная и, кажется, наиболее европейская из имеющихся концепций, совсем не была востребована. Она была востребована, но не в качестве «национальной идеи», а как модус вивенди, которого приходится придерживаться за неимением лучшего. Это и неудивительно: подобный ответ нелегко дается даже странам с более развитыми традициями демократии и гражданственности.

Возможно, в итоге общество и пришло бы к мысли о гражданской нации. Для всего этого требовалось только взглянуть на нынешнее состояние России не как на историческую случайность, а как на закономерный результат определенного исторического развития. Разрушив советские мифы о прошлом, следовало повернуться лицом к этому самому прошлому и пристально и честно его осмыслить – в прямом этимологическом значении этого слова: о-смысл-ить, придать (новый) смысл. Российской интеллигенции – той части населения, которая призвана заниматься общенациональной рефлексией и в том числе исторической, – сделать это не удалось. Проклясть советское прошлое она прокляла, и, в общем, правильно поступила, хотя тридцать-сорок процентов взрослого населения, которые регулярно голосуют на выборах за КПРФ, вероятно, так не считают. А понять его оказалась не в силах.

Именно поэтому, если в конце 1980-х гг. престиж такой общественной организации, как «Мемориал», был чрезвычайно высок, то в 1990-е, вплоть до конца десятилетия, историческая работа «Мемориала» оказалась в России мало востребованной. Общественное мнение знало о «Мемориале» как о правозащитной и – после начала первой чеченской войны – антивоенной организации; но историко-просветительская деятельность «Мемориала» была практически не замечена. Ведь мы, как историки, никого не «разоблачали» и не «защищали». Мы просто пытались установить и осмыслить исторические факты, а также инициировать – увы, малоуспешно – общественную дискуссию о советском прошлом.

Не набравшись мужества всерьез заняться недавним прошлым, общественное мнение кинулось искать опору в прошлом более отдаленном. У демократов ельцинского образца появились культовые персонажи. Довольно странные, надо сказать, персонажи: например, один из самых жестоких российских государей, царь-реформатор Петр Первый (он даже проник на эмблему партии «Демократический выбор России»). Или другой Петр – П.А.Столыпин, премьер-министр Российской империи в 1906–1911 гг., реформировавший земельные отношения в стране и жестоко подавивший революционное брожение; тот самый премьер-министр, после которого в русском языке появились обороты «столыпинский галстук» (т.е. виселица) и «столыпин» – специально оборудованный вагон для перевозки заключенных.

Дело, разумеется, не в том, что демократы выбрали в качестве культовых фигур не тех персонажей. Дело в том, что период с 1917 по 1991 г. был вообще исключен из общественной рефлексии. Не было даже попыток заполнить эту черную дыру каким-то концептуальным содержанием, признать советское прошлое частью нашей истории и осознать его как проблему. Результат? Мы потеряли собственную национальную идентичность. История поисков новой российской идентичности в течение 1990-х изобилует анекдотическими сюжетами, вроде официального поручения президента Ельцина Академии наук: найти и в кратчайшие сроки сформулировать национальную идею для новой России. Разумеется, ничего путного из этого поручения не вышло.

Отражением полной неопределенности и растерянности, в которую впало национальное сознание, стало извлеченное из одической поэзии XVIII в. слово «россияне», которым в одно прекрасное утро 1992 г. президент Ельцин осчастливил жителей подведомственной ему страны. Заподозрить Ельцина в том, что он на ночь зачитывается Тредиаковским, Сумароковым или Херасковым, мы решительно не можем; похоже, что это словечко подсказали ему его советники. Их можно понять: в прессе уже дискутировался вопрос, как следует называть граждан Российской Федерации. Русские? Но вроде бы это слово обозначает этническое происхождение гражданина и поэтому не может применяться к нерусским гражданам Федерации. А опасения, что в один прекрасный день «национальную идею» начнут искать в этнических корнях, присутствовали в «демократическом» сознании постоянно.

И вся эта неразбериха кончилась так, как ей и следовало кончиться: обращением к модифицированной советской мифологии позднего сталинизма и эпохи брежневского «застоя». Именно в этой модификации – суть путинизма.

Что такое путинизм? Это довольно эклектичная идеология, в основе которой – старый советский культ государственности, но очищенный от всех, даже чисто ритуальных, упоминаний о коммунизме. Ельцинистские тенденции к идеализации дореволюционной России также никуда не делись – они лишь отошли на второй план. Реанимируется и активно используется фразеология «евразийства» – особой исторической философии, созданной в 1920-е гг. русскими эмигрантами, искавшими путей примирения с новой советской действительностью.

И все же основная опора путинизма – советская историческая мифология, но полностью лишенная идеологической аранжировки.

Присутствует и национализм – в умеренных, впрочем, дозах. Сводится он к тому, что мысль о Державе как высшей общественной ценности является частью русского национального характера. Но главную роль в этой паре играет все же Держава, а не национальный характер. Если обращаться к европейским историческим аналогиям, то речь идет скорее о возрождении величия Рима, а не о «крови и почве».

Сам Владимир Владимирович Путин, конечно, в первую очередь – продукт того времени, в котором он формировался как личность, т. е. брежневской эпохи. Немаловажную роль здесь, вероятно, сыграла и его прежняя профессия, развивавшая в сотрудниках его ведомства привычку к постоянному моральному самооправданию. Самым распространенным способом самооправдания для сотрудников КГБ в 1970-е была именно апелляция к государственнической идеологии в ее наиболее концентрированном и даже циничном варианте. Мы хорошо помним, что в «доверительных беседах» с диссидентами они больше всего любили повторять: «Ну, коммунизм, ленинизм... Мы же с вами прекрасно понимаем, что все это чушь. Мы служим государству, а никакому не ленинизму. И в тюрьму вас мы отправим не потому, что ваши взгляды – «не марксистские», а потому, что ваша деятельность подрывает основы Державы». Сам Путин трудил-

ся во внешней разведке и к работе с диссидентами, кажется, отношения не имел: но ведомственная психология и ведомственная система ценностей, основанная на «служении» самоценному государству (с которым отождествляются родина и народ), сквозит во всех его выступлениях и действиях. Именно эта система ценностей была предложена российскому избирателю в марте 2000 года и принята им.

И ничего удивительного: ведь наконец-то после десятилетнего перерыва обыватель узнал, кто он такой. Он – подданный Великой Державы.

Наиболее адекватным символом путинизма стал, несомненно, текст нового российского гимна, введенный Указом президента в декабре прошлого года. История этого текста проста и полностью отражает все перипетии национального сознания. Сочиненный в 1943 году Сергеем Михалковым, он стал Гимном Советского Союза, заменив в этом качестве «Интернационал». В годы правления Хрущева к публичному исполнению разрешена была только музыка гимна, потому что в тексте содержались славословия Сталину; эта ситуация продолжалась и в первые тринадцать лет брежневской эпохи. В 1977 году был введен новый Гимн СССР. Автором брежневского гимна был все тот же Михалков, а новый текст отличался от старого исчезновением имени Сталина и еще одной-двух исторических реалий. И, наконец, российский гимн образца 2000 года: за основу взят все тот же текст, но на сей раз из него исчезли Ленин, Коммунизм и Партия – они заменены Богом, Родиной и Державой.

Автор модификации-2000 – Сергей Михалков...

И бессмысленно гадать, является ли новый президент «правым» или «левым», «русским европейцем» или сторонником особого, «евразийского» пути для России, реформатором или реставратором. В этой постановке вопроса столько же смысла, сколько в размышлении на тему: «реформирует» ли Сергей Михалков советский Гимн или «реставрирует» его». Что же касается «Мемориала» – что ж, его будущее, очевидно, связано с судьбой той части общества, которая не принимала советской исторической мифологии и не принимает путинской «новой державности», но при этом стремится не просто им оппонировать, но еще и понять их корни в общественном сознании.

Кирилл Рогов.
«Путинское большинство», гримаса демократии,
или Юбилейная деконструкция Павловского

Птичка

Год со дня выборов Путина торжественнее всего был отпразднован знаменитым кремлевским пиар-технологом Глебом Павловским. По этому случаю была проведена представительная прессуха в «Интерфаксе» и открыт – как водится – сайт. Главным героем того и другого стал, впрочем, не столько годоизбранный президент, сколько «путинское большинство». А на самом деле – сам Глеб Павловский.

Сайт ВВП.ru открывается следующим извещением: «Год тому назад Владимир Путин победил на выборах. Это были честные выборы, может быть, первые легко предсказуемые выборы Президента России. Тем не менее выборы привели к шоку, который отпечатался в виде разделения «большинства» и «меньшинства»... Преимущество Путина в обществе возникло задолго до марта 2000 года, во всяком случае, не позднее октября 1999 и сразу получило наименование «путинского большинства». В марте это большинство стало победителем. Вот в этом как раз Путина и винили! Ярость по сей день вызывает то, что «путинское большинство» политически реализовалось и, превратив общественное доверие в конституционное преимущество, произвело ряд перемен в исполнительной и законодательной власти». Далее сайт развивает эту мысль в двух крупных разделах: «Путинское большинство» и «Экспансия меньшинства». В первом сам Павловский рассказывает подробнее, почему вредное «меньшинство» ненавидит «путинское большинство», социолог Ослон объясняет это большинство как социологический факт (т.е. на самом деле – дает подборку собственных опросов, фиксирующих динамику путинского заоблачного рейтинга). Здесь же в разделе «Что делать президенту» анализируется «массив наказов Президенту, высказанных россиянами». Во второй части рассказано про «вырождение экспертизы», про то, что СМИ рассказывают людям не то, что люди хотят знать, и еще почему-то о том, сколь правильна была сурковская затея напугать коммунистов при помощи «медведей» роспуском Думы.

Г.О.Павловский явно поскромничал и приврал, написав, что существование «путинского большинства» стало всем очевидно еще в октябре 1999 г. На самом деле тогда этот термин просто был впервые употреблен самим политтехнологом и в течение последующих полутора лет повторен многократно на разные лады. В целом же историческое полотно примерно получается такое: есть «большинство», молчаливое, не имеющее своего языка и политических институтов, есть «меньшинство» – олигархи, вырождающиеся псевдоэксперты, малоинформированные журналисты, всяческая элита и прочие

столичные кровососы, и, наконец, – есть неброский герой, настоящий полковник, чудесным образом через головы этой элиты ставший президентом и политическим конституционным представителем большинства, которое по такому случаю в дальнейшем именуется «государствующим большинством». «Меньшинство» ярится, и рвет власы, и воет вепрем. – Такова общая картинка. Ищите птичку.

Птичка, конечно же, сам Г.О.Павловский, ибо в ситуации тотального вырождения экспертизы и СМИ лишь он умел понять и объяснить полковнику природу всех вещей и его собственную историческую роль, и таким образом получил право представлять перед ним за безъязыкое большинство (см. раздел «анализ наказов»), ибо – кому же еще? Единственный коммуникатор. Поэтому Павловский уточняет картину мира: кроме «большинства» и «меньшинства» на исторической арене действуют еще «практики внутригосударственного взаимодействия», которые обслуживают процесс общения безъязыкого со своим конституционным. Так все прямо и написано. Не верите – сходите почитайте эту песнь.

Гримаса демократии

Сама по себе актуализация понятий «большинство» и «меньшинство», конечно, не случайна и отсылает к тому риторическому эпизоду русской истории, когда именно с актуализации негативного смысла понятия «большинство» началось политическое разрушение корпоративно-бюрократического политстроя, более известного под именем социалистического (помните – «агрессивно-послушное» и первый съезд народных депутатов?). Павловский просто – с весьма характерной для него смелостью мазка – перевернул идеологему. Чем революцию открыли, тем ее, падчерицу, и закроем.

Вообще вопрос об отношениях большинства и меньшинства – и это знает сегодня каждый школьник – центральный вопрос демократии. Так же, как отчасти справедлива мысль, что революции в действительности совершаются меньшинством. Точнее, совершаются-то они как раз большинством, которое затем бросается на поиски «меньшинства», дабы возложить на него ответственность за содеянное. Лови Чубайсов!, в общем.

Проблема, однако, заключается именно в том, что в России, благодаря десятилетию нестабильности, неуклюжему произрастанию капитализма и демократии, как раз нет сегодня большинства и меньшинства. Вообще нет – как факта. И надо обладать артистической интеллектуальной наглостью и профессиональной смелостью Павловского, чтобы так вот запросто всунуть нам такую феню за здорово живешь. При демократии большинство – это процедурная коалиция, каковой она и является в случае путинских рейтингов (те, кто проголосовал за Путина, и на сегодня подтверждают свой выбор), что, однако, не делает эту коалицию самостоятельным субъектом политического процесса. Совсем напротив – парадоксальная устойчивость демократии опирается на то,

что конфигурации коалиций по разным вопросам могут сильно меняться. Субъектом же политического процесса большинство становится лишь при одном условии: если оно делегировало свои политические права не по конкретному вопросу, а вообще – как таковые. И опыт века минувшего весь почти этому был посвящен – гримасе демократии, именуемой «фашизм», будь он хоть национал-, хоть имперским, хоть мягким корпоративным социализмом.

Причину и исходный пункт этой гримасы Павловский также описывает вполне точно. Плодами революции первым пользуется, конечно, «меньшинство», стремящееся приватизировать ее. Вполне резонно, и не одним Павловским, подмечено, что существующая политическая система и весь круг вопросов и проблем, обсуждаемых столичной прессой, в известной мере далек от реальной жизни огромной части населения, находящейся в существенно иной экономической и коммуникативной ситуации. Так же, как хорошо известно, что около 30–40% (отнюдь, впрочем, не большинство, как принято преувеличивать) населения достаточно слабо политически структурированы, т.е. не могут пока сформулировать своих политических интересов и идейных предпочтений. И именно они становятся добычей и опорой новой узурпации. Более того, «большинство» выглядит таковым и является политическим капиталом как раз в силу того, что не может осознать и выразить своих разношерстных интересов. В силу безъязыкости. Тут самое время за него поговорить – стать т. е. «практиком внутригосударственного взаимодействия». Так что прав друг мой М.Ф., вздыхающий при виде очередных социологических опросов: «Рейтинг в 60% надо запретить законодательно». И дело тут не в том, нравится Путин или не нравится; Путин как раз, по моему частному мнению, ничего особо вредного стране не сделал (за исключением сталинского гимна, конечно), и даже, пожалуй, распоряжается этим троянским рейтинговым даром вполне корректно, что – уверяю вас – немало. Проблема в том, что рейтинг этот – признак социального нездоровья. Один из великих уроков минувшего века и заповедь всем умникам-интеллектуалам: фашизм всегда гораздо ближе, чем это кажется вчера.

Немного технологии

Совершенно несправедливо, однако, видеть в Г.О.Павловском демона и манипулятора российской политики, творца и дирижера «проекта Путин», и вообще «злого гения». Напротив, Глеб Павловский – поэт и фантазер, и в то же время – успешный коммерсант. И по последнему пункту – чуть подробнее.

Собственно, если присмотреться к павловскому проекту «путинского большинства», последовательно реализуемому в его придумках этого года – что Страна.ru, что ВВП.ru, – то становится заметно, что это просто своеобразная пролонгация предвыборного проекта. Конкретная электоральная пиар-задача, вставшая перед Павловским и всей крем-

левской командой два года назад – создание коалиции с участием аморфного электро-ального «болота», а если еще точнее – задача «оторвать» это болото от Лужкова–При-макова, в объятия коих оно неминуемо скатывалось, – превращается Г.П. и К° в род политической идеологии и проект политического порядка: мы тут на государственных началах и деньгах представляем «безъязыкое», а вы кто будете?

Ужасно трогателен поэтому у Павловского образ «экспансии меньшинства». Вопрос о вырождении экспертизы и СМИ, конечно, не случайно занял такое место на ВВП.ru, посвященном как бы формально годовщине пребывания Путина в должности президента, собственно – место главного протагониста. Глеб Олегович ведь, как известно, сам – основатель и глава холдинга, соединяющего в себе пиар-структуры и как бы экспертный институт, сам – главный эксперт и пиарщик. А потому и исторические пафосы его молниеподобных ин-вектив следует, видимо, рассматривать скорее в плоскости конкурентной борьбы.

Вообще, соединение коммерческого пиара и экспертизы и упаковка первого в об-ложку второго – одна из главных основ успеха ФЭПа. В самом по себе таком совмеще-нии нет ничего особо нового, но блистательное применение его в области политконсал-тинга на русской почве – несомненная заслуга Павловского. А действительная находка Глеба Павловского, достойная того, чтобы войти в русские учебники по пиару, состоит в том, что первым и основным объектом пиара становится сам заказчик. Представьте: вы пришли в агентство и просите как-то там вас приятно позиционировать и сделать луч-ше, чем вы есть, с экранов телевизора. В агентстве думают и отвечают вам на базе мо-нитторингов и диаграмм, что цели должны быть немного другими и, в сущности, еще бо-лее приятными, потому что экспертиза показывает, что именно вы можете занять ту нишу, которая изменит конфигурацию поля, есть шанс на уникальное позиционирова-ние, вам надо бы вообще сменить повестку дня – так, дескать, говорит бестрепетная экс-пертиза. Клиент дуреет. (Речь в данном случае даже в меньшей степени идет о В.В.П., а в большей – о методе и предыдущих расписовках Г.О.П.) – Клиент дуреет – что есть замечательная технологическая находка – и становится фактическим агентом, а не только заказчиком собственного пиара. Кроме того, очень скоро становится очевидно, что как только он слезет с клиентского обслуживания, его уникальное позиционирова-ние грозит стремительно развеяться. А кто тут у нас такой фрондер бесшабашный, что-бы отказаться от уникального позиционирования? – Никто. Сблэзн уникального пози-ционирования практически необорим.

Из этой технологии вытекают, в частности, несколько устойчивых «умных» понятий, постоянно фигурирующих в построениях Глеба Олеговича, – это «изменение конфигу-рации поля» и «смена повестки дня». Они совершенно необходимы для самой методи-ки работы и составляют во многом суть политтехнологического визионерства Г.О.П. – саму суть манипулятивности. Прекрасная придумка с пролонгацией предвыборного проекта и превращения его в политическую систему также требует «смены повестки дня», которую нам и предлагают по адресу ВВП.ru. Сюжет известен: добруму медведю

путинского большинства противостоит агрессивно-непослушное, экспансионистско-олигархическое меньшинство, прячущееся за спинами вырождающихся экспертов и продажных СМИ (мементо НТВ!), но мишу защитит союз честного полковника и «практиков внутригосударственного взаимодействия». Мы создадим, пишут на сайте ВВП.ru, «поле работающей демократии, общероссийскую систему массовых политических коммуникаций», обеспечим «новую систему обратной связи лидера страны с гражданами», «предоставим голос новому большинству», обслужим процесс «воссоздания демократических институтов». То есть все то, чего у вас нет. В общем – Только у нас, Свежие устрицы, Прямо от большинства, Без посредников!

Поэтический размах новому проекту Глеба Олеговича придает очередной замечательный и артистичный ход: пресс-релиз ФЭПа он просто решил, слегка сменив формат, взять и впендюрить всей стране уж сразу. А почему нет? – Вот, к примеру, на сайте есть раздел «анализ наказов» – не так себе «стол находок» и пиар-туфта, как вы, наверное, подумали, а это здесь – экспертный анализ приоритетов, опирающийся на социологические опросы, выкладки, мониторинги и прочее. Разительное отличие от продукции псевдо-экспертов так и мечется в глаза. Левада скажем со ВЦИОМом – явное меньшинство, а следовательно – квазиэксперт, а вот Ослон – типичный практик взаимодействия. Аналогично, если вы, к примеру, получаете свое положенное количество баксов в газете или еще каком олигархическом месте, то вы – явное меньшинство, а если, скажем, в ФЭПе, то уже вы осуществляете уникальное дело коммуникации большинства со своим президентом. Да и вообще – проверь себя, прочти ВВП.ru: и если тебе вдруг не нравится, что написано у Глеба в первом разделе «путинское большинство», то иди – почитай про себя во втором. То есть давайте уже всем скопом выбирайте: либо уникально позиционироваться, либо оппозиционно маргинализироваться. Вот это будет практика внутригосударственного взаимодействия! Вот это будет «общероссийская система массовых коммуникаций!».

Глеб – гений. Он там посередине пресс-релиза еще набрасывает контуры будущей оппозиции «путинскому большинству», которую – нельзя не процитировать – «породит лица от тайного брака с аппаратом». – Ни одного клиента нельзя упускать! Ни одного!

Александр Даниэль, Арсений Рогинский. Россия и Европейский либерализм

Россия и Европа, Россия и Запад – тема, вокруг которой, кажется, вертится большинство интерпретаций российского прошлого и настоящего (чаще всего, вполне интересных и содержательных), а также политических прогнозов (почти никогда не сбывающихся). Для отечественной рефлексии эта оппозиция вполне традиционна: начиная, по меньшей мере, с тридцатых годов теперь уже позапрошлого века, основные дискуссии о России и ее месте в мире выстраивались вдоль оси «западничество–почвенничество». Сопоставление и противопоставление России и (остального) западного мира является одной из несущих конструкций русской культуры, так что иногда кажется: никакой России вовсе нет, а есть лишь набор со- и противопоставительных свойств, сближающих или, соответственно, разводящих эту несуществующую страну со вполне реальной западной историей и цивилизацией.

Заметим, что присутствие в российском сознании фантома, именуемого «Западом», вовсе не зависит от того, является носитель этого сознания «западником» или «почвенником». Это влияет лишь на расстановку оценок. Первые полагают, что «Россия интегрируется в западное сообщество», а «русское общество проникается западными ценностями» — и это хорошо; вторые же считают, что «Запад пожирает Россию», а «чуждые русской культуре ценности отравляют национальное сознание» – и это плохо. Учитывая, что никто из оппонентов всерьез не ожидает ни распада России как страны, ни исчезновения русского языка и поголовного перехода на английский (происходящие ныне в языковой сфере процессы ничем не отличаются от того, что лет 30–40 назад происходило во Франции или Италии), ни растворения русской культуры в мифической «западной», легко понять, что разница между двумя утверждениями – чисто терминологическая и оценочная.

В остальной Европе на Россию также очень часто смотрят не как на одну из европейских стран, обладающую, как и другие европейские страны, собственной историей и культурой, – неотъемлемой частью общеевропейского наследия. Западный наблюдатель смотрит на нашу страну и видит перед собой не очень понятное и потому немного опасное, но в любом случае органически чуждое Европе пространство. Именно в сопоставлении с Россией (возможно, это касается также стран Азии и вообще «третьего мира») он осознает все западноевропейские страны, США, Канаду, Израиль и, кажется, даже Японию как единую политико-культурную общность, именуемую Западом. Можно сказать, что если русские делятся на «западников» и «славянофилов», то европейцы по отношению к России – почти сплошь славянофилы (это уподобление относится, конечно же, лишь к самым простодушным из отечественных славянофилов).

В течение последнего десятилетия дискуссии о соотношении России и Запада вспыхнули с новой силой, ибо они протекали на фоне очередной грандиозной попытки модернизации российского общества и государства. Заметим, что эта модернизация воспринимается именно как «вестернизация», перенос западноевропейских социально-политических концепций и технологий, – таких, как права человека, демократические выборы, независимая гражданская активность и так далее, – в российскую действительность. Надо сознаться, что данное восприятие реформ – не прерогатива только западных наблюдателей. Российская интеллигенция, то есть как раз та часть общества, социальной ролью которой является историческая и культурная рефлексия, в массе своей так же точно воспринимает «модернизацию» как «вестернизацию».

Мы хотим усомниться в основной исходной посылке, которая молчаливо принимается и российскими «западниками», и российскими «почвенниками», и внешними наблюдателями. Мы не уверены, что Россия – это «не вполне Европа», и что модернизация как раз и состоит в том, чтобы перенести концепции и идеалы, выработанные в Западной Европе и Северной Америке, на доселе чуждую им русскую почву.

В самом деле: на чем основано предположение о том, что Россия – это «не вполне Европа»? Уж, во всяком случае, не на «особости» национальной культуры! Каждый, кто знаком с русской литературой, живописью, театром, музыкой, подтвердит, что российская культура (в узком смысле этого слова) уже два столетия составляет органическую часть именно европейского вклада в мировое наследие. Речь сегодня, конечно, идет не о культуре, а о политическом бытии нации, отличном от политического бытия западноевропейских стран.

Проще говоря, наиболее распространенный стереотип таков: Россия – это не Европа, потому что Россия никогда не знала демократии. Она всегда управлялась авторитарными и диктаторскими методами. Иногда диктатура перерастала в массовый террор.

Так ли это? Разумеется, так.

И все же можно кое-что возразить «западным почвенникам» – и по поводу извечной авторитарной России, и по поводу перманентно демократического Запада. Ограничимся для краткости одним ХХ веком.

Для предвоенной Европы 1930-х гг. «Карта свободы», вроде той, которую сейчас ежегодно составляет американская ассоциация «Фридом хауз», выглядела бы достаточно мрачно даже без Германии и России. В Венгрии – Хорти, в Испании – Франко, в Италии – Муссолини, в Польше – Пилсудский, в Литве – Сметона, и так далее. Все эти правители (в разной степени, конечно) были, мягко говоря, мало похожи на идеальных демократических политиков. Конечно, в том, что касается тотальности диктатуры и масштабов совершаемых преступлений, названные диктаторы в подметки не годятся Сталину. Но зато Гитлер в этом отношении, пожалуй, не уступит Сталину, а, может, и переплюнет его.

Перекресток, на котором фундаментально разошлись пути России и Запада – это 1945 год. Послевоенная Западная Европа, впечатленная опытом нацизма и вдохновен-

ная победой над ним, провела последовательную политическую модернизацию всех своих институтов, от армии и полиции до профсоюзов, восстановив и обновив «общественный договор» на основе классического либерализма. В Советском Союзе не произошло ничего подобного, и наша модернизация началась почти полвека спустя. Но ведь время упустили не только мы: опыт Испании и Португалии (где Салазар и его наследники продержались ненамного меньше, чем коммунисты в России) показал, что и запоздавшая модернизация может быть успешной – было бы желание.

А желание было: в двадцатом столетии Россия, по меньшей мере, трижды – в 1905–1907, в феврале 1917 и с конца 1980-х по сей день – пыталась пробиться к демократии. Первая русская демократическая революция принесла конкретные плоды – гражданские свободы и начатки представительного правления; вторая окончилась большевистским переворотом; о третьей трудно пока сказать что-то определенное. Но, как бы то ни было, эти настойчивые попытки не подтверждают тезиса о том, что демократические общественные процедуры и институты являются для России чем-то полностью чужеродным.

Но можно ли утверждать обратное: что либеральные ценности органичны для российской культуры и российского общественного сознания?

Так получилось, что в 1960-е над нашей страной был поставлен чистый опыт селекции органических идей. В то время режим уже заметно одряхлел и не в состоянии был «на корню» пресекать независимую общественную активность. Но «железный занавес» еще действовал и продолжал эффективно препятствовать проникновению идей с Запада; из всех западных пропагандистских кампаний, направленных на Советский Союз, практический успех имела только одна – пропаганда современной легкой музыки. Поэтому мировоззренческая база для возникновения независимой российской общности (тех, кого позднее назовут диссидентами) могла быть только автохтонной, порожденной внутренними традициями и тенденциями развития России. И диссиденты выбрали в качестве точки опоры, знамени и основы альтернативного общественного проекта не какую-либо политико-идеологическую платформу. Они выбрали концепцию прав человека. Выбрали, практически ничего не зная об этой концепции, не представляя себе современного состояния проблемы, не будучи в массе своей знакомыми даже с такими основополагающими документами, как Всеобщая декларация ООН, не говоря уже о международных пактах о правах человека.

Иными словами, Россия не заимствовала эту концепцию в Европе. Она практически самостоятельно выработала ее для себя, исходя из собственного исторического и культурного опыта.

И, наконец, самое главное. В сегодняшнем мире позиционирование народа и его культуры определяется не тем, откуда он заимствует идеи и принципы, а тем, куда он вносит собственные достижения, частью чего эти достижения становятся. Идея прав человека не просто была переоткрыта российскими диссидентами заново. Она была пе-

реосмыслена русской культурой и русской общественной мыслью, превратившими ее из правовой концепции в философию нового глобализма. В России она приобрела важные новые измерения – как на интеллектуальном, так и на практическом уровне.

На интеллектуальном – Сахаров поставил эту идею в контекст главных глобальных вызовов конца XX века, провозгласив ее универсальным ключом к модернизации уже не национальных обществ и государств, а человечества в целом.

На практическом – международное Хельсинкское движение, зародившееся, как известно, в 1976 году в Москве, решающим образом повлияло на выработку «доктрины Картера», объявившей права человека важнейшей международной проблемой. Этой доктрине суждено было определить ход событий в мире и в Европе в течение 1990-х.

Современная западноевропейская мысль за четверть века настолько привыкла к этому новому взгляду на права человека, что его «русские» корни слегка забылись. Но если мы говорим о соотношении между современной Россией и современной Европой, нельзя забывать, что, в конечном счете, и Россия, и Европа – это, прежде всего, люди и идеи. И что решающий вклад в модернизацию европейского политического мировоззрения внесли русские.

Да, политический режим в нынешней России далеко не соответствует тем критериям, которые сегодня считаются нормой в европейских демократических обществах. Да, уровень независимости прессы за последние два года резко упал; сейчас он много ниже, чем может позволить себе развитая демократия. Да, уровень насилия, исходящего от государственных институтов, заведомо больше допустимого; иначе говоря, полицейский произвол распространен в России намного шире и проявляется намного грубее, чем во Франции или США. Да, война в Чечне сопровождается не меньшими, если не большими жестокостями и кровопролитием, чем война в Алжире. Но значит ли это, что для русского национального сознания, для русской культуры несвобода и насилие более приемлемы, чем для американского или французского? Попросту, значит ли это, что русские любят, когда их лупят полицейские?

Мы сомневаемся в этом. И если мы правы в своих сомнениях, то можно надеяться, что где-нибудь через поколение-два политическое бытие нации начнет лучше соответствовать ее, уже сегодня достаточно европейскому, политическому сознанию.

Виталий Найшуль. Либерализация национального уклада

России нужны новые архетипы гражданской и хозяйственной жизни
Статья известного экономиста, директора Института национальной модели экономики Виталия Найшуля «Рубеж двух эпох», опубликованная в полном варианте «Полит.Ру», поразила большинство читателей, прежде всего, экстравагантной мыслью о необходимости обратиться к опыту доимперской Руси в поисках микроархетипов хозяйственного и политического поведения. О том, что стоит за этой идеей и в чем главная мысль статьи «Рубеж двух эпох», с Виталием Найшулем беседует главный редактор «Полит.Ру» Кирилл Rogov.

Безумная телефонная станция

Первый вопрос – к вам, как к одному из авторов концепции «административного рынка», позволившей взглянуть на экономику последнего периода социализма как на особый образ функционирующую хозяйственную систему, таков: а как бы вы описали тот реальный экономический и политический уклад, который мы имеем сегодня?

Экономический уклад (я думаю, что со мной согласятся коллеги по теории административного рынка, в том числе Симон Кордонский, Вячеслав Широнин) можно охарактеризовать как однеженный административный рынок. В брежневском Советском Союзе материальными носителями обменов были физические ресурсы: трубы обменивались на власть и так далее. После того как освободили цены, материальные ресурсы получили денежный эквивалент, и хотя система по-прежнему работает как перераспределительная, в ней уже преобладают деньги (хотя материальный обмен тоже имеет место – там, бартеры всякие).

Можно считать, что это большое достижение, можно считать, что это очень мало. Эта система, конечно, не является рыночной в полном смысле слова, потому что – я процитирую Симона Кордонского: цель реформ состоит в отделении государства от экономики. Вот эта цель не достигнута – государство и экономика все равно остаются интегрированными, только они интегрируются через другие хозяйственные потоки.

И это главная экономическая проблема?

Для нормальной рыночной экономики характерна в большей или меньшей степени перпендикулярность хозяйственных потоков и государства. Государство устанавливает правила игры и следит за их выполнением, а потоки, основываясь на хозяйственной самодельности людей, по этим правилам движутся. У нас же в передвижение потоков

все время «закладывается» административная составляющая.

Специалисты консультационной компании McKinsey в своем очень интересном докладе пришли к выводу, что если «расчистить» наш рынок, то в течение 5 лет душевой доход у нас может составить 65% от американского уровня. Это при условии, что рыночные сигналы начнут действовать, т.е. они не будут микшироваться властью. Например, в отрасли 3–4 компании могли бы взять на себя весь рынок, на самом деле они производят 40%, а остальные 60% делает «хвост», который находится на дотации. Это прямое следствие того, что рыночные сигналы микшируются государством. Григорий Сапов в свое время сравнил это с ситуацией, как если бы телефонная станция вмешивалась во все разговоры абонентов.

Парадигма Ельцина

И с неизбежной необходимостью изменения этой ситуации вы, как я понял, связываете и неизбежное изменение политического и социального уклада?

У нас каждое правление первого лица – период некоей единой парадигмы. Лицо приходит к власти, в первые годы своего правления устанавливает правила игры, а дальше становится пленником этих правил. Потом наступает неизбежная стагнация и самого «лица», и его «правил». Этот цикл не является свойством правящей личности, а следствием «парадигмального» характера верховной власти. Сталин, Хрущев, Брежнев, Горбачев, Ельцин – их эпохи невозможно спутать друг с другом. В этом смысле мы и сейчас будем входить в новый период, и я думаю, что люди сейчас мало еще представляют, насколько сильно эпоха Путина будет отличаться от эпохи Ельцина. Марксистское образование концентрирует внимание людей на вопросах материальных, а поскольку материальные вещи очень инерционны, то кажется, что если сегодня, завтра, послезавтра 18 градусов тепла на улице, то это будет продолжаться всю жизнь.

И каковы же будут главные отличия от «парадигма Ельцина»?

Ельцинская эпоха прошла под знаком общечеловеческих, цивилизационных ценностей. У нас и названия институтов власти были с самого начала сделаны – президент, парламент, мэр – по западной модели, и говорилось: «как во всех цивилизованных странах». И мы хотели к этой модели приобщиться.

Но у нас есть – Дума вместо парламента...

Вот. 1993 год – рубеж, когда выяснилось, что если делать все по-западному, то в результате может литься кровь на улицах Москвы. После этого эту систему начали калечить, и это уже была не западная система. Сначала все пытались сделать честно: президент – вице-президент – парламент. Вице-президента не стало, законодательную власть «зажали», потому

что стало ясно, что она может стать источником больших беспокойств и беспорядков, а из демократически выбранного президента стал выкристаллизовываться некий выборный царь.

Период Ельцина – это период истощения импортированных западных конструкций. Мы их проверили, все что можно оттуда взяли, президентство состоялось, мы адаптировали его. Не состоялась законодательная власть – парламент пользуется не очень большим уважением, и – в отличие от президента, который все же сумел все это время управлять страной, – парламент не смог решить главную задачу – он не смог утвердить налоги, которые будет платить население. Собственно говоря, главная задача парламента в этом и состоит. Что касается судебной власти – о ней помалкивают, и правильно делают, потому что она находится в таком состоянии, о котором даже неудобно говорить. Проблема судебной власти очень глубокая – это не то, что Ельцин не доработал, или неправильно проводили рецепцию этого института.

«В конце ответишь»

Предположим, парадигма адаптации в какой-то мере исчерпана, и что будет дальше, что может быть?

Характерный индикатор состояния страны, того, кем мы являемся – это наши праздники: пестрая смесь пережитков советской эпохи, западных аналогов и русского культурного наследия. Все находится в противоречии друг с другом. Нельзя отмечать 7 ноября как день национального примирения, это, как сказал мой студент, примерно, как в день гибели Титаника отмечать день судостроения. Мне кажется, что смесь, которая образовалась в результате спонтанных процессов – спонтанного развала советского государства, спонтанной рецепции этих чужих образцов, – все это должно быть теперь выстроено. И у меня такое впечатление, что Путин приходит с этой первичной идеей.

Что получится – это уже другой вопрос. Но результаты голосования по «Единству» и популярность Путина показывают, что люди хотят, чтобы построили что-то.

Это традиционно для нашей культуры – передача всей ответственности первому лицу. Не то, что мы будем тебя проверять, куда ты? что ты? с кем разговариваешь? – нет. Иди, делай, в конце ответишь. Это принятый здесь способ.

Бесплатный бензин

Вашей последней работе, статье «Рубеж двух эпох», вы пытаетесь предугадать движение языка, то, из чего будет строиться новая парадигма?.. Статья, она – удивляет...

Я в этой статье пытался построить следующую логическую цепочку. Исходный пункт: ресурсов нет. Нет свободных материальных ресурсов, потому что первичное перераспределение собственности уже произошло, а для нового перераспределения собственности требуются силы. Уже нельзя просто раздавать, теперь нужно у кого-то отнимать и кому-то отдавать. Конечно, спонтанно некое перераспределение будет происходить, но государство не может использовать финансовый пряник для существенных государственных преобразований.

Вторая проблема состоит в том, что когда Ельцин пришел к власти, считалось, что если мы присоединимся к цивилизованным странам, у нас все получится. Сейчас этого другого пряника, футуристического, – тоже нет, трудно давать обещания, что все будет хорошо через три-пять лет. Эти два фактора будут сковывать власть, потому что можно действовать либо на ресурсном бензине, либо на народных ожиданиях. Вопрос – откуда взять топливо, когда его нет?

Ну – либо мобилизация, либо либерализация... Если вообще бывает бесплатный бензин...

Вот простой пример. Если на улице взрослый бьет ребенка, то народ обязательно набегит. Это быстрая, нормальная реакция, т.е. не надо никому платить: при свете дня маловероятно, что взрослый будет безнаказанно бить ребенка. Защита порядка выполняется на бесплатном бензине, при этом участвующие в восстановлении порядка расходятся удовлетворенными. Вопрос в том, как заставить страну работать на бесплатном бензине – работать, не воровать.

Сталин внушил, что обязаны рубаху отдать для процветания страны, но сейчас это не работает. Если мы, к примеру, соберем с населения золотые кольца, то единственный результат – они будут разворованы, продвижения экономики никакого все равно не будет. Мобилизационные архетипы остались, но нам нужно другое: страна должна в условиях острой мировой конкуренции научиться производить товары дешевле других, не три человека, а страна, 80% должны уметь так зарабатывать. Откуда это взять? Есть такие «микроархетипы» – они создают не пирамиды, а микрохозяйственное, микрогосударственное поведение – дешевая охрана порядка, дешевый, качественный труд... Вот как в примере с ребенком...

Сундук

И в поиске этих «микроархетипов» вы предлагаете обратиться к доимперскому прошлому России, к древнерусскому укладу?

У нас такое линейное историческое мышление: принято считать, что ближе то, что недавно, и дальше то, что давно. Думаю, это не так: многим Пушкин ближе, чем Маяков-

ский. Предложу «концепцию сундука». Сундук – это место, куда складываются архетипы поведения, культурное наследие. Их оттуда извлекают, одно носят, другое там пребывает в латентном виде. Пример – слово «земля» в том старинном смысле, который сейчас уже вышел из употребления, и даже у Даля не очень развернут: «надо посоветоваться с землей». Но от него осталось: «вся земля поднялась на борьбу с врагом». Это случай латентного сохранения, когда корешок смысла все-таки высовывается.

Мы пытались расширить политический лексикон, чтобы выразить нужные конструкции. Для этого использовали архаику. Поручили студентам написать сочинение с употреблением этого термина – «земля». Оказалось, большинство справилось. Это означает, что этот язык существует, он не затерян. И кажется, сейчас придется сундук сильно перетрясти. Достать «землю», например.

Мы не утверждаем, что нам нужно только доимперское время, а позднее – нет. Но когда последний раз носили ту одежду, которая нам нужна? Ее носили тогда, когда в обществе были сильны горизонтальные отношения. Когда была мобилизационная система, действовали другие, «вертикальные» архетипы: ты работаешь для страны, для народа, продукт твоего труда отчуждается, нужны жертвы.

В шарашках люди сидели и работали, как сейчас не работают – на страну, на оборону, и дело было не только в угрозе физического воздействия. Этот мобилизационный комплекс присущ имперскому периоду, хотя имперский период не сводится только к нему. Твои дела, например, как ты торгуешь с соседом, – это неважно для государства, вторично. А в доимперском периоде это было не так. «Вертикальных» отношений было не так много и цена их была не так велика. Это была немобилизационная система, и многие вопросы решались горизонтальным способом.

Надо просто произвести ревизию и равноположить – сегодняшние потребности и эти латентные архетипы. Поучение Мономаха, например, – его актуализировать нетрудно, эта вещь понимаема, ее можно перевести на русский, можно транслировать через систему авторитетов... А у нас в институте, например, рабочая книга экономиста – это Словарь Даля.

Культурный хозяйственный оборот

Иными словами, в доимперском периоде нам необходимо найти и актуализировать социальные концепты и архетипы, не связанные с «государством», наоборот, описывающие уклад жизни вне государства, внесударственную мораль... Но доимперская социальная и экономическая практика все-таки базировалась на патерналистской модели?

Я думаю, что патернализма тогда было очень мало. Я часто задаю вопрос: как вы думаете, пришла бы кому-нибудь мысль в голову поддерживать город, через который перестали ходить торговые караваны? Хозяйственная деятельность использовалась для

отнимания ресурсов в пользу государства, ее не субсидировали государством.

Поймите меня правильно. Я не хочу сказать, что надо взять ту систему и перенести ее в наше время. Мы собираем постройку из традиционных деталей, но мы собираем современную постройку. Нам нужна хозяйственная деятельность, которая идет вне государства, и соответственно нужны архетипы, которые бы поддерживали эту деятельность. Люди должны работать, они не должны воровать у хозяина, должно что-то значить честное купеческое. Ведь в семейной жизни это есть, какие-то базовые принципы. А в предпринимательской...

Да вообще, что такое «предприниматель», слово такое используется? Это тот, который что-то предпринимает, и потребовать от него ничего нельзя – язык это зафиксировал. Матери можно сказать: «ты должна ухаживать за ребенком», президенту можно сказать: «ты должен заботиться о стране», купец должен честно торговать, заводчик должен энергично вести дело. А кому что должен предприниматель? Никому, ничего. Вот и пребывают они в качествах Шуры Балаганова и Паниковского, в лучшем случае – Остапа Бендера. – Нам нужен культурный хозяйственный оборот.

Но нам не только это нужно, нам нужна перпендикулярная вещь – судебная система.

Князь

Это очень важно... Мне кажется, что полное отсутствие суда как действующей институции, это связано с отсутствием реального, укорененного концепта частной собственности. У нас была социалистическая законность, суд защищал социалистическое государство. Что может защищать суд в отсутствие такового? Он может защищать только безусловные, базовые институты, внегосударственные, но лежащие в основе социального договора... И это, конечно, – частная собственность...

Я так скажу: хорошо бы, если бы это было так. Если бы все проблемы суда ограничивались неблагоприятным советским наследством, все было бы не так трагично. Возьмем пословицы Даля, там про жену – половина положительных, половина отрицательных пословиц, про царя – все положительные, а про судью – все отрицательные. Значит, мы столкнулись с очень глубокой проблемой. Вот некоторые наброски ее решения. Фигурой, которая может беспристрастно разбирать конфликты, в русской культуре является не судья, а князь. Кстати, отсюда следуют существенные выводы для всего государственного устройства...

Президент, губернаторы, «равноудаленность от олигархов»? Президент – это в одной из своих ипостасей – Великий князь, а вот губернаторы – это другое. Князь – это человек с высоким личным авторитетом, но это не боярский авторитет, а нечто иное. На Западе есть такие люди, которые мигрируют по разным местам: вот он замначальника

Комитета штабов в армии, потом он вышел в отставку и занял пост председателя наблюдательного совета одной корпорации, потом перешел в другую. Спрашивается, за что его держат? Дело в том, что это человек, функциональное положение которого состоит в том, что у него все должно быть чисто. Если он где-то во что-то вляпается, карьера его кончится. Его функция – хранить чистоту мундира, оставаясь на разборках. Так вот князь – это человек такого положения. И у нас такие люди есть, их можно себе представить...

Верните тюрьмы народу

Мне кажется, вопреки распространенному мнению, что гайдаровская либерализация цен была одним из самых эффективных реформаторских движений именно в силу того, что это было простое, необратимое действие, заставившее общество необходимо меняться, вызвавшее настоящую социальную динамику... В то время как при сложном планировании реформы – ничего не выходит, она гасится социальной, аппаратной инерцией... А нельзя ли придумать еще какие-нибудь точки такого необратимого изменения? В свете тех задач, о которых мы сегодня говорим...

Конечно, можно. Ошибка Гайдара в том, что его группа предприняла не шоковую терапию, а частичную хирургию. Они не удалили полностью тот орган, из-за которого делали операцию.

Конечно, нужно и можно действовать дальше. Вот, например, Валерий Абрамкин, замечательный правозащитник и великий знаток нашей уголовной системы, системы наказаний, говорит, что мы не сможем решить наши проблемы, пока не вернем тюрьмы народу. Вот, есть город, и люди там будут знать, что за содержащегося в заключении им придется платить, а когда он вернется, то на ту же самую улицу. И все это будут иметь это в виду, когда соберутся сажать мальчишку из-за каких-то ворованных хомячков...

То есть – это те же механизмы, рыночные. Хочется мазать забор кисточкой, как тебе вздумается, но рыночный механизм не позволяет, кричит: мажь «тщательнее». Так и тут. И тут механизм заставляет работать «тщательнее», потому что все возвращается народу. Сейчас народ кричит: сажай больше! кидай дальше! У нас рекордное количество заключенных, и конца и краю этому процессу не видно. Эффективность этой посадки не известна, все знают, что милиция выполняет плановые показатели, как раньше выполняли план по пошиву рубашек, но – не тех, которые нужны.

Вернуть тюрьмы народу, это значит – включить механизм саморегулирования. Вот есть город, он сажает, поддерживает правопорядок, и никаких дотаций в принципе быть не может. Если вы эту яму не заложите, то вы с ней будете жить 300 лет, никто ее не заложит! Есть хорошее выражение «за круговой порукой». Город находится за круговой порукой. Это тоже либерализация.

Экзотермическая реформа

Что такое хозяйственная либерализация? Это возвращение оценки результатов труда прямо непосредственно работнику или руководителю производства. Вот раньше он производил, все это куда-то шло, теперь все очень просто: что сделал, то и получил. Раньше можно было писать в газету, а теперь не о чем писать. То же и в отношении местного устройства. Теперь не Москва отвечает за то, что у вас хулиганы на улицах, а вы сами отвечаете.

У всякого либерализационного процесса есть замечательное свойство – он работает на собственном ходу. Есть понятия экзотермических и эндотермических реакций. Экзотермическая реакция протекает с выделением тепла, а при эндотермической надо подводить тепло. Так же есть экзотермические государственные преобразования, когда милиционер нужен, чтоб народ быстро не хлынул откликаться на эту реформу, а при эндотермических милиционер нужен, чтоб заставить эту реформу осуществлять.

Это – то, о чем вы говорите: есть ли экзотермические реформы? Да, есть, и они протекают с большим выделением народной энергии.

Ну – вернуть тюрьмы народу, а еще что можно придумать?

Ну... (пауза) Лишить народ льгот.

Ему это поможет?

Конечно. Конечно, поможет.

Православие, вышколенность, укорененность

Я только хочу сказать, что этого одного, этих либерализационных реформ недостаточно. Нужно еще отстраивать стереотипы поведения, по крайней мере – государственных, властных институтов.

Ну, это уже скорее эндотермический процесс...

Да, хотя вы можете его сделать относительно дешевым, если использовать архетипы, устои. Посмотрим, как всякое государство обращается со своей армией. Ведь совершенно бессмысленно идти и жертвовать своей жизнью, для этого нужна культурная мотивация... Всякую государственную службу (в том числе и судебную) нельзя сделать на самоинтересе. Самоинтерес в том, чтобы воровать, не участвовать, а нам нужна культурная вышколенность, выпестованность.

В чем разница между эпохой Ельцина и следующей? При Ельцине реформаторы сказали, что можно построить общество на собственном интересе: регионам дать самостоятельности, сколько они хотят, прокурор действует из собственного интереса, таможня действу-

ет из собственного интереса. В этом мы достигли определенного предела, у нас и работают, и воруют на собственном интересе, решения в суде на собственном интересе...

Ну, это примерно то же, что Путин подразумевает, говоря о «восстановлении моральных ценностей»?

За это сейчас схватились: собственные интересы не прошли, а что кроме них? – вот, моральные ценности. Мне кажется, что это мелко. Потому что моральные ценности должны откуда-то браться. А сейчас у народа моральные ценности такие: я ворую, но сосед тоже ворует, значит, все нормально. На таких моральных ценностях мы далеко не уедем. Требуется не то, что в книжках написано, не то, что соседи думают, а требуются на самом деле растения, которые должны вырастать из глубоких корней. Чтобы их не так легко было выколоть, требуются два источника: укорененность – то, что укоренено, имеет гораздо больший вес, но этого недостаточно. Второй источник – роль православия как поставщика всенародных нравственных норм должна резко возрасти.

Мы сами себе организовали общество вседозволенности. Я не буду входить в нравственные вопросы, которые вне сферы, которой я занимаюсь, но при таком положении мы никуда не выберемся. Я уж не говорю о власти, я говорю только о чисто хозяйственной составляющей, хотя, конечно, это касается не только хозяйства, а всех сфер... Я думаю, что это единственный выход и государственный корабль на это возьмет курс, но хочу сразу сказать, что это не вопрос взаимодействия православия с другими религиями, а на самом деле вопрос взаимодействия религий с атеизмом и анормией. Реальное противодействие будет не со стороны мусульман, иудеев, а со стороны очень значительной части общества, которая хочет жить по тем нравственным нормам, которые находит удобными, в том числе творческая элита, например... Те нормы, которые сейчас существуют, они годны только для того, чтобы мы прозябали так, как мы прозябаем сейчас.

Логическая цепочка

Но то, о чем вы говорите, иные социальные и моральные стереотипы, откуда оно может прийти? Для того, чтобы это появилось, необходим какой-то источник, какой-то культурный, социальный слой, который способен принести это с собой. Русская Православная Церковь занята массой других важных дел. Ей, по моему, недосуг. Путинские «моральные ценности» – я стараюсь внимательно следить за его риторикой – это достаточно аккуратно органично выраженная, весьма популярная, как видим, но, по сути, – ностальгическая советская этика (в сущности – мобилизационная)... Где и как может формироваться новый понятийный общественный механизм?

Сначала я объясню, каким способом я об этом думаю. Приведу пример – ваучерная приватизация, я ее придумал в начале 80-х годов. Почему я ее придумал? Просто

я работал в Госплане и знал пределы административной экономики. Значит, придется начинать рыночные реформы.

Никакой хозрасчет с правом, без права аренды – это все ерунда. Ясно, что рыночная экономика – это частная собственность и приватизация. Приватизация в условиях общенародной собственности? Далее простой мыслительный опыт, несложная математическая задачка, которая ведет к этому выводу – к ваучеру. Мой коллега, Вячеслав Михайлович Широнин, он говорил: я не представляю только, как деревенская бабка пойдет за этим ваучером. Но я все равно оставался в уверенности, потому что – вы попробуйте эту цепочку логическую сотрясти в каком-нибудь пункте... Я не могу сказать, как она пойдет с этим ваучером, но я могу сказать, что ей скорей всего придется пойти...

Здесь примерно то же рассуждение. В начале разговора я строил такую цепочку логическую: власти, как автомобилю, чтобы двигаться, нужен бензин. Я попробовал определить, не где она его будет искать, а где сможет найти. Если в логической цепочке ошибка, значит, я ошибся как ученый, а если она правильная, значит придется потыркаться, сбегать в одно место, сбегать в другое.

Например, вот Путин сейчас отчасти восстанавливает государство в том мобилизационном значении, в каком оно существовало. Чечня сыграла роль, и не только, может быть, Чечня. Но за это государству же надо платить!.. А с этим возникнут сложности. Ну, хорошо, сейчас цены на энергоносители достаточно высокие, а потом?

Государствование, хозяйствование, налоги

Ваша статья – это часть большого проекта, что там еще будет, каково предполагается его дальнейшее развитие?

Мы сделали некоторое время тому назад такой проект, который называется «Палата образцов государствования и хозяйствования». Суть состояла как раз в том, что нам нужны образцы государствования и хозяйствования, которые в нашей культуре есть. Никто не сомневается в том, что русские умеют писать романы, нет проблемы с афишированием нашего оркестра за границей, но есть провальное крыло здания – это государствование и хозяйствование, и это можно проследить по бедности языка, которым описываются наши дела. Поэтому надо как-то возрождать.

Оказалось, что язык является очень эффективным инструментом, он хранит в себе культурные запасы не только в виде изречений, но и в виде связей, значений, хранит в себе очень мощную политическую и государственную информацию. Мы ищем вот эти латентные и нелатентные архетипы, модели поведения... Эта работа имеет сейчас чрезвычайно важное практическое значение.

Один пример проблемы, которая может быть решена новыми способами и не может

быть решена старыми. Это проблема налогов. Вопросы, с кого надо собирать, с кого не надо, и сколько – это проблема техническая, второстепенная. А первостепенна проблема – согласия страны в том, что налоги надо платить. Мы этот этап пропустили. Государство использует свои репрессивные возможности, чтобы ставить препятствия тем, кто налоги не платит, за счет этого только меньше собирает. Но прежде всего налоги – это вопрос достижения консенсуса.

И как же достичь налогового консенсуса с помощью Даля?

В нашей истории был соборный механизм. Я имею в виду Собор отнюдь не как историческую форму, а некий укорененный способ действия в обществе. Первичная идея в том, что не Путин должен платить зарплату и пенсии. Это Россия должна. На самом деле это не задача власти, сколько платить. Это хозяева и народ должны определить, сколько нужно платить и сколько кто должен получать. Они между собой должны схлестнуться и установить справедливый процент. Это же такой разговор на всю страну должен быть, как Первый съезд народных депутатов, чтобы у репродукторов все стояли и слушали. И он будет таким.

Одни будут говорить, что такие налоги невозможны, потому что они разоряют производство. А пенсионеры им будут отвечать – «мы что, должны помирять с голоду?» – «А у вас что, детей нет, чтобы накормить?» – «А вы почему все гоните в оффшоры?» и т.д. Из этой брани возникнет общее поле, в котором уже можно начать решать проблему.

А пока это не высказано, государство остается в сталинско-брежневских функциях. Оно берет на себя функции, которые не может выполнить: отчитываться перед пенсионерами и тащить из карманов деньги у тех, кто занимается бизнесом. На самом деле проблема в том, чтобы столкнуть их лбами. Но сила этой штуки должна быть такая, чтобы после этого уже невозможно было сказать: «Я не платил налоги и не буду». Это первый шаг, а дальше есть техника, которая позволяет, обсудив этот вопрос в эмоциональном ключе, заняться выяснением деталей. Но должны быть задействованы и вырасти авторитеты этого дела, как, например, прежде «межрегиональная группа».

Вместо того, чтобы бороться за собираемость и распределяемость, заниматься нужно совершенно другой деятельностью. Я говорил уже: там, где у нас идет борьба – с чем угодно: с преступностью, еще с чем-то, там – дело проиграно. Если МВД ведет борьбу с преступностью, это означает, что МВД не должно быть вообще.

Да, налоги – это ключевая проблема. О какой актуализации нравственных архетипов можно говорить, пока вся страна вынуждена скрывать свои доходы и собственность?

Конечно. И в этом все похоже на конец брежневской эпохи: все знают, что все неправда, что деградация, но продолжают в этом существовать, пока не грянет очередная перестройка.

Злоба дня

Юрий Левада.

Социально-политическая ситуация в России в августе 2001 г. по данным опросов общественного мнения

Основные результаты

- Высокое доверие населения к президенту Путину связано скорее с надеждами, чем с реальными достижениями
- «Олигархи» по-прежнему представляются опрошенным крупнейшей общественной силой
- Поддержка В.Путина в общественном мнении не снизится, если президент заключит соглашение с чеченскими сепаратистами
- В случае захвата заложников террористами самым важным является сохранение жизни людей
- Большинство населения России против переименования г. Волгограда в Сталинград

Общественные настроения

Регулярно отслеживаемый ВЦИОМ индекс общественных настроений строится по ряду показателей опросов, относящихся к положению семьи, положению страны, ожиданий на будущее и текущих настроений (опрашивается 2400. чел по всероссийской выборке раз в два месяца).

2001 год

	январь	март	май	июль
семья	129	126	134	138
Россия	92	95	98	105
ожидания	100	93	95	101
настроения	110	108	117	115
индекс	110	106	111	115

Как видим, практически все показатели общественных настроений летом 2001 г. заметно выросли – как по сравнению с летом 2000 г., так и по сравнению с предыдущими месяцами. Это связано с определенным ростом зарплат и пенсий, а также с более регулярными выплатами.

В августе 67% опрошенных отметили, что их семья «уже приспособилась» к произошедшим переменам или в ближайшее время приспособится к ним. Однако такое приспособление часто происходит при снижении уровня запросов. При оценке общих тенденций положения в стране 37% опрошенных (наибольший показатель за последние годы) отметили, что «дела идут в правильном направлении», однако все еще чаще (42%) высказывается мнение, что «события ведут нас «не туда», в тупик».

Основные претензии граждан к правительству в августе: не может справиться с ростом цен (отмечают 45% опрошенных), не заботится о социальной защите населения (29%), не может обеспечить людей работой (25%), недостаточно борется с преступностью (20%), не имеет продуманной программы выхода из кризиса (18%), не может обеспечить безопасность граждан (15%), продолжает войну в Чечне (13%). За последние месяцы заметных изменений в уровнях претензий к властям не наблюдается.

В августе 33% опрошенных полагали, что правительство России в ближайшее время сможет добиться изменения положения в стране к лучшему, 29% – что оно этого не сможет добиться.

В августе показатель «одобрения в целом» деятельности В.Путина на посту президента достиг 74%. Но деятельность правительства, а также представителей президента в округах по-прежнему оценивается скорее отрицательно.

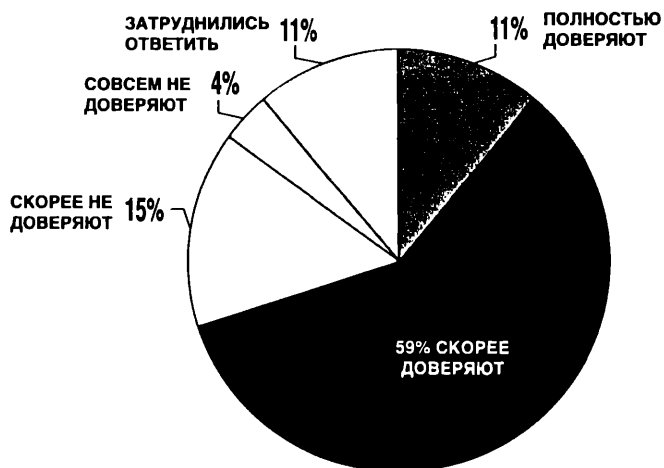
Одобрение деятельности	январь	март	июнь	июль	август
В. ПУТИН	76	75	72	72	74
М. КАСЬЯНОВ	47	49	49	48	47
ПРАВИТЕЛЬСТВО	43	40	38	40	39
ГУБЕРНАТОРЫ	57	59	55	49	50
ПРЕДСТАВИТЕЛИ ПРЕЗИДЕНТА	30	32	33	32	30

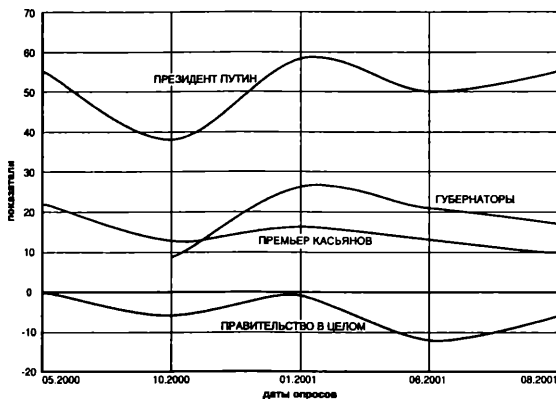
Для более полного представления об отношении населения к власти полезно сопоставить данные об уровнях одобрения и неодобрения различных деятелей и институтов. Приводимый ниже ИНДЕКС ОДОБРЕНИЯ получен путем вычитания (% одобряющих) – (% не одобряющих).

В какой мере доверяют Путину

(В % от числа опрошенных. Август 2001 г. Опрошено 1600 чел.)

Индексы одобрения деятельности (% одобряющих – % не одобряющих)

Из графика видно, что правительство и парламент, как и представители президента остаются в «зоне неодобрения».

В числе лиц, пользующихся наибольшим доверием, опрошенные чаще всего называют В. Путина (44%), Г. Зюганова (17%), С. Шойгу (14%), А. Тулеева (10%), М. Касьянова (9%) и В. Жириновского (8%).

Более пристального внимания заслуживают оценки населением президента В. Путина.

Эмоциональные оценки В. Путина в глазах населения находят отражение в следующих показателях.

Какими словами Вы могли бы обозначить свое отношение к В. Путину?

	Июнь 2000	Май 2001	Июль 2001
восхищение	3	3	1
симпатия	28	30	29
не могу сказать о нем ничего плохого	35	37	37
нейтральное, безразличное	8	12	14
настороженное, выжидательное	18	11	10
не могу сказать о нем ничего хорошего	3	4	4
антипатия	1	2	2
затрудняюсь ответить	3	1	4

Как видим, интенсивно-положительные эмоции президент вызывает примерно у 30%, сдержанно-позитивные у 37%, нейтральные у 24%, негативные – у 4–6%. Сдвиги в оценках незначительны, все они направлены в одну сторону – более спокойного и сдержанного отношения к президенту. Эта тенденция прослеживается несколько более отчетливо, если использовать также данные о степени доверия к В.Путину.

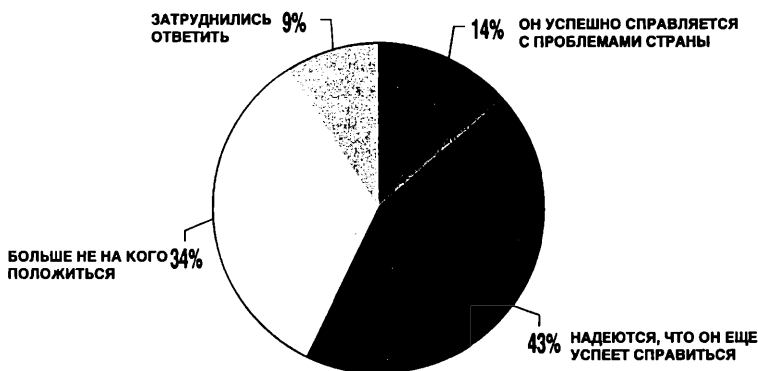
В какой мере Вы доверяете В. Путину?

	Июнь 2000	Июнь 2001	Август 2000
полностью доверяю	16	14	1
скорее доверяю	55	56	59
скорее не доверяю	17	19	15
совершенно не доверяю	3	4	4
затруднились ответить	10	6	11

За год с небольшим заметно уменьшилась доля безоговорочно доверяющих президенту, соответственно возросло число «скорее доверяющих». Напомним, что, согласно данным предыдущего опроса (июль 2001 г.), основной причиной массового доверия к Путину респонденты считают не столько реальные успехи, сколько то, что президент сумеет справиться с проблемами страны.

Последнее исследование показывает один из механизмов («секретов») сохранения массового доверия к президенту на высоком уровне: заведомо пристрастная трактовка наблюдаемых (или предполагаемых) действий. По мнению 56% опрошенных в августе, «основная заслуга» в повышении зарплат и других выплат принадлежит президенту Путину, значительно реже (30%) упоминают правительство страны. В то же время ответственность за рост цен и стоимости жизни чаще всего (39%) возлагается на правительство, и реже (22%) – на президента. Так формируется представление о «хорошем» президенте и «плохом» правительстве, которое отражается в приводимых выше рейтингах одобрения.

Почему люди доверяют Путину

Мера влияния

В ходе августовского опроса респондентам было предложено оценить, какую роль играют сейчас в жизни России различные силы. Варианты ответов располагались по шкале от «очень большого» влияния до «никакого», средние показатели (баллы) оказались такими:

	Январь 2000	Август 2000	Август 2001
ПРЕЗИДЕНТ РОССИИ	3.90	3.63	4.01
ОЛИГАРХИ, БАНКИРЫ И ФИНАНСИСТЫ	3.79	4.07	3.78
ГАЗЕТЫ, РАДИО И ТЕЛЕВИДЕНИЕ	3.52	3.62	3.51
ПРАВИТЕЛЬСТВО РОССИИ	3.53	3.03	3.48
ГУБЕРНАТОРЫ	3.42	3.33	3.33
ВООРУЖЕННЫЕ СИЛЫ	3.28	3.41	3.31
ДИРЕКТОРА КРУПНЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ	3.35	3.53	3.25
СОВЕТ ФЕДЕРАЦИИ	2.99	2.48	2.98
ЦЕРКОВЬ	2.91	2.71	2.82
ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА РОССИИ	2.81	2.47	2.79
ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ	2.69	2.42	2.58
ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ	2.52	2.29	2.34
ПРОФСОЮЗЫ	1.95	1.85	1.81

Некоторые позиции полученного списка заслуживают особого внимания. В «зоне» относительно низкого влияния оказались профсоюзы, интеллигенция, партии, Дума, церковь. Влияние СМИ в глазах населения выше, чем влияние правительства и вооруженных сил.

Наиболее примечательно, пожалуй, что «олигархи» оказываются на второй позиции, незначительно уступая только президенту. Начатое примерно полтора года назад «наступление» власти на олигархов привело к незначительному уменьшению роли последних в жизни страны. Как видно из ответов на другой вопрос, только 12% опрошенных полагают, что власть контролирует деятельность олигархов, в то время как подавляющее большинство, 69% уверены, что олигархи «нанимают власть для решения собственных проблем».

Партии и выборы

П артийные симпатии населения довольно стабильны. В августе симпатии к коммунистам отметили 21% опрошенных, к демократам – 12%, к «патриотам» – 3%, к «партии власти» – 7%, к другим силам – 3%; большинство, 53% не имеет выраженных симпатий к каким-либо политическим направлениям или затрудняется ответить.

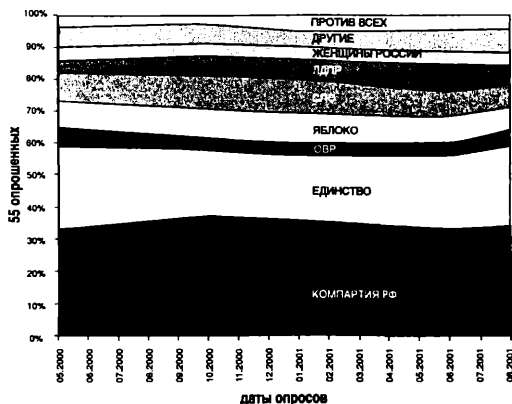
Треть опрошенных (34%) полагает, что в России должна существовать «одна сильная правящая партия». Образ партийной жизни советских времен, таким образом, остается привлекательным не только для сторонников коммунистов. 41% высказывается за существование двух-трех «больших партий», только 4% – в пользу многих относительно небольших партий, а по мнению 9% «политические партии нам вообще не нужны».

Если бы в ближайшее время состоялись выборы в Госдуму, партийные списки получили бы такую поддержку (в %% от собирающихся участвовать в голосовании и определившихся со своим выбором):

	январь	июнь	июль	август
КПРФ	35	35	33	34
Единство	21	23	25	25
Яблоко	9	6	7	7
СПС	9	8	8	7
ЛДПР	6	8	6	6
Отечество	4	4	4	5
Женщины Р.	4	4	5	4
Другие	4	7	7	7
Против всех	5	5	5	5

Тенденции динамики (точнее, почти полного отсутствия таковой) партийной структуры электората наглядно представлены на следующем графике:

Динамика структуры электората
(от числа определившихся и собирающихся участвовать в выборах)

К настоящему времени шансы пройти в будущую Думу имеют те же партии, что и на выборах 1999 г. 2% может получить РНЕ, по 1% – РНРП (А. Лебедь), «Россия» (Г. Селезнев), объединенная с-д партия (М. Горбачев). О нежелании участвовать в выборах заявляют 15%, не знают, за кого голосовать, – 22%.

Ваучеры и приватизация

Осеню 1992 г. население России стало получать приватизационные чеки (ваучеры). 7% опрошенных на чеки приобрели акции своего предприятия, 10% – акции других предприятий, 16% – акции инвестиционных фондов. 36% продали ваучеры за наличные, 5% подарили их другим лицам, 9% ничего не смогли с ними сделать, оставив у себя. Остальные либо не получали ваучеров, либо не помнят, что с ними сделали.

Оценки населением ваучерной приватизации, в основном, резко негативны. Лишь 10% полагает, что «это был шаг к тому, чтобы люди стали собственниками», а 3% – что это была попытка «оказать людям материальную поддержку». Большинство (61%) видят в этой акции «показуху, которая ничего не изменила», 13% – средство для обогащения чиновников.

Только 5% опрошенных считают, что их семья выиграла от приватизации госсобственности, 68% – что они скорее проиграли от этого. Поэтому всего 12% готовы поддержать закрепление собственности за ее нынешними владельцами, «закрыв глаза» на способы ее приобретения, а 72% склоняются к тому, чтобы вскрыть беззакония, связанные с приватизацией, и вернуть государству собственность, приобретенную нечестно.

Чеченский узел

В августе доля сторонников продолжения военных действий в Чечне снизилась до наименьшего значения за весь период конфликта: только 30% опрошенных высказалось за военные действия, 59% – за мирные переговоры. Если федеральные силы будут по-прежнему нести крупные потери, военные акции поддержат лишь 22%, мирные переговоры предпочтут 66%.

Если бы президент Путин пошел на заключение мирного соглашения с чеченскими сепаратистами, 37% опрошенных улучшили бы свое мнение о президенте, 35% не изменили бы его, 25% стали бы думать о нем хуже. Таким образом, поддержка В. Путина в общественном мнении не уменьшилась бы в случае мирного соглашения.

Сообщениям российских СМИ из Чечни, как и раньше, население мало доверяет («вполне» или «скорее» доверяют 29%, «не слишком доверяют» или «совсем не доверяют» 66%).

Чувства «ненависти, мести» по отношению к чеченцам испытывают, по их словам, 43% населения России, однако большинство, 55% таких чувств не питает. Примерно так же рас-

пределяются мнения о том, является ли каждый чеченец потенциальным боевиком: 44% с этим согласны, 49% – не согласны. 75% боятся, что «чеченцы будут мстить России за жертвы и разрушения, причиненные действиями федеральных сил», только 19% не опасаются этого.

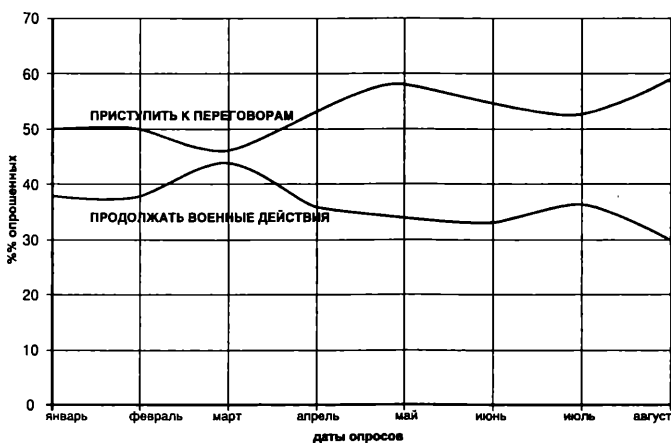
Но только 21% опрошенных считает, что Россия обязана возместить ущерб, нанесенный военными действиями хозяйству Чечни; 68% ссылаются на то, что большого внимания восстановлению чеченской экономики уделять не стоит, поскольку «у нас хватает своих проблем».

Вину за взрывы жилых домов в Москве и других городах в 1999 г. большинство (55%) возлагает на боевиков типа Басаева, 19% – на Хаттаба и ваххабитов, 6% на Масхадова. После недавних взрывов в Невинномыске и Астрахани 82% опрошенных опасаются, что они сами или их близкие могут стать жертвами теракта.

По всей видимости, подобные страхи побуждают значительную часть опрошенных поддерживать меры по изоляции Чечни от российских регионов. 44% одобрили бы создание «полноценной границы между Россией и Чечней», 37% за введение ограничений на передвижение жителей северокавказских республик по территории России, 33% поддержали бы «депортацию всех чеченцев из России в Чечню». Только 4% против подобных мер. Нетрудно заметить, что все перечисленные ограничения означали бы признание фактического отделения Чечни от России.

Недавний инцидент с захватом автобуса террористом в Ставропольском крае заставил многих людей вновь задуматься о приоритетах действий в подобных ситуациях. 58% полагают, что следует «любой ценой избежать крови, даже если для этого придется выполнять требования бандитов», 33% – что важнее «обезвредить преступников, даже если это приведет к человеческим жертвам».

Война или переговоры в Чечне

Более двух третей (72%) опрошенных согласны с тем, что Россия заинтересована в «особых отношениях» со славянскими странами. Чаще всего (по 37%) к таким странам причисляют Белоруссию и Украину, реже – Болгарию (13%), нынешнюю Югославию (10%), Польшу (9%), Чехию (6%). 25% считают, что России нужны особые отношения со всеми славянскими странами.

Только 27% при этом (против 68%) считает Белоруссию «за границей», Украину – 31% (против 65%). За событиями в этих странах «очень внимательно» следят по 4%, «довольно внимательно» – по 21–22%, по 48% – «без особого внимания», а по 24% совершенно за этим не следят.

Половина (50%) опрошенных думает, что для России победа А. Лукашенко на предстоящих президентских выборах в Белоруссии предпочтительней, чем победа оппозиционного кандидата.

В связи с судебным процессом против С. Милошевича в Гааге 17% считает, что эта акция предпринята для того, чтобы наказать военного преступника, а 36% – чтобы унижить Югославию.

Лишь 11% опрошенных полагают, что ввод в Македонию военных сил стран НАТО будет способствовать мирному решению конфликта между славянами и албанцами, 41% – что это скорее приведет к обострению конфликта, а 20% – что эта акция не будет иметь большого значения.

Волгоград – Сталинград?

Предложение волгоградского губернатора Максюты, поддержанное лидером КПРФ Г. Зюгановым, о переименовании г. Волгограда в Сталинград поддержано только 22% российского населения; 55% высказались против такого переименования, 23% воздержались.

Представляет интерес сопоставление мнений людей различного возраста, образовательного уровня, политических ориентаций.

Самые молодые (18–24 г.) – 13% «за» и 55% «против», в возрасте 25–39 л. – 9:60, 40–54 г. – 20:64, 55 л. и старше – 39: 41.

Высшее образование – 15:66, среднее – 15:59, ниже среднего – 33:44.

Одобряющие деятельность В.Путина – 22:55, не одобряющие – 21:51.

Избиратели КПРФ (на будущих выборах) – 42:33, «Единства» – 15:70, «Отечества» – 22:67, СПС – 7:69, «Яблока» – 17:75, ЛДПР – 14:48.

Таким образом, только избиратели КПРФ, да и то далеко не единодушно, склонны поддержать предложенное переименование города.

Миша Фишман. Дедовщина под вопросом

Есть шанс, что скоро срок обязательной службы в армии сократится до полугода

Ситуация вокруг военной реформы, которая в последнее время стала предметом острых межведомственных переговоров, меняется постоянно. На 26 октября было намечено совещание у премьера Касьянова с участием предложивших реформу правых лидеров Бориса Немцова, Егора Гайдара и Эдуарда Воробьева. 18 октября собеседник «Полит.Ру» в правительстве не исключил, что совещание пройдет в срок. Ближе к вечеру «Полит.Ру» стало известно, что оно перенесено на начало ноября. От того, состоится совещание или нет, во многом зависит судьба реформы, которая могла бы стать едва ли не главным успехом президентства Владимира Путина. Ее авторы предлагают снизить срок обязательной службы по призыву до 6–8 месяцев и сократить на треть рядовой контингент и младшее командование – с 600 до 400 тысяч человек.

Реформа, разработанная в гайдаровском Институте экономики переходного периода (ИЭПП), отвечает на критику идеи Григория Явлинского, который полтора года назад выступил за полностью профессиональную армию. Идея была раскритикована с двух сторон: кроме финансовых сложностей военные указали на проблему мобилизационного резерва. При таком подходе количество отслуживших годных резервистов стремительно тает. ИЭПП ответил компромиссом, предложив сократить обязательный срок службы. Отслужив 6–8 месяцев (в зависимости от специальности), уже обученный солдат либо переходит по конкурсу в контрактники, либо становится боеспособным резервистом. Рядовому профессионалу предлагается оклад в 3.5 тысячи рублей в дополнение к принятому содержанию (на первом году контрактной службы – 2.5 тысячи). Потенциальные призывники, опрошенные ВЦИОМ по заказу ИЭПП, считают эту сумму достаточной. Минимальный срок контрактной службы должен составить три года. Для контрактников предусмотрены льготы, а студентам предлагается дать возможность разбить обязательные полгода службы на два периода по три месяца либо даже сочетать три месяца службы со спортивными курсами в РОСТО (аналог ДОСААФ). 6–8 месяцев – это кардинальная реформа. Это масштабный удар по дедовщине. В ИЭПП считают, что предложенного срока будет достаточно для полноценного обучения при условии переоснащения учебных центров. Переоснащение заложено в бюджет реформы.

Авторы признают, что реформа потребует больше средств, чем федеральный бюджет выделяет сегодня на содержание личного состава. О каких в точности деньгах идет речь, «Полит.Ру» пока выяснить не удалось. Однако рассчитанный рост расходов, по утверждению ИЭПП, соответствует прогнозу увеличения национального ВВП и федерального бюджета. То есть доля этих военных расходов в следующих бюджете-

тах должна остаться прежней. Разработаны два варианта реализации реформы. Первый предполагает полный отказ от весеннего призыва 2002 года, с тем чтобы сократить срок обязательной службы уже со следующей осени. Второй вариант откладывает начало реформы на год. По замыслу, солдаты, которых реформа застанет в армии и которые будут вынуждены служить по старой схеме, по итогам службы получают компенсации, равные двухлетним ставкам контрактников, то есть около тысячи долларов каждый. В такой социально-психологической амортизации авторы видят прямую необходимость.

Отношение президента Путина к плану, который был вручен ему в июле лидером СПС Немцовым, неизвестно. По некоторым данным, президент позвонил Егору Гайдару и рекомендовал посоветоваться с силовиками. Но сам пока занимает аккуратную позицию и мягко обходит тему в публичных выступлениях. На важном совещании в Минобороны 17 октября Владимир Путин упрекнул министра Сергея Иванова в том, что «не все цели военной реформы достигнуты и дело здесь не только в деньгах». Однако под военной реформой может пониматься разное. По сведениям «Полит.Ру», Минобороны, неожиданно потребовавшее новых бюджетных дотаций, выступило решительно против описанной реформы, вместе с МВД и организационно-мобилизационным управлением Генштаба. Последнее в лице замглавы Генштаба Владислава Путилина обрушилось на план ИЭПП через ведомственную «Красную Звезду», в знакомой, хотя и несколько устаревшей манере помянув приватизацию и «шоковую терапию» начала 90-х. Реакционная альтернатива от Путилина вообще не имеет четких сроков: приступить к «постепенному наращиванию» числа контрактников предлагается в 2008 году, а границы завершающего этапа определить «по итогам проделанной работы». Одновременно план Немцова–Гайдара нашел поддержку у гражданского крыла Администрации, в Совете безопасности и у руководства правительства, что и предопределило этап непубличных битв.

По словам собеседника «Полит.Ру» в правительстве, пока не ясны ни полный состав участников совещания у премьера, ни возможные форматы решений этого совещания. Однако важным представляется сам факт заседания, и потому уже намеченная коррекция сроков не может не настораживать, нагнетая остроту момента.

Сергей Вицин.

Идея социалистического права, что суд должен установить объективную истину, – это демагогический бред

Сергей Ефимович Вицин – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист России, генерал МВД. Принимал активное участие в разработке Концепции судебной реформы 1992 года и возглавлял Совет при Президенте РФ по судебной реформе. Сегодняшняя должность – заместитель Председателя Совета при Президенте РФ по вопросам совершенствования правосудия. Член Комиссии по вопросам помилования при Президенте РФ

Главым новшеством УПК считается возможность отказа подсудимого на суде от данных во время предварительного следствия показаний. Но такая норма существует и в действующем УПК. В чем нововведение?

Это все-таки нововведение. Дело в том, что в уголовном процессе есть специальное правило, даже целый процессуальный институт, который называется «допустимость доказательств». Несмотря на такой специфический термин, его содержание вполне предметно. Речь идет о том, что есть данные, которые не могут быть признаны доказательствами. С точки зрения здравого смысла это может показаться странным, но с точки зрения специального подхода – это совершенно необходимый элемент любой системы судопроизводства. Так, никакое судопроизводство ни в одной стране не может полагаться на признания, полученные под пыткой. Это, конечно, крайняя ситуация, но в Конституции есть положение, которое именуется «свидетельский иммунитет». Вообще, в интересах правосудия человек обязан свидетельствовать при расследовании дела, но Конституция предусматривает, что супруга(супруг) или близкий родственник обвиняемого могут отказаться от дачи против него свидетельских показаний. На первый взгляд кажется, что в интересах дела можно получить эти данные, но существуют законные препятствия.

Точно так же во многих странах существует правило, основанное на том, что составительное уголовное судопроизводство обеспечивает обвиняемому право на защиту, и он может давать показания только в присутствии адвоката. В Америке есть правило «Миранды», названное по прецеденту в деле некоего Эрнесто Миранды, которому полиция не разъяснила, что он может не давать показания, а данные им показания могут быть использованы против него в суде. Нечто подобное этому правилу предполагается внести в новый УПК. Звучит это так: «Показания обвиняемого, данные на досудебных стадиях в отсутствие адвоката и не подтвержденные в суде, не могут считаться доказательством». Они исключаются из числа доказательств. Эта мера тоже кажется искусственной, но в тех нормах УПК, которые касаются суда присяжных, она уже есть. Судья, регулируя уголовный процесс, имеет право исключать определенные сведения из состава

доказательств. Он или не доводит их до присяжных заседателей, или говорит, что это доказательство вы не должны принимать во внимание, так как оно получено с нарушением процессуальных норм.

Процессуальная норма, кажущаяся ненужной формальностью, имеет в судебном производстве принципиальное значение. Если эта норма будет принята, то это будет очень важным шагом в продвижении нашего закона к общепринятым стандартам судопроизводства. У органов дознания, у милиции пропадет стимул выколачивать признания. До недавнего времени суд фактически был частью стороны обвинения. Суд засчитывал эти показания и таким образом оказывал давление на подсудимого.

То есть норма об отказе от показаний была, но суд мог эти доказательства учитывать?

Да, именно так.

В чем основные компромиссы, на которые пришлось пойти при обсуждении нового УПК?

Тут очень много вопросов, связанных с организационно-техническими проблемами. Например, по Конституции и по всем международным нормам осужденный человек имеет право на пересмотр его дела вышестоящим судом. Это очень важная норма, она, кстати, имеет очень большое значение с точки зрения противодействия коррупции. Это своего рода контроль над действиями судей. Норма о пересмотре дела вышестоящим судом формально существовала, но фактически ее не было. Вместо пересмотра дела по существу была так называемая кассация, то есть пересмотр дела по формальным признакам: не нарушены ли по делу нормы закона. При этом фактически дело не пересматривалось. Очень жаль, что, к сожалению, сложившаяся судебная система не может обеспечить апелляционного пересмотра дел, поскольку для этого нужно менять всю судебную систему. Это связано с большими расходами. Потом у нас и традиции такой нет, что тоже существенно и важно.

Парадокс состоит в том, что апелляционные начала или пересмотр дела по существу все-таки предусмотрены нашим законом, но только по решению судей мировой юстиции. Получается явно парадоксальная ситуация: в мировых судах, где рассматриваются малозначительные дела, человек имеет право на апелляционный пересмотр дела, для него эта гарантия судопроизводства действует; те же, кто привлекается за тяжкие преступления, за которые и сроки наказания больше, не имеют права на пересмотр дела по существу. Им остается только кассация, которая рассматривает нарушение процедуры и к пересмотру дела по существу не ведет.

Предложенные в новый УПК изменения формы обжалования критикует и Верховный Суд...

Там речь идет о такой своеобразной форме обжалования, как надзорное произ-

водство. Вообще-то, таких надзорных процедур в мире нет. Раньше по сложившемуся порядку надзорное производство было сугубо формальным. Оно производится уже за рамками законченного уголовного дела. Приговор вынесен, наказание назначено, человек его отбывает, причем уже несколько лет, а так называемое надзорное производство может начаться.

Поскольку апелляцияльного производства не было, то люди, не удовлетворившись кассацией, продолжали обжаловать приговор в надзорном порядке. И это стало обычной практикой. Это естественно: если дела не решаются в одной форме судопроизводства, то весь массив дел перетекает в иную сторону, в данном случае, в надзорное производство. Поскольку этих дел было очень много, то с 1954 года ввели надзорное производство даже на уровне областных и приравненных к ним судов. Создали президиумы областных судов и Верховных судов автономных республик. Там эти дела рассматривались. Но это не исключало того, что, если человек не был удовлетворен решением суда, эти дела направлялись в Верховный Суд. Таким образом, на Верховный Суд идет целый вал дел в рамках надзорного производства. Их там десятки тысяч, и по ним принимает решение не судья, а так называемый консультант. Что с точки зрения идеи судопроизводства совершенно недопустимо: человек обращается в суд, и получает ответ не от судьбы, а от консультанта. Конечно, Верховный Суд сейчас обеспокоен тем, что эту массу дел придется рассматривать судьям.

По старому УПК вносить протест на вступивший в законную силу приговор могли прокуратура и председатели Верховных судов республик и областных судов. Но эта процедура совершенно нелогичная, даже нелепая, потому что не может судебная инстанция опротестовывать приговор своих коллег. В новом УПК право на протест остается только за прокурорами и, естественно, осужденными. Это соответствует принципам состязательности правосудия. Но дело в другом. У нас Верховный Суд и так состоит из 115 судей, в то время как в Соединенных Штатах – стране с населением вдвое большим, чем у нас – в Верховном Суде 9 человек. Это возможно потому, что рассмотрение дел заканчивается на уровне Штатов. Там Верховный Суд, который на самом деле имеет еще полномочия Конституционного суда, действительно соответствует своему названию. Мне уже давно приходится убеждать всех, что совершенствовать уголовный процесс, не перестраивая радикально и рационально систему судостроительства, невозможно. Если мы хотим улучшить правила функционирования системы, то следует изменить ее структуру.

Я неоднократно говорил, что должна быть введена система судебных округов, которая не должна повторять структуру административного деления страны. В России так и было. Московский окружной суд включал в свою юрисдикцию до 7 губерний. При принятии такой системы до Верховного Суда дела просто не доходили бы. И он стал бы тем, чем он должен быть. Но, видимо, надо признать, что мы пока к этому не готовы со многих точек зрения. В том числе и с точки зрения сложившихся представлений.

Серьезная дискуссия возникла вокруг вопроса о возможности пересмотра приговора в сторону ужесточения наказания. Насколько оправдана возможность таким образом пересматривать приговор?

Это абсолютно недопустимо. Здесь, конечно, можно исходить из формального подхода – если действует принцип состязательности, то обжаловать приговор могут обе стороны. Но в России в судах присяжных не было обжалования или отмены приговора, если суд признал человека невиновным. Этот вопрос касается того, что мы называем презумпцией невиновности. Если признали человека невиновным, то все. Если вам будут говорить: «Но если там выясняется что-то новое», – не поддавайтесь этой аргументации. Если открываются новые обстоятельства, то есть специальные процедуры возобновления дела «по вновь открывшимся обстоятельствам». Но если в рамках того обвинения, которое уже было, суд вынес решение об оправдании, человек признан невиновным окончательно.

Кстати, в новом УПК нет и формулировки, которая есть в статье 208 части 2 действующего УПК, где содержится положение об оправдании вследствие недостаточности улик. Этот институт сродни тому, что было в России до реформы 1864 года, когда человека могли оставить под подозрением. Ныне так невозможно: суд должен сказать, виноват человек или не виноват. Если доказательств нет, значит – не виноват. Тогда рушатся демагогические построения так называемого «социалистического права», когда считалось, что суд должен установить истину (объективную, материальную, реальную) – это демагогический бред. Если суд не находит доказательства достаточными, то присяжные выносят вердикт, или простой суд – приговор, что человек не виновен. Оставлять человека под подозрением нельзя.

Насколько, на ваш взгляд, обоснованы претензии Верховного Суда к порядку отстранения судей?

Я думаю, что они, конечно, обоснованы. Надо все-таки признать, что есть некоторая поспешность в изменении порядка привлечения судей к уголовной ответственности. Причем, на первых порах группа Козака предлагала совсем странные вещи. К примеру, возможность отстранять судью по факту возбуждения уголовного дела против его родственников. Это вообще нелепость: мы помним, как Виктор Иванович Илюхин возбуждал уголовное дело против Горбачева, а возбужденные уголовные дела против Илюшенко и Скуратова прекращены. Мы видим, что возбуждение уголовного дела – это легко доступный инструмент для дискредитации человека. Ставить судью в зависимость от этого, конечно, нельзя. Мне представляется несомненным, что судья должен быть защищен более надежно, так как это было предусмотрено законом о статусе судей 1992 года. Надо идти по другому пути. Достаточно совершенствовать структуру и механизм функционирования квалификационных коллегий судей, чтобы они не действовали как корпоративные образования, всегда или почти всегда стоящие на стороне своих коллег, что бы они ни совершили. Я уже об этом не раз говорил.

Еще одним нововведением в УПК является процедура сделки с правосудием. Говорят, что для России она не годится?

Почему не годится? Это проверено в целом ряде судебных систем. Сделка с правосудием – это вполне понятный и рациональный путь. Зачем громоздить судебную процедуру, если все достаточно ясно. Причем, тут надо иметь в виду еще одно обстоятельство. Ревнителю принципов «социалистического правосудия» говорят, что нужны гарантии и что при сделке могут воздействовать на потерпевшего, чтобы он согласился примириться, или воздействовать на обвиняемого. Но все дело в том, что сделка возможна только тогда, когда все участники с ней согласны. Должна быть просьба подсудимого, согласие сторон, и, наконец, сделка разрешается по усмотрению суда. Если суд хоть на грамм усомнится в том, что в сделке все чисто, то он может отказать и вести дело по обычной процедуре.

Но не надо забывать, что 4/5 всех дел – это не сложные кошмарные дела, а тривиальнейшее хулиганство – кража, мелкий грабеж, когда алкоголики друг у друга что-то отобрали. И нет необходимости запускать машину юстиции на полную мощь. Если же мы будем ориентироваться на развитие апелляционных начал, то появляется возможность пересмотра дела по существу, если после сделки потерпевшая сторона не будет удовлетворена. Здесь важно еще одно нововведение, связанное с расширением возможностей примирительного производства, когда подсудимый и потерпевший заключают мировую. Чаще всего потерпевшему, особенно при краже (а у нас за них осуждается до 400 тысяч человек), не интересно, чтобы преступник сидел, он ищет возмещения ущерба! И если такое возмещение последовало, к чему вся долгая процедура?

В чем смысл положения, которое не разрешает обжаловать приговор по сделке в сторону его утяжеления?

На мой взгляд, вполне логично, что раз уж все согласились и состоялось такое решение, то какой смысл от него отказываться? Иначе это может обернуться последующим торгом.

Почему авторы УПК на это не пошли?

Все эти положения воспринимаются нашими специалистами как новые, как необычные для нашего судопроизводства, для нашей судебной системы. Я могу предположить, что возражения со стороны консерваторов следуют как раз из-за того, что ранее действующий процесс проверен длительной практикой, кодекс действует 40 лет, и поэтому они хотят исключения нововведений. Совсем уже неразумный вариант противодействия новому состоит в том, что нововведение это заимствовано на Западе. Если об этом пойдет речь, то нужно помнить, что фактически мы восстанавливаем ту систему судопроизводства, которая была в России с 1917 до 1920 года. Если объективно посмотреть на историю, то Россия была демократичным правовым государством

с хорошо развитой судебной системой, которую после Первой мировой войны заимствовали многие страны.

Насколько важно исключение создания Федеральной службы расследований из УПК?

Это исключение объясняют тем, что необходимо еще время. И в этом состоит позиция президента. В том, что эта служба должна быть и все-таки будет создана, никто не сомневается. Идея создания следственного комитета излагалась еще в Концепции судебной реформы 1991 года. Совершенно очевидно, что неправильно, когда следствие находится в полицейских службах. Кстати, когда шла реформа правоохранительных органов, то ФСК, преемница КГБ, была лишена следственных полномочий, но потом постепенно они туда вернулись. Когда создали налоговую полицию, ей дали функцию предварительного следствия, это вообще было невообразимо! Полиция никогда и нигде не должна иметь на это права. Конечно, хорошо, что эти идеи пошли дальше, и речь уже идет не только о следственном комитете, но и о Федеральной службе расследований. Это вполне оправданно. Я думаю, что в конце концов такая структура появится.

«Полит.Ру» представлял Евгений Натаров

Миша Фишман. Медбрат

Е.А.ИВ

*К своим эфирным победам Александр Любимов
добавил карманный «Медиасоюз»*

Естественным выражением тесных уз между Кремлем и многоликим гражданским обществом стал форум независимой прессы в Питере, более известный как презентация «Медиасоюза» – официальной профконторы под руководством видного телевизионного деятеля Александра Любимова, журналиста с достаточно крупным стажем работы в условиях демократии и свободы прессы, чтобы суметь привить свои навыки пестрому журналистскому сообществу. Оковы свободы и независимости, коими опутан г-н Любимов, с некоторых пор выполняющий функцию главного идеолога и непосредственного руководителя Первого общероссийского канала, весьма крепки: на днях (в связи с отставкой Третьякова) деятель даже признался союзному медиаресурсу «Страна.Ру», что не читает партийных газет, кроме газеты «Завтра», где его внимание приковано к остроумным анекдотам. Столь малая партийная ангажированность теледеятеля послужит, видимо, неплохой гарантией полной независимости возглавляемой им организации и подстрахует «Медиасоюз» от нежелательных альянсов с партийными структурами – кроме, может быть, национал-коммунистических клоунов, с которыми карманный профсоюз Любимова будет иногда устраивать веселые капустники.

Рождение независимого медиафорума через плоть руководства ОРТ, теснейшим образом связанного с государством и формально, и политически, и финансово, и как угодно, противоречит здравому смыслу, но соответствует логике борьбы за негосударственный сектор, когда приближенные к Кремлю политтехнологические группы справедливо усматривают в общегражданских комьюнити ценный рынок. И в итоге первая аудиенция у главы государства превращается в прикольный бенефис Спивакова–Леонова, поставленный Глебом Павловским. Любопытнее идеологические основания, на которых упокоится «Медиасоюз» под началом г-на Любимова, каждодневно увлажняющего информационные почвы первого канала как чутким политруководством, так и личной инъекцией.

Г-н Любимов, как и положено идеологу, редко сам светится в конкретных политических акциях, из которых запомнился, наверное, только его призыв к собравшимся у Моссовета в ночь на 4 октября 1993 года разойтись по домам, успокоиться и попить чайку. В последний раз неконформизм почетного взглядовца был проверен схожим предложением в адрес сочувствующих телекомпании НТВ, мятежные же ведущие в прямом эфире были приглашены на поруки в дружеский коллектив – то ли первого канала, то ли «Медиасоюза». Так в редких прямых выступлениях теледеятеля мысль о вредности

публичных демонстраций последовательно накладывается на представление о полезности аккуратного комсомольского патронажа.

Последний нашел свое лучшее выражение в программе «Взгляд» – точнее, в том, что из нее вышло, когда в ней остался один г-н Любимов, – в программе, посвященной доверительному диалогу и, несмотря на разные интерактивные фокусы, отчетливо напоминающей о временах советской риторики, когда социальная дружба, народное единение и работа с несознательными имитировались если и не так успешно, то не менее тщательно. Вместе с юным ведущим Бодровым-младшим (вам привет от Балабанова), г-н Любимов установил особый тип неполемического общения со зрителем, который распространил затем и на аудиторию своего личного эфира. Смысл его в том, что любая маргинальность лечится.

Такая взаимоприятная беседа построена на принципе априорного сочувствия аудитории тезисам ведущего, который выступает лишь как первый среди равных в кругу близких знакомых. Имманентное свойство телеэфира, предполагающего очень крупную аудиторию, откликается в этом случае особым эффектом и рождает иллюзию массовой солидарности предлагаемым декларациям: если этот парень в экране вот так просто говорит такое, значит не только оно правда, но и вся страна уже давно это понимает; а раз так – значит, точно правда. На самом деле непосредственное содержание риторики адресовано зрителю, зацикленному на национальных вопросах: эфир Любимова либо тупо посвящен тяжелому быту русского меньшинства и имеет своих героев вроде гражданки Захаровой и коммуниста Кононова, либо – западной агрессии в отношении российских национальных ценностей в любом более широком смысле. Никакой зауми, минимум метафор: эфир Любимова – это простой эфир.

Но любимовский прайм-тайм – это не просто филиал думского комитета по международным делам под водительством боевого ортодокса Rogozina. Скорее наоборот: антизападная идеологическая экспансия есть лишь способ мобилизации якобы не маргинальных социальных сил, которым предлагается затем поддержать все начинания телеруководства – от выборных кампаний до того же «Медиасоюза». Это тонкий и циничный психологический шантаж из арсенала советской пропаганды: сама апелляция к большинству предполагает насильственную маргинализацию в случае отказа и последующее принудительное лечение. Тем, что президент Путин однажды проделал с гимном, г-н Любимов занят каждый вечер. Спокойно, с профессиональной нежностью похлопывая ягодицу, чтобы было совсем не больно.

Практическая цель «Медиасоюза» понятна: создать плотную вертикаль лояльной прессы, не столько прямо зависимую от Администрации, сколько вообще податливую к московским пиар-стратегиям. Это естественная атака пост-ельцинской государственности. Мы уже привыкли. Крупная неприятность – в том, что определять эту лояльность будет фальшивомонетчик, получивший право ежедневного профилактического укола.

Александр Аузан.

Это – правозащитный закон. Президент КонфОП защищает предпринимателей от контроля и надзора

Александр Аузан, президент Конфедерации Обществ Потребителей, один из авторов проекта закона «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при проведении государственного контроля и надзора», комментирует его смысл и основные идеи

Какова идеология закона и как он связан с другими законами из пакета по де-бюрократизации?

Это один из семи законопроектов, которые входят в пакет, и один из трех, которые идут на одно и то же заседание правительства и будут вноситься в Думу: закон о лицензировании, закон о регистрации юридических лиц и закон о защите прав юридических лиц.

Мы говорим о том, что существуют административные барьеры для бизнеса, причем они существуют в двух вариантах. Первое – это то, что признают все – входные барьеры, когда невозможно начать бизнес, не собрав тучу разных бумажек, которые на самом деле не имеют отношения к реальному качеству продукта, к его безопасности, но создают огромные издержки. При ликвидации входных барьеров акцент переносится на текущий контроль. Между тем инспекционные службы тоже способны создавать барьер, когда они работают на собственный корыстный результат. Будь то сумма штрафов и выполнение плана по штрафам, потому что из них идут отчисления во внебюджетные фонды, или грубо – взятка, или пожертвования в какой-нибудь фонд в качестве наказания. Фактически, это барьер, который выставлен во внутренней сфере рынка. Значит, если мы хотим преобразовать всю систему регулирования, объявив свободный вход и ответственность за реальный результат, то важно преобразовать текущий контроль. Идеология закона – это преобразование текущего контроля.

Главный мотив этого закона теперь выражен в названии. Сначала он назывался о «правилах проведения государственного контроля и надзора»... Теперь же кошку назвали кошкой: закон назвали законом «о защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при проведении государственного контроля и надзора». То есть это – правозащитный закон. В каком-то смысле это попытка повторить законодательный и законоприменительный успех Закона о защите прав потребителей, который получил колоссальную судебную практику и реально сдвинул обычаи на рынке. По существу, хотелось бы такого же закона, который защитил бы хозяйствующих субъектов от давления государства, в то же время обеспечивая их ответственность. Основной мотив закона о защите предпринимателей состоит в том, что текущий контроль регламентирован и что при контрольных мероприятиях ответственность несут обе стороны, и, наконец, что пра-

во инициативы внеплановых проверок отобрано у госорганов и отдано участникам рынка, прежде всего – потребителям. Потому что – кто заинтересован в чистке рынка? Потребители и конкуренты.

Почему в законопроект все-таки внесли положение о лицензионном контроле?

Сначала лицензирование выводили за пределы данного законопроекта, потому что исходили из того, что закон о лицензировании должен резко ограничить сферу лицензирования и соответственно лицензионный контроль должен стать весьма частным случаем. Но поскольку вопрос о списке лицензируемых видов деятельности и положение о лицензировании – предмет очень тяжелой борьбы, то сочли за благо подстраховаться и распространить эти нормы на лицензионный контроль. В первоначальном исключении логика была, потому что по общей концепции лицензирование рассматривается как исключительная, индивидуальная мера регулирования, которая не применяется в общих случаях.

Насколько привычна практика написания законов общественными организациями?

Если говорить об опыте написания законов, то были случаи, и неоднократно, когда законы писались вне государственной службы. Отличие состоит в том, что здесь это делалось по взаимному и публичному согласию сторон. Поскольку правительственная долгосрочная программа, программа Грефа, провозгласила принцип нового социального контракта, который состоит в том, что правила формулируются в обществе путем согласования интересов и затем проводятся в виде нормы законов либо в виде каких-то кодексов саморегулирования, кодексов поведения. Ведь в 1990-е годы мы не задавали друг другу вопрос, может ли государство сделать справедливую систему правил. Если задать его, правительство, администрации могут сделать справедливую систему правил? Нет, не могут. У них для этого не хватает интеллектуального и финансового ресурса, информационных баз, а в обществе есть и заинтересованность, и необходимый ресурс. Поэтому то, что над этим пакетом законов работали и союзы производителей, и союзы торговцев, и общество потребителей, и адвокатура, и эксперты из научных кругов, и правительственные эксперты, – конечно, это действительно новация.

Прошел ли он согласования в госучреждениях, и какие поправки были внесены?

Закон изменяется постоянно, последняя версия возникла 24 февраля на совещании у Грефа. Запросы на согласование пошли примерно в 50 ведомств, ответы пришли из 27. Было много частных замечаний, но это было еще при прежней концепции закона, когда он назывался о «правилах государственного контроля», а после обсуждения решили, что можно сделать более откровенную и радикальную концепцию защитного закона, и этот защитный закон согласовывался пока в небольшом круге ведомств, притом что при его разработке были учтены многие замечания, высказанные ведомствами ранее. Мож-

но догадаться, что какие-то вещи вызывали и будут продолжать вызывать сопротивление. Например, принцип проводить контрольные мероприятия у хозяйствующего субъекта только при наличии его вины (а в общем случае этого делать нельзя). Это означает конец всякого рода маркированиям и прочим шуткам. Это будет вызывать сопротивление, и это понятно. Кроме того, запрет на отчисления во внебюджетные фонды: есть ряд пунктов, которые напрямую затрагивают интересы сложившихся при ведомствах экономических структур, и поэтому судьба законопроекта будет, конечно, непростой.

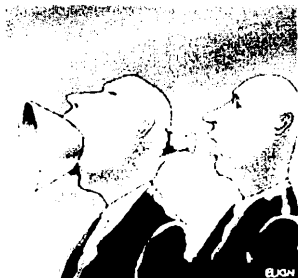
То есть примерно в таком виде закон и будет внесен на заседание правительства и в Думу?

Да. Понятно, что будет заключение, подготовленное аппаратом правительства, но принципиально вопрос рассматривается самим правительством первого марта.

В принципе, есть поручение президента, которое было сформулировано еще 24 января на встрече с предпринимательскими кругами, и суть поручения была в том, чтобы в трехнедельный срок внести пакет законов по дерегулированию. Надо полагать, что в том или ином виде если не полный пакет, то хотя бы три закона будут внесены в Думу до 15 марта.

Миша Фишман. Реструктуризация соцпрома

Вторая приволжская ярмарка социальных и культурных проектов стала запросом к президенту Путину на предмет еще одной реформы

С 5 по 7 октября в Саратове прошла Вторая приволжская ярмарка социальных и культурных проектов – презентация мощной благотворительной программы, претендующей на статус масштабного государственного мероприятия. Инициатива приволжского полпреда Сергея Кириенко стала прецедентом крупного участия российского бизнеса в грантовой благотворительности западного образца, а также важным политическим движением как раз в тот момент, когда на гражданской теме сосредоточились интересы государства, обслуживающих его пиар-технологических групп, оппозиции и самих негосударственных институтов.

В прошлом году приволжская ярмарка проходила в Перми. В этом году грантовый фонд вырос вдвое и составил 1 мл. 150 тыс. долларов. Из них 350 тысяч – вложения областных и местных бюджетов, 800 тысяч внесли крупные компании: МДМ-Банк, МА-ИР, СУАЛ, «Норси-Ойл», Альфа-банк, «Интеррос». Степень конкретного участия каждого из них скрывается. Всего было представлено более 800 проектов. Экспертный совет разделил эту сумму на 86 грантов объемом до 20 тыс. долларов для некоммерческих либо муниципальных структур (в подавляющем большинстве из регионов Приволжского округа). Представлены проекты в области местного самоуправления, образования, а также гуманитарных, этнокультурных и конфессиональных тем. Западные благотворительные фонды либо участвовали в организации ярмарки как подрядчики (британский Charities Aid Foundation – CAF), либо просто в качестве гостей (фонд Сороса). Сама трехдневная ярмарка служит одновременно пиаром проекта и важной коммуникационной площадкой. Регион-хозяин ярмарки освобождается от взносов в грантовый фонд, но оплачивает часть инфраструктурных расходов. Хозяин следующей ярмарки пока не определен, однако, по сведениям «Полит.Ру», реально претендуют на ее проведение Самара и Тольятти.

«Полит.Ру» наугад ткнул в три проекта-победителя. «Что знают сотрудники органов внутренних дел о правах человека»: грант в 14 тыс. долларов выдан саратовскому агентству «Диалог» по развитию социально-правовых коммуникаций при уполномоченном по правам человека на территории области. По словам Сейрана Давтяна, соавтора проекта и консультанта уполномоченного, суть проекта – сделать более открытой работу органов. В рамках проекта предполагается проведение мониторинга жалоб в офис уполномоченного, опросов граждан и сотрудников ОВД, семинаров (курсов) для сотрудников милиции. Деньги пойдут на разработку анкет, сами опросы, поездки, а также ксерокс и компьютер в офис агентства. «Пересечение»: грант в 5 тыс. долларов выдан поволжскому гуманитарному фонду в Самаре. По словам руководителя проекта Натальи Фомичевой, в рамках проекта в один из дней июля 2002 года на улицах Самары будет проведена художественно-терапевтическая акция: художники и жители города предпримут путешествие по городским местам, связанным с различными социальными страхами. «Третий сектор ульяновской области»: грант в 14 тыс. долларов выдан ульяновскому региональному «Информационно-ресурсному фонду». По словам Екатерины Женжерухи, директора фонда, грант входит в крупный проект, другая половина которого финансируется фондом Сороса. Суть проекта в инвентаризации и обучении негосударственных региональных структур. Грант ярмарки пойдет на серию обучающих семинаров по гражданским темам для самих НКО и на командировки в другие регионы.

В политическом смысле саратовская ярмарка, на подготовку которой ушел год, не могла не вписаться в общую интригу вокруг Гражданского форума, хотя их практические функции различны: в Гражданский форум заложена «более глобальная идея построения диалога между обществом и властью», – говорит «Полит.Ру» исполнительный директор фонда Сороса Вячеслав Бахмин, тогда как ярмарка, по его мнению, есть механизм распределения средств. Тем не менее размах ярмарки стал прямым отражением шума вокруг проекта Суркова–Павловского, а важное лицо, близкое к ее организации, на условиях анонимности говорит о «довольно серьезном сопротивлении», на которое ярмарка натолкнулась в отдельных кремлевских кабинетах. Впрочем, такое сравнение выгодно и самой ярмарке, которая на фоне бюрократической процедуры Гражданского форума, уже отмеченной рядом скандалов и лоббистских атак, выглядит реально действующей моделью взаимного влечения власти и гражданской инициативы. При этом существенно, что западные фонды, ранее монопольно поддерживавшие эту сферу, ярмаркой дипломатично удовлетворены. Прямо заявляя, что она стала «шагом вперед в осознании правительством ценности гражданского общества», фонды и сам механизм распределения средств признают достаточно прозрачным и объективным. Это ценный комментарий.

Отношения ярмарки с западными фондами перешли в отдельный политический сюжет: фонды в целом дают понять, что их проигнорировали. Заявленные как партнеры, сами они называют себя либо «гостями», либо «наблюдателями». Вячеслав Бахмин сообщил «Полит.Ру», что получил уведомление о ярмарке за неделю до ее открытия. Оль-

га Алексеева, директор российского филиала CAF, также с сожалением констатирует слабое участие фондов в ярмарке. Организаторы анонимно представляют дело в ином свете, заявляя, что иностранцы предпочитают работать сами. Отчасти так оно и есть: «У нас достаточно своих прозрачных механизмов», – говорит Бахмин. Очевидно, что западные фонды как корпорация еще не договорились между собой о стратегии отношений с государственными проектами. Здесь не могла не сыграть роль и позиция президента Путина, 12 июня выразившего недовольство долей западного участия в российской благотворительности. Собственно, ярмарка выглядит реакцией на эту критику.

Идеологию участия российского бизнеса в конкурсной благотворительности, причем в форме вложений в общий грантовый пул, описал Андрей Мельниченко, президент МДМ-банка: финансовым группам выгодны подобные проекты, поскольку в условиях открытой конкуренции помогают позиционировать компанию, «чем-то выделяться» на рынке, являются долгосрочной имиджевой инвестицией. Выступление Мельниченко было встречено крайне одобрительно. Источник, близкий к Мельниченко, пояснил «Полит.Ру» еще конкретнее, что стратегия банка связана с расчетом на реформы в сфере социальных услуг (пенсионная, страхование), когда государство начнет снижать свое присутствие на этом рынке, допуская частные финансовые конторы к выплатам технологиям: от успеха в борьбе за розничную клиентуру будут зависеть большие прибыли, и этот успех следует готовить уже сегодня. Сам Мельниченко сообщил «Полит.Ру», что участие МДМ-банка в ярмарке составило четверть годовых затрат банка на благотворительность. Понятно тем не менее, что сегодня участие внутреннего капитала в не прямых социальных проектах имеет скорее презентационный, тестовый характер. Рынок как таковой отсутствует, и ярмарка – это очевидно – делалась на личных связях. «Это ярмарка нашла нас, а не мы ярмарку», – признается Мельниченко.

Таким образом, саратовская презентация не только была важна своим непосредственным социальным эффектом, но и показала двусмысленность политического контекста, в котором гражданские дела стали объектом столь пристального внимания. Реальность прозрачной и взаимовыгодной коммуникации вполне продемонстрирована, однако идеологический туман в отношениях Кремля и гражданской сферы пока тормозит переход этой коммуникации из экспериментальной фазы в институциональную реформу. Задача Гражданского форума, раз уж он существует, и состоит, надо полагать, в том, чтобы этот туман развеять – так или иначе. В таком случае смысл и стоимость аппаратной микрореволюции, которую уже успел пережить форум, равно как и общая цена вопроса, становятся ясней.

Гражданский форум. Poleмика

Кирилл Ермишин.

Гражданский форум близится: есть контакт?

По просьбе «Полит.Ру» автор переработал текст своей статьи, опубликованной на сайте «Права человека в России» (hrgo.org) 1 июля с.г. и позднее напечатанной в журнале «Центры плюрализма». Динамика затронутых в той статье процессов и радикально изменившийся внешний контекст заставили вновь вернуться к некоторым моментам и затронуть ранее опущенные аспекты. Оценки и обобщения продолжают оставаться продуктом личного опыта и наблюдений автора и ни в коей мере не претендуют на отражение позиций какой-либо организации или группы.

Проблематика становления и перспектив развития в России гражданского общества (ГО) продолжает привлекать пристальное внимание политиков и политологов. Проблемы (само)идентификации гражданского общества, цели и формы его диалога с властями составляют контекст дискуссии, однако поднятая ранее проблема источников финансирования общественной активности отнюдь не уходит на второй план, а даже наоборот – во-многом определяет один из ее важнейших подтекстов. Сентябрьская американская трагедия по-новому ставит извечный философский вопрос о нравственных мотивациях общественно-значимых проявлений личности. Развертывающаяся борьба с терроризмом заставляет задуматься о роли общества в формулировании мандата государственным структурам на обеспечение безопасности человеческого общежития – будь то на планете, в стране, городе или отдельно взятом подъезде.

В России более не подвергается сомнению важность участия в дискуссии тех, кто уже много лет собственно и являются форпостом ГО в стране – многочисленных общественных организаций самых разных направленностей, но в основном правозащитного типа. Да и в нашей среде само-изоляционистские тенденции, кажется, в основном преодолены. Приближение намеченного на конец ноября Граж-

данского форума обусловило смену формата общественной дискуссии: обмена типа «а ты кто такой?» перешли в фазу взаимно-вежливого улаживания процедурных вопросов. Однако по-прежнему участники как «внутренней», так и внешней дискуссий довольно редко сходятся в том, что касается определения самого предмета обсуждения.

Интересующийся читатель найдет немало попыток определить суть ГО (и/или его компонентов), предпринимаемых с использованием понятийных аппаратов политологии, социологии, философии, юриспруденции и других вполне серьезных наук. Как мне кажется, при всей интересности и чисто утилитарной полезности таких упражнений, четкое, всех раз и навсегда устраивающее определение выработать невозможно: здесь, как в физике, действует принцип неопределенности Гейзенберга – чем точнее наблюдатель может измерить скорость частицы, тем меньше возможность определить ее местонахождение, и наоборот¹. Чем подробнее и фундаментальнее попытка дефиниции ГО, тем больше оно перегружено деталями, излишне формализующими аморфное по своей сути явление. Соответственно, обречены на провал любые попытки «навести порядок» в ГО, структурировать его, поставить на «службу интересам» и т.д.

Тем не менее, даже и без помощи этих интеллектуальных усердий, каждый из нас вполне способен понять и почувствовать – хотя бы на чисто интуитивном уровне и руководствуясь здравым смыслом и адекватным жизненным опытом – что же такое есть ГО и зачем оно нужно. Вот одно из таких пониманий (весьма, заметим, импонирующее автору): гражданское общество – это «совокупность общественных *навыков* по консолидации разнонаправленных интересов, их взаимосогласованию и примирению» (К. Рогов, «Полит.Ру», 13.06.01, курсив мой). К этому параметру ГО (общественные навыки) можно добавить – столь же жирным интуитивным мазком – еще один: совокупность общественных манер.

Можно сказать, что подлинное ГО и его структуры есть там, где социально активными гражданами инстинктивно осознана жизненно важная (для самих себя и для государства) необходимость соблюдать кодекс определенных навыков и следовать своду определенных социальных манер. Руководствуясь этим инстинктом, гражданин реализует в обществе свой личный, от Бога и родителей данный потенциал, отчетливо чуя под собой – страну, а рядом с собой – сограждан. Для него свято чужое жизненное пространство, но и своего он никому не уступит – тем более безликому или малосимпатичному чиновнику².

Это – основа, она во многом определяет в обществе базовое соотношение морали и права, обязанностей и прав человека. Но даже там, где баланс интересов общества и

¹ Автор этих строк отнюдь не физик – и физике в школе учился плохо, – но прочитал недавно книгу Стивена Хоукинса «Краткая история времени» и с тех пор так и норовит ввернуть куда надо и куда не надо что-нибудь эдакое про принцип неопределенности или про бритву Оккама.

² А они везде в мире вовсе не Алены Делоны или Вячеславы Тихоновы – работа такая, однако.

государства приближен к оптимальному, сохраняется необходимость тонкой и непрерывной настройки политико-социального процесса. Для этого наш гражданин должен быть готов к совместной с другими гражданами (и с государством!) работе и к поведенческим компромиссам, не ущемляющим главного, имманентно сущностного для Гражданина в Обществе – чувства собственного личного и общественного достоинства.

Естественно, такие навыки и манеры стихийно не возникают, для них нужна соответствующая историческая и материальная почва. У нас же грянувший в свое время хам-гегемон быстро и жестоко уничтожил (или смертельно запугал) почти всех вокруг на него непохожих и ему непонятных, сам же мутировал в одуловатого, но хищноватого совка и отбросил Россию далеко назад³ в том, что касается доминирующих манер и навыков вообще, а социально-политических – в особенности. Нынешние «верхи» постоянно что-то там такое промеж себя делят, сходятся стенкой на стенку, угрюмо и невнятно склоняют во всех падежах «интересы державы» и живут (и неплохо живут!) по своим, известным им одним, понятиям. В основании же общественной пирамиды пока продолжают превалировать патернализм, пассивность и пофигизм. И, увы, бедность.

Реформа тут много не дала. В результате целой декады многочисленных искажений демократического процесса власть все более перестает чувствовать ответственность перед народом – главным источником своей легитимности. Но и само общество не ощущает собственной ответственности за то, в каком положении оно оказалось.

К счастью, не все ощущали себя винтиками. Следуя физической аналогии⁴, можно сказать, что трудный процесс накопления количества (сперва диссиденты, потом «неформалы», затем первые НПО, и вот теперь сумма всех общественных движений) перерос-таки в заметное изменение социального качества. Активно пробивающиеся ростки гражданского общества могут быть отнесены к самым главным позитивным результатам российской трансформации.

Роль правозащитных организаций в сохранении возможностей общества влиять на власть – неоспорима. Во многом благодаря их общему действию ранней осенью этого года удалось образумить власть и не дать ей совершить грубую в нынешних условиях ошибку – игнорировать подлинное гражданское общество или попытаться манипулировать им.

³ Некоторые социологи пугают цифрой отставания от «цивилизованных» стран аж в 600 лет, но, по-моему, и 80 лет, т.е. двух-трех поколений – на нашей-то специфической почве – вполне «достаточно».

⁴ Во, опять!

Незаявленные намерения власти в затеянном «сближении» с гражданскими структурами (встреча В. Путина 12.06.01 с представителями отобранных общественных организаций) были кристально ясны из первоначальной – т.е., идущей из самого нутра – реакции кремлевских политехнологов на появление небесспорного по мотивации, но немаловажного и беспрецедентного фактора на общественном поле – денег Б. Березовского. Завиральность бойко запущенных на strana.ru определений российского ГО как «конституционного политического потенциала» президента, его «главного союзника» и «элиты» его большинства быстро стала самоочевидной. ГО – настолько специфичная и тонкая материя, что степень искренности намерений и чистота мотивов вмешивающихся в нее проявляется тут же. С той поры тенденция, похоже, поменялась; перед сторонами в диалоге «власть–общество» реально возник уникальный исторический шанс прийти к взаимному пониманию.

Трудности устанавливаемого контакта очевидны даже для непосвященных. Как можно предположить, эти трудности отчасти вызваны отравленной атмосферой этапа первоначального привыкания, непривычкой и нестандартностью всего происходящего. Если же отвлечься от сиюминутного политико-пропагандистского контекста, необходимость консолидации гражданского общества и развития эффективного и популярного в народе правозащитного движения как одного из его основных идеологических стержней диктует необходимость присмотреться внимательнее и к тому, что происходит в нашем стане.

Особое значение в разворачивающейся дискуссии имеет вопрос об источниках финансирования ГО. Самые приблизительные подсчеты говорят, что сейчас сумма бюджетов реализуемых в России проектов с преимущественно правозащитной направленностью достигает 150–200 миллионов долларов США в год, предоставляемых совокупно примерно 30 различными зарубежными донорами. Цифры бюджетов, осваиваемых всеми иными компонентами ГО – на порядки больше. Практика показывает, что сейчас разветвленная система предоставления внешних грантов позволяет найти деньги практически на любой общественно значимый и толково поданный проект. Начал проявлять себя и отечественный донор – но масштабы пока несравнимы.

Судя по официальной информации, на «знаковой» встрече у президента 12 июня 2001 г. было сказано немало правильных слов; особо было подчеркнуто, что факт существования и работы многих НПО на западные гранты не делает стране чести. Очень

любопытно и важно будет посмотреть, как именно власти примутся выправлять этот перекос и как именно ринутся защищать эту честь. Один путь для власти – целенаправленно трансформировать юридические основы трудного бытия и работы всех НПО, ослабить налоговый пресс, стимулировать домашнюю благотворительность, оказать всем НПО государственное внимание и заодно – дополнительно гарантировать свободу критических высказываний в свой собственный адрес. Здесь и Кремль, и Белый дом, и Дума найдут в наших рядах деятельных и инициативных союзников.

Другой путь – создать финансовый оазис для некоего сегмента «вменяемых» НПО и приняться накачивать их бюджетными деньгами, одновременно пытаясь перекрыть кислород «нечистым», т.е. не имеющим рефлекса владать в ступор и делать руки по швам при любом упоминании государственности и интересов державы. В первоначальной тактике Кремля легко просматривались намерения выцедить из хаоса общественных союзов и ассоциаций те, которые легче приручаемы властью (или даже изначально запрограммированы на это), и использовать их как очередной «приводной ремень» или как нарядную заплатку на слегка потрепанном имидже страны.

Тут нужно сразу предупредить: если первое – облагородить и подпитать «своих» – вполне возможно (при условии благосклонной невнимательности налогоплательщиков и/или их представителей в Думе), то второе – мягко удавить «чужих» – не получится. По крайней мере, без ущерба для той самой чести и для того самого имиджа. Тут дело в том, что добровольно согласившись принимать предложенную в свое время зарубежную помощь – техническое и финансовое содействие реформам – Россия перешла в определенную систему внешнеполитических координат и вступила в определенное международно-правовое поле. На этом поле сложились довольно жесткие правила игры, закрепленные в двусторонних договоренностях, международных конвенциях, уставах универсальных организаций, соглашениях с региональными – прежде всего, европейскими – объединениями и, наконец, самой международной практикой. Эти правила вполне позволяют государству-реципиенту играть главную роль в согласовании с донорами видов, направленности и объемов и такой помощи, – но только если речь идет о реформе собственно государственных институтов.

Когда же речь заходит о содействии из-за рубежа проектам неправительственных организаций (конечно, при условии вполне легального существования этих НПО и при соблюдении ими финансового законодательства) – то тут уж от вашего вмешательства увольте, сами разберемся. Твердой юридической основой для беспрепятственной дея-

тельности НПО является конституционная обязанность государства обеспечивать свободу ассоциаций. Эта основа подкреплена в многочисленных (и, заметим, обязательных для выполнения в России) международно-правовых документах; к тому же она неоднократно была защищена в международных судах. К соответствующим обязанностям государств в последнее время добавилось провозглашенное международным сообществом право НПО беспрепятственно искать, получать и использовать ресурсы для своей деятельности из любых законных источников (ст. 13 ООНовской Декларации «о правозащитниках», 1998).

Более того, вполне уязвимыми с юридической и политической точек зрения и контр-продуктивными с точки зрения радиения о государственных интересах станут возможные попытки поместить наиболее «трудные» для власти НПО (правозащитные, скажем, или экологические) и их западных бенефакторов в административно-налоговую пресс-хату⁵. Как бы не пришлось объясняться перед донорским сообществом или даже выплачивать вполне конкретные компенсации жертвам давления со стороны вполне конкретных чиновников. Ведь оно легко и приятно грозить пальцем и надувать щеки покуда нефть дорога, а возврат непомерных долгов – лишь в (кажущейся далекой) перспективе. И отнюдь не стоит преувеличивать цену, которую Запад был бы готов «заплатить» за стратегически важное содействие России в отражении волны террора. Индальгенции Совета Европы на свободу рук в Чечне Россия не получит, судьи Европейского Суда в Страсбурге не станут «входить в положение». Ловля уличенных террористов и громя их разведанные базы, Запад ни на йоту не должен отступить от своих базовых политических установок. Будем надеяться – не отступит.

На пороге нового века мир оказался перед непривычными и очень неприятными дилеммами. Краеугольные и казавшиеся незыблемыми основы европейской цивилизации подвергаются не только сомнениям, но и жесточайшим атакам. В этих условиях роль России, находящейся на непреодоленном (и преодолимом ли?) перевале, на стыке философий, формаций и континентов объективно растет и становится принципиально важной. Нам это дает уникальный шанс. Мера ответственности каждого из нас и нашего общества за предстоящий нелегкий выбор пути, гарантированная возможность участвовать в этом выборе – вот истинный и реальный контекст Гражданского форума.

⁵ Еще раз оговорюсь – о намерениях власти можно порой только догадываться, экстраполируя ее предыдущие константы и пытаясь вывести квадратный корень из соотношения заявлений и практики. В. Путину досталось трудное наследство, в попытках преобразовать Россию отчетливо видны как неоспоримые достижения, так и регрессивные тенденции. Что является настоящей сутью политики, а что – тактическим маневром «чекистской разводки», порой, похоже, не понимают и в самом Кремле.

Александр Аузан.

Есть целая серия проблем, которые не решаются государством без общества и обществом без государства

Процесс организации форума гражданских и неправительственных организаций, бурно стартовавший в начале лета и выглядевший классически бюрократической декоративной затеей, начал со временем серьезно эволюционировать. По всей видимости, Кремль отреагировал на резкую критику идеи создания «вертикали гражданского общества», звучавшую в прессе. Некоторое время назад в СМИ появились сообщения о посещении заместителем главы администрации Сурковым офиса старейшего и, пожалуй, самого знаменитого и авторитетного российского общественного гражданского движения «Мемориал». 4 сентября в Кремле состоялась встреча того же Суркова с представителями коалиции гражданских сетевых организаций «Народная ассамблея» («Народная ассамблея» объединяет такие ассоциации как Конфедерация обществ потребителей, Форум экологических организаций и пр.). Существенно и почти сенсационно, что речь идет именно о тех известных ассоциациях, которые по первоначальному плану должны были быть отстранены от организации показательного Съезда Гражданского Общества. Насколько известно «Полит.Ру», в Кремле стороны пытались прийти и пришли к компромиссу. О его сути и смысле перемен в подходе к организации форума «Полит.Ру» подробно рассказал один из участников встречи, президент Конфедерации обществ потребителей Александр Аузан.

Какова предыстория вашей встречи с Владиславом Сурковым?

Вообще-то процесс идет давно, определенные контакты с администрацией президента у нас идут с конца мая. Понятно, что нас не только интересует вопрос диалога с властью – у нас были и реальные проекты на этом поле. Скажем, налоговый проект «народной ассамблеи» (когда выяснилось, что в правительственном проекте налоговой реформы вопрос о налогообложении третьего сектора вообще не проработан) или совместный проект с Минэкономразвития по дебюрократизации, где тоже участвовали и гражданские организации, и бизнес-ассоциации. Поэтому когда возникла идея встречи с президентом, создания оргкомитета и съезда, у нас были контакты с администрацией. Они то прерывались, то возобновлялись. Решающим моментом стал визит Суркова 20 августа в «Мемориал», где была встреча с десятью лидерами гражданских организаций, которые на самом деле представляли более широкий партнерский круг. Понятно, что для нас это не было неожиданностью. Может быть, вы помните, что в августе публиковались некоторые фальшивки по поводу «Мемориала». Поэтому нам было важно, чтобы один из руководителей администрации встретился с нами именно в «Мемориале».

Вы имеете в виду сообщение о финансировании «Мемориала» Березовским?

Нет, имеется в виду письмо Масхадова. Финансирование Березовским – это ложь, но ложь, по крайней мере, не обвиняющая в государственной измене. А благодарность Масхадова «Мемориалу» за дело борьбы за победу ислама – это, конечно, сильно было придумано. На встрече 20 августа сверили часы, договорились о том, что есть взаимопонимание по определенным точкам, и условились о следующей встрече, которая была 4 сентября. Договорились, что встреча будет узкой и при этом трехсторонней: Администрация, та организационная группа, которая эти месяцы рулила подготовкой гражданского форума, и мы в качестве переговорщиков от большой группы гражданских организаций, объединенных в три круглых стола.

В чем заключались ваши предложения на этой встрече?

Мы пришли с набором из 10 наших позиций. Самое главное для нас было определить, что такое форум. Для нас категорически не приемлема идея, что форум – это способ (путем собирания 5 тысяч человек) создания какого-то совета, который уже отныне от имени гражданского общества будет говорить, кого-то поддерживать, кого-то – нет, и общаться с президентом. Это не вариант. На наш взгляд, такой подход не приемлем по простой причине: легитимное представительство интересов граждан у нас есть. По Конституции это – парламент, президент, все, кого прямым образом избирают. Задача – не представительский совет создать, а решить вопрос о механизме взаимодействия власти и гражданских организаций, то есть определить приоритеты и интересы сторон и способы взаимодействия: переговорные площадки, разработка альтернативных программных предложений, участие в реализации каких-то из них.

После того, как по этому концептуальному вопросу мы договорились, начались вопросы на тему, как организовывать сам процесс. Наше главное предложение, вытекающее из самой природы и задач форума, состоит в том, что мы пригласили власть официально войти в организационный процесс. Потому что получается ерунда: власть реально занимается организацией этого форума, а формально ее там нет, – это и создает механизм манипулирования. При нашей постановке вопроса предметом является диалог между властью и гражданскими организациями. И почему здесь зазорно участие власти? Оно просто необходимо, потому что выработка механизмов, институтов взаимодействия не может идти без власти, которая дает оценку: вот это нам удобно, а это неудобно, и лучше сделаем вот так, а об этом надо договариваться. Для нас было принципиально добиться согласия власти формально войти в процесс, отказавшись от манипулирования. Мы это согласие получили. Причем речь идет не только об участии администрации президента, но и правительства, высших судебных инстанций и Государственной Думы. Все они будут входить в новый оргкомитет Гражданского форума.

Как вы представляете деятельность Гражданского форума?

Мы считаем, что Гражданский форум должен представлять собой серию деловых круглых столов по проблемам. Причем так, что гражданские организации не друг с другом, а с достаточно весомыми представителями власти обсуждают список согласий и разногласий по разным вопросам для того, чтобы стало ясно, что потом должно стать предметом переговоров, поисков и решений. Для нас главный пафос всего этого процесса в том, что есть целая серия проблем, которые не решаются ни государством без общества, ни обществом без государства. Скажем, создание новой судебной системы или военная реформа (создание профессиональной армии, альтернативная гражданская служба), образовательная реформа или доступ к информации, или Чечня. Потому что для нас принципиально важно, чтобы запретных вопросов для диалога не было. На наш взгляд, форум – это прежде всего деловые мероприятия, а задача пленарных заседаний – составить некий рейтинг проблем.

Мы настаиваем, чтобы организации собирались по определенным признакам, а именно – чтобы они были активны, результативны, присутствовали в информационном пространстве, имели экспертный ресурс, потому что им надо не рукоплескать и голосовать, а решать наши общие проблемы. Единственное, что может сделать пленарное заседание, кроме того, что оно, видимо, выслушает позицию президента Путина по этим вопросам, – это решить вопрос приоритетов и того набора механизмов взаимодействия, с которым дальше будет идти работа.

Что будет обсуждаться на следующей встрече и будет ли она?

В 10 сентября мы должны встретиться снова по вопросу о составе оргкомитета. Эта встреча будет не с г-ном Сурковым. Г-н Сурков принял решение об участии власти в оргкомитете, о переформировании оргкомитета. Теперь мы должны заниматься этим вместе с представителями государства и с представителями организационной группы форума.

То есть организация форума начнется заново на новых основаниях?

Все начнется заново, но там будут люди из той рабочей группы, которая занималась этим процессом. Выяснилось, кстати, что наши взгляды по принципиальным вопросам близки взглядам и Вячеслава Игрунова, и Эллы Панфиловой. Кроме того, мы настаивали на том, чтобы Глеб Павловский формально вошел в оргкомитет. Сейчас он не является ни членом оргкомитета, ни членом рабочей группы, но при этом является фактическим вершителем судеб этой самой рабочей группы. Гораздо правильнее, если он вместе со своими единомышленниками войдет в оргкомитет, куда войдут и наши представители, и представители государства.

Наталья Самовер. Теоретики почвы

Кремлевский проект создания гражданского общества вошел в фазу идейного консерватизма

11 июля в пресс-центре РИА «Новости» прошла пресс-конференция участников оргкомитета по проведению Гражданского форума – грандиозного съезда общественных организаций, результатом которого станет создание Гражданской палаты при президенте. Идея форума была высказана месяц назад на встрече президента с представителями лояльной общественности в рамках кремлевского проекта построения гражданского общества.

Пресс-конференция, первоначально выглядевшая рутинным событием, неожиданно оказалась исключительно интересной. Выступавшие – секретарь-координатор оргкомитета политолог Сергей Марков, социолог Александр Ослон, «яблочный» депутат, бывший правозащитник и директор Института гуманитарно-политических исследований Вячеслав Игрунов, профессиональный эксперт по проблемам гражданского общества Мария Слободская и приглашенная, видимо, в качестве живой общественной деятельницы Элла Памфилова – в унисон обрисовали то, что может считаться своеобразной идейной парадигмой внутренней политики России – как ее представляют в Кремле. Парадигма эта поражает прежде всего своей ясностью, логичной стройностью и – что существенно – узнаваемостью.

Практически каждый из выступавших, за исключением Памфиловой, говорившей как всегда эмоционально, но бессодержательно, произнес несколько ключевых фраз, которые, складываясь вместе, обрисовывают составные части этой парадигмы с достаточной полнотой.

Политолог Марков: «Мы предполагаем, что стране необходимо вхождение в европейские и мировые структуры, стране нужна консолидированная демократия, прочный фундамент для которой и составляет гражданское общество. <...>Гражданское общество должно осознать себя в качестве одного из важнейших субъектов общественно-политических процессов в стране, найти свою нишу в рамках преобразований. <...> Мы предполагаем в рамках подготовки форума провести широкую общественную дискуссию о месте общества и власти в системе преобразований, поговорить о том, как нам сделать Россию европейской страной, сохранив русскую душу».

Александр Ослон: «Это начало нового, чрезвычайно интересного и важного процесса, когда возникает новая социальная площадка, на которой появляются конструктивные приверженцы гражданского общества – не воинственно-истеричные и не мизантропически-подавленные, каких мы знаем. Это не члены тайного общества свободоносцев, а люди, которые собираются для длительной, конструктивной, спокойной работы».

Им вторит Игрунов, замечающий, что настала пора гражданским организациям отказать от бесплодного критиканства и переходить к созидательной работе в союзе с властями (напомним, что сходную мысль в довольно скандальном контексте озвучил недавно Владимир Карташкин – председатель Комиссии по правам человека). Психологическая установка на конфронтацию, многие годы отличавшая отечественные гражданские структуры, теперь изжила себя, считает Игрунов. Она приводит лишь к маргинализации людей и целых структур, а вслед за этим – и самих идей, которые эти люди и структуры пытаются проводить в жизнь. Переломить эту тенденцию в массах общества, в том числе еще не охваченных гражданскими организациями, – колоссальная задача, но именно так сейчас властью поставлен вопрос. Та же мысль звучала, например, недавно на круглом столе, посвященном реформе системы оценки деятельности органов МВД. Вернуть доверие общества к органам власти, более того, добиться ответного движения навстречу государству со стороны общества – речь идет практически о консервативной революции в общественном сознании.

Пожалуй, ключевыми во всех выступлениях были слова «конструктивное сотрудничество». Переход от вековой практики подозрительности и взаимного противостояния между властью и обществом к конструктивному диалогу – такова цель, декларируемая организаторами Гражданского форума. Цель, несомненно, благая, но достигнуть ее не просто. Мало призвать гражданское общество поверить в добрые намерения государства. Доверие должно быть взаимным. Обществу трудно отрешиться от инстинкта, заставляющего, набычившись, занимать оборонительную позицию всякий раз, когда государство обращает на него внимание. И столь же трудно – если не труднее – государству избавиться от инстинкта манипулирования.

Сейчас, заметил Игрунов, когда после десятилетия революционных потрясений общество успокаивается и стабилизируется, в нем естественным образом пробуждаются традиционные структуры сознания, культурные послышки и стереотипы. Возникает угроза, что государство не выдержит соблазна манипулирования слабыми еще гражданскими структурами и попытается вернуться к прежним советским методам, к «декоративным» общественным организациям вроде Комитета советских женщин или Советского Фонда мира, которые на самом деле представляли собой полностью прогосударственные структуры. Как трудно удержаться на лезвии бритвы, Игрунов невольно доказал и сам, завершив свое выступление словами: «Надо отчетливо себе представлять, что демократия и гражданское общество растут так же медленно, как трава на английском газоне. Не надо рассчитывать на быстрое достижение, надо поливать и стричь, стричь и поливать, и не дай бог медвежьими лапами вытоптать эти газоны». По всей видимости, организаторы пресс-конференции в некотором смысле видят себя назначенными «поливать». Что касается самого главного садовника-агронома, то его незримое присутствие было обозначено фигурой Вадима Малкина – информационного директора официального сайта «Страна.Ру», который по-

чему-то вел пресс-конференцию, хотя, как он сам напоследок рассказал, его организация не имеет отношения к будущему Гражданскому форуму.

«Поливать» садоводам предстоит многое. Обрисовывая задачи гражданского общества, Вячеслав Игрунов довольно неожиданно расширил масштаб вопроса: развитие гражданского общества, по его мнению, должно послужить, в частности, средством обновления политических элит в стране и создать условия для «выращивания независимых политических партий». Политики последнего десятилетия исчерпали свой потенциал и должны уйти, им на смену придут новые политики и новые партии, которые станут «главным элементом гражданского общества». Здесь интересно не только дальнейшее развитие аграрной метафоры, но и очевидное смешение политических и неполитических организаций и задач, совершенно размывающее и мистифицирующее понятие «гражданского общества». Впрочем, это изначальное смешение хорошо заметно при внимательном изучении списка членов оргкомитета. Наряду с разного рода профессиональными (Ассоциация российских бардов, Союз театральных деятелей), благотворительными (хабаровская краевая общественная организация инвалидов «Интеграция»), правозащитными (Московская Хельсинкская группа), экологическими (новосибирский Центр социальной экологии) и другими неполитическими организациями представлены и объединения явно политического и околополитического толка – сомнительно знаменитые «Идущие вместе», возглавляемая координатором оргкомитета Сергеем Марковым Ассоциация центров политического консультирования, или движение Эллы Памфиловой, которое не так давно безуспешно претендовало на роль парламентской партии.

Еще один сознательный принцип отбора кандидатов в «гражданский сад» обосновала Мария Слободская, подчеркнувшая, что фундаментом конструктивного гражданского общества должны стать преимущественно мелкие и средние региональные общественные организации, которые непосредственно трудятся на земле: «Президент встречался с ними, значит, вероятно, проходит период таких обширных дискуссий на тему, по какому пути двигаться России. Президент предлагает перейти к более конструктивному практическому взаимодействию тех организаций, которые каждый день решают какие-то проблемы». Таким образом, в словах Слободской с почти схематической очевидностью предстал извечный антагонизм скромных тружеников-практиков и оторванных от реальности утопистов-теоретиков – будущих героев и антигероев нашего времени.

Труженик-пахарь, незаметный, неумствующий созидатель – знаковая фигура любых консервативных общественно-политических конструкций. Как и противостоящий ему вредный болтун-теоретик. Не раз осмеянная на нашей памяти практика малых дел теперь объявлена единственно конструктивной деятельностью, а пустые умственные спекуляции, политическая и медийная трескотня, способная не внести смысл в жизнь, а, наоборот, выхолостить, не исправить что-то в окружающей действительности, а, наоборот, расшатать – решительно осуждены. Нет, никто не покушается впрямую на политический

плюрализм и свободу слова. Просто это теперь не ключевые вопросы. Собственно жизнь, почва, практика выдвигаются теперь в качестве носителей смысла. Вместе с новыми ценностями следует ожидать и прихода новых лиц. Прежние же властители дум, теоретики, которым жизнь представляется лишь пассивным субстратом, смысл в который вносится извне сознательным интеллектуальным усилием элиты, обречены на участь маргиналов. Первая парадигма – антиэлитарна, вторая, напротив, – элитарна. Первая консервативна, вторая – радикальна. Время второй прошло, наступает время первой. Впрочем, сами представители оргкомитета практиками, очевидно, не являются, выступая в данном случае в почетной роли теоретиков почвы.

Противопоставление конструктивного общества («почвы») и неконструктивного беспочвенного последовательно проводится с самого начала процесса «взращивания». Собеседники-оппоненты достаточно авторитетны и известны, чтобы выступить реальными участниками диалога с властью и государственными структурами. Это те самые организации, с которыми преимущественно и ассоциируется понятие гражданского общества: «Мемориал», «Greenpeace России», Союз комитетов солдатских матерей России и другие крупные сетевые объединения, которые располагают обширной системой филиалов, массовым, иногда многотысячным членством, налаженным финансированием в значительной степени за счет международных источников, а, значит, в наибольшей степени обладают реальной независимостью. Все они последовательно оттесняются на периферию кремлевского проекта, объявляющего своим приоритетом мелкие и средние организации. Последние атомарны, рассеяны; каждая из них, взятая в отдельности, довольно слаба и уязвима, ищет мощной поддержки и охотно идет навстречу вниманию властей. Недавно доверчивость и манипулируемость таких организаций продемонстрировал Борис Березовский, без труда соблазнив полторы сотни малых сих грантами своего Фонда гражданских свобод. Перехватить у Березовского инициативу в деле возделывания этой благодатной почвы и призван проектируемый Гражданский форум.

Столпы гражданского общества на провокацию Березовского не поддались. Но это не означает, что с ними государству будет легко найти общий язык. Существующие уже много лет, вышедшие буквально из окопов, из советских еще времен, привыкшие ощущать накопленную силу, они и в самом деле несут на себе печать конфронтационности. Они трудные, несговорчивые собеседники и чересчур самостоятельные партнеры. На вопрос «Полит.Ру», как активисты Гражданского форума намерены строить отношения с такими организациями, Вячеслав Игрунов отвечал: «Без таких структур диалог гражданского общества и власти окажется смешной игрушкой, той витриной, о которой я говорил. Да, надо работать со всеми. На самом деле львиной долей гражданской активности обладают как раз региональные местные объединения, но без тех, кто дозрел до общенациональной тематики, до общенациональной организованности, до готовности оказывать влияние и на политическую жизнь, на формирование и деятельность структур власти – без этих структур эта идея была бы бессмысленна».

Конечно, крупные сетевые организации невозможно просто отсечь от проектируемой Гражданской палаты, однако в ней они растворятся как равные в числе сотен более мелких. По словам Марии Слободской, Палата призвана стать, «минуя бюрократию, еще одной формой прямого и непосредственного диалога общественности с президентом». При этом важно, что Палата при ее массовости даст возможность выслушивать не одни лишь «крупные общественные организации, чье мнение по разным вопросам достаточно известно и которые имеют возможность высказать его в средствах массовой информации, непосредственно президенту и представителям администрации», но и «консолидированное мнение самой широкой общественности».

Эта классическая для российской политической мысли идея непосредственного общения «государя» с «землей» без посредничества элиты и бюрократического аппарата также естественно укладывается все в ту же консервативную утопическую парадигму. Национальная культура/духовность, сильная власть и конструктивное гражданское общество – традиционные ценности эпохи консервативной стабилизации, о которой так вдохновенно говорят идеологи кремлевской администрации и которая, пожалуй, более всего напоминает об эпохе Александра III. Вот уже и Никита Михалков над Россией простер свиные крыла вослед Победоносцеву. Поживем – увидим.

Одеяло общественной пользы

Что стоит за переговорами о судьбе Гражданского форума

Авторитарный реформизм и гражданская инициатива

Переговоры о судьбе Гражданского форума – это столкновение двух реальных политических концепций современной России

Переговорный процесс между рядом общественных и гражданских организаций, объединившимся в неформальную ассоциацию «Народная ассамблея», и администрацией президента, как стало известно «Полит.Ру», завершился относительным успехом, а именно – сформирован наконец оргкомитет будущего форума гражданских организаций, а также достигнуты договоренности по базовым принципам организации этого самого форума. Напомним, что инициатива его проведения с участием президента Путина возникла как ответ на план Бориса Березовского сделать гражданские и правозащитные организации основой антипутинской политической коалиции и принадлежала кремлевскому политико-информационному штабу Глеба Павловского. Инициатива Павловского была в штыки встречена общественным мнением, увидевшем в ней еще одну попытку создания институций «манипулятивной демократии». После серии агрессивных высказываний из президентской администрации в адрес «антигосударственных правозащитников», в Кремле возобладала более гибкая линия, и в конце лета начались переговоры с представителями организаций, входящих в «Народную ассамблею» (КонфОП, Мемориал, экологические ассоциации). В результате концепция и цель форума определены как создание переговорных площадок между обществом и государственными институциями и выработка приоритетов и принципов работы этих площадок, а в новый оргкомитет вошли по 7 представителей от государства (которое теперь выступает как сторона переговоров), от первой инициативной группы Павловского и от ассоциации «Народная ассамблея».

Таким образом, на фоне вполне вялой и преимущественно сводящейся к лоббистским раскладам и разменам официальной политической жизни мы можем наблюдать начало своеобразных политических переговоров-консультаций между представителя-

ми формальной президентской администрации, неформальной окол Кремлевской «партии Путина» и представителями влиятельных, хотя и вполне фрагментарных очагов общественной жизни, не оформившихся в политические институты. Вопрос на самом деле стоит о статусе и месте гражданской и общественной инициативы в нынешней политической системе, а особую остроту ему придает тот почти медицинский факт, что нынешняя партийно-политическая система России лишь в малой степени приспособлена быть каналом общенационального диалога. При этом «партия Путина» в своих проектах Гражданского форума (как и прочих внутривластных инициативах) преимущественно ориентирована на модель авторитарного реформизма: президентская власть декларирует свою монополию на выработку и осуществление реформаторских проектов, обосновывая и легитимируя тем самым свое право ограничить прочую политическую и общественную инициативу, а также концентрировать ресурсы и полномочия.

Концепция авторитарного реформизма подразумевает, а точнее, имеет своим посылом представление об отсутствии в стране вменяемых общественных структур, гражданских и политических институций, способных составить реформистскую коалицию или, по крайней мере, выступить в качестве партнера по переговорам (в качестве таковых признаются – и то с оговорками – лишь бизнес-корпорации и управленческие элиты). Понятно, что этот подход никак не мог устроить тех, кто справедливо или несправедливо ощущал себя в качестве таковых институций и центров общественной инициативы. Этот конфликт собственно и стал политическим содержанием достаточно необычных для российских политических нравов переговоров между всемогущим кремлевским манипулятором, заместителем руководителя администрации Сурковым, и руководством «Мемориала», Конфедерации обществ потребителей и ассоциации экологов.

Собственно сам факт переговоров претендует на то, чтобы считаться одним из самых примечательных событий политической и общественной жизни начала нового сезона. Причем не столько потому, что Власть пригласила поговорить «правозащитников», а потому, что эти переговоры в принципе не предполагались логикой самосознания сторон и их программами: задачей создания лояльного гражданского общества в качестве альтернативы «оппозиции Березовского» у первых и представлением о тотальности власти и ее общественной нелегитимности у вторых. И, как легко заметить, обе эти стартовые позиции являются вполне базовыми для истории русской общественно-государственной жизни. А потому и попытка не тривиального переговорного сценария выглядит столь примечательной.

На самом деле идущие переговоры и попытка выработать несколько более сложную конструкцию Гражданского форума пока еще вполне далеки от завершения и успеха. Как и всякие реальные переговоры, эти полны внутренними сомнениями с обеих сторон, отложенных конфликтов и неразрешимых на сегодня узлов. Как и положено, участники переговоров по-разному оценивают не только цели их, но и уже достигнутые договоренности. «Полит.Ру» предлагает оценку состоявшихся переговоров, их содержания и результатов, а также подводных камней, целей и проблем предполагаемого форума

гражданских организаций, данную участниками процесса с обеих сторон: представлявших первую инициативную группу политолога Сергея Маркова, депутата Думы Вячеслава Игрунова, представлявшего «Народную ассамблею» эколога Святослава Забелина, а также категорически отказавшегося от участия в переговорах и будущем Гражданском форуме директора Общероссийского движения «За права человека» Льва Пономарева.

Кирилл Rogov

Сергей Марков, председатель ассоциации центров политического консультирования

(инициативная группа Павловского)

Сергей Александрович, как бы вы прокомментировали ход переговоров между Оргкомитетом Гражданского форума, Администрацией Президента и пулом общественных организаций, известным как Народная Ассамблея?

Прежде всего, я не совсем согласен с той трактовкой, которая была в «Полит.Ру». Речь не идет о полном обновлении оргкомитета. Работа есть, она ведется и будет проводиться оргкомитетом; другое дело, что в его состав входят новые мощные силы. Очень большое количество общественных организаций, которые весьма критически относятся к власти, сначала к этой инициативе отнеслись с подозрением... Теперь они поняли в общем-то, что процесс идет в правильном направлении, и решили присоединиться к нему. Мы согласились, но считаем, что нужно переформировать рабочую группу оргкомитета.

Можно назвать имена людей, входящих теперь в рабочую группу?

Я бы назвал организации. Прежде всего это группа экологических организаций, таких как Социально-экологический союз, Гринпис, Фонд дикой природы и так далее. Во-вторых, это группа правозащитных организаций, таких как Московская Хельсинкская группа, «Мемориал», Конфедерация Обществ защиты потребителей... Я бы сказал, что здесь довольно много организаций, которые традиционно связаны с западными фондами, такие мощные в этом смысле и очень медийно раскрученные. Если раньше у нас было больше организаций, которые собственно grass roots, что называется, то здесь уже москвичи пошли.

Речь идет только об обновлении рабочей группы или о каких-то изменениях в формате проекта Гражданского форума?

Практически все основные идеи по проведению форума были поддержаны вновь приходящими людьми. Собственно поэтому они и решили прийти. Раньше они думали, что

будет построена вертикаль гражданского общества, а теперь поняли, что наша концепция структурно включает невозможность назначения начальников гражданского общества. Они раньше полагали, что это может быть манипулятивной вещью. Теперь они убедились в достаточной искренности сотрудничества со стороны исполнительной власти и в невозможности манипулировать этим процессом ввиду особенности структуры – крайней дисперсности самого гражданского общества. Они убедились, что ничего этого нет. Даже в состав оргкомитета, видимо, войдут представители Администрации Президента, Государственной Думы, Совета Федерации. Так предлагали даже вновь входящие группы.

Так оно принято?

Да, в общем мы согласились с тем, что, наверное, имеет смысл тоже им войти в состав оргкомитета. Поскольку мы исходим из убеждения в необходимости, что называется, культуртрегерской роли государства. Государство должно не просто смотреть, как формируется гражданское общество, оно должно действительно помогать его развитию. Это должно быть одной из политических целей российского государства. Не путем насаждения своего, конечно, а путем создания лучших условий, снятия преград, поощрения активности. Ну, хотя бы уроки в школах можно проводить... Знаете, есть такая жесткая формула: Кремль взял под свой контроль федеральные телеканалы. А для чего они нужны? Как раз для того, чтобы развивать гражданское общество и демократию. А если они не будут использоваться для этого, то тогда нужно будет отобрать эти федеральные каналы у Кремля.

Вячеслав Игрунов, депутат Государственной Думы РФ

(инициативная группа)

Тот формат Гражданского форума, который предлагался вначале, естественно, не устраивал многие общественные организации, которые играют довольно важную роль. Главным было хотя бы посадить за общий стол переговоров администрацию президента, которая готова обсуждать проблемы гражданского общества, инициаторов, которые предложили саму идею Гражданского форума, и тех, кто хотел бы на других условиях вступить в диалог с властью. Это было достигнуто, и, на мой взгляд, это самое главное. Все эти люди сели за стол переговоров и договорились об общем формате. После этого было внесено предложение о формировании оргкомитета или рабочей группы.

На сайте Гражданского форума время от времени возникала идея, что будет как бы съезд гражданского общества, который изберет некую палату представителей. Но поскольку невозможно найти какой-либо легитимный механизм такого представительства, речь должна идти о том, что будет создана площадка, где общественные организа-

ции могли бы вступить в диалог с представителями власти, чтобы этот форум был реальным переговорным местом, чтобы могли пройти круглые столы по важнейшим проблемам, чтобы встреча с президентом носила рабочий характер, а не была изъяснением преданности, или наоборот – дарованием чего-либо гражданскому обществу. То есть замысел заключается в том, что общественные организации могут встретиться друг с другом, а также обсудить ключевые проблемы с представителями власти, понять, как на разных этапах власти – на губернском, на федеральном, на местном – взаимодействовать, и на какие реально процессы они могут повлиять.

А вообще, на ваш взгляд, новый состав оргкомитета сможет работать?

Опасность того, что реорганизованный оргкомитет не сможет работать, как единый орган, минимальна. На сегодня нам удалось согласовать практически все пункты обсуждаемой повестки дня. Пока существенных разногласий не оказалось. Так называемая «группа Павловского» согласилась с концепцией и – более того – сказала, что были лишь придуманы неудачные формулировки, а по существу замысел был аналогичен тому, который предлагает, условно говоря, группа «Мемориала».

В ходе дальнейших переговоров предстоит решить еще несколько вопросов. Это определение формата проведения – кто будет представлен на этом форуме, принципы отбора людей. Будут выработаны принципы, обозначена повестка дня, формат круглых столов: с какими министерствами мы хотим встречаться, как они будут организованы. Представьте себе, если будет несколько тысяч участников? Для того, чтобы это было не парадное мероприятие, а рабочее, придется придумывать огромное количество площадок, на которых будут задействованы все эти люди.

Лев Пономарев, исполнительный директор Общероссийского движения «За права человека»

Вы отказались от участия в подготовке и в проведении Гражданского форума, и после обновления его оргкомитета ваша позиция не изменилась?

Наши общественные организации достаточно сильны для того, чтобы самим организовать любой форум – создать оргкомитет, выработать повестку дня. Что мы и сделали: это был Всероссийский чрезвычайный съезд в защиту прав человека 20 января этого года. Если власть хотела инициировать проведение съезда, она могла бы сказать: «Друзья, организуйте съезд, мы хотим там с вами вступить во взаимодействие». После этого форум должен был быть созван именно из общественных организаций без всякого вмешательства власти. Еще раз подчеркиваю – там не должно было быть никакого Глеба Павловского, который изображает из себя общественную организацию, хотя в России кто не знает, что этот человек обслуживает администрацию президента. Связывать его с независимой общест-

венной организацией нельзя. На наш правозащитный съезд не приглашали власть. Мы долго обсуждали и решили, что, проведя первый съезд без представителей власти, мы бы сочли полезным и интересным провести второй с ее представителями и вступить в диалог.

Мне казалось, если бы власть была инициатором, то она могла бы финансировать этот съезд. И это нормально. Но у нас работает такая логика: кто платит, тот и заказывает музыку. Дальше начинаются закулисные игры, в которые играют сейчас представители администрации. Сначала начались переговоры с двумя организациями, потом с тремя. В конце концов недавно и меня пригласили в оргкомитет. Я отказался в него войти. Моя позиция такова: если это с самого начала было неправильно, то участвовать в этом не надо. В этом я не вижу никакой драмы. Я считаю, что форум не является ни важным, ни основным событием в ближайшее время. Он не поможет выстроить гражданское общество, а скорее, как видно, вносит раздор.

Некоторые люди из администрации, а может быть и сам Путин решили, что пора показать, что президент открыт гражданскому обществу, и организовать ему встречу. Суетятся, заранее ставят определенные цели, идут на встречу к нашим правозащитникам, так далее и тому подобное, но будет «как всегда». Пройдет форум, выступит Путин, покажут по телевизору, конечно; может быть, выступят представители «Мемориала», но это не будет показано в равной степени и с равным вниманием. Все это совершенно бессмысленно. Мне говорят, что надо вести диалог с властью. Конечно, надо вести и выстраивать какие-то каналы, но на этом форуме ничего этого не будет. Что можно там сделать, какие диалоги вести, когда там 5 тысяч человек?

Когда прошел Чрезвычайный съезд, мы направили предложения Путину, письма, резолюции и так далее. Думали, что мы будем налаживать диалог с властью. Прошло 8 месяцев – никакого ответа. Мы предлагали начало мирных переговоров по Чечне, мы уверены, что другого варианта нет. Не получив ответа на наши резолюции, мы не считаем возможным участвовать в подготовке этого форума и идти на него.

Участие в оргкомитете многих правозащитников не надо рассматривать как раскол. Пройдет форум, и мы о нем забудем. Говорят, что мы должны пойти на форум, распространять свои идеи, мы не должны бросать свои региональные организации, которые будут приглашены на форум. Что ж, вполне возможно, что в таком широком сообществе, какое представляют правозащитные организации, возможны разные точки зрения, но в главных позициях (я имею в виду не форум, а отношение к войне в Чечне и ко всему остальному) мы едины.

Вы считаете, что ваши коллеги в оргкомитете не смогут повлиять на работу и развернуть ее в полезном направлении?

Уверен совершенно. Потому что изначально оргкомитет строится не на открытых принципах. Конечно, презумпция невиновности существует, но мы-то имеем голову на плечах и знаем, с кем имеем дело.

Святослав Забелин, сопредседатель Совета Международного Социально-экологического союза

Народная ассамблея

Если бы не внимание реальных общественных организаций, старая команда в оргкомитете могла бы «построить» гражданское общество. Построить понятно в каком смысле – заказать Кремлевский Дворец съездов, оплатить билеты, велеть губернаторам или представителям президента набрать по 500 человек от разных организаций и привезти их. Но на каком-то этапе, как мне представляется, они поняли, что ничего большего сделать не могут. Организовав это, мягко скажем, формальное действо, они не достигнут тех целей, которые на самом деле перед этим действом поставлены. Первая цель – создать благоприятный образ нынешней власти перед социально активными слоями общества, перед выборами. Вторая – Запад, та же самая задача, но уже ориентированная не на выборы, а на инвестиции.

Наша цель в этой ситуации – попытаться дать толчок новой стадии развития проекта. На самом деле заявленная цель (на бумаге или на сайте написанная) – нормальная. Надо создать условия для диалога власти и гражданского общества в лице общественных организаций по тем проблемам, которые обе стороны интересуют. В то время как написано только о том, что интересуется главным образом власть.

Вопрос не в целях, которые совпадают, а в механизмах. По механизмам, возможно, мы еще очень долго будем расходиться. Старая команда хотела создать некое представительство гражданского общества в Кремле, через которое идут жалобы. Мы считаем, что это скорее всего неработающий механизм. Это не рабочий подход, а лишь имитация. Нужно создавать не представительство гражданского общества в Кремле, а серию переговорных площадок с участием и представителей власти, общественных организаций, бизнеса – вообще, заинтересованных сторон, которые бы начали действительно обсуждать, искать узкие места, барьеры и вместе выработать систему, которая позволяет эти барьеры, конфликты, недопонимания так или иначе снимать.

Как вы думаете, в новом составе оргкомитет, состоящий из двух групп с разными интересами, работоспособен? И какие перед ним стоят задачи?

Собственно говоря, разногласия в оргкомитете на данном этапе оставлены за кадром или в подтексте. Я рассчитываю на объективное совпадение интересов каждого из участников.

Проблема в том, что, как предполагалось, окружные конференции собираются с использованием собственных ресурсов. Вчера я встречался с людьми из регионов, и в ре-

зультате выяснилось, что у тех, кто взялся за их организацию, никаких ресурсов нет. Возникает очень большая опасность, что в итоге по административным каналам тому же вице-губернатору будет спущен циркуляр с указанием набрать 500 человек и послать в Москву. Тогда это все будет совсем по-другому. Тогда это слом системы. Вообще, конечно, для этих окружных конференций методики нет никакой. В одном внутреннем документе прежней организационной группы было написано, что делегаты окружными комитетами отбираются конфиденциально! Это не смешно – так там написано! Я думаю, что из вновь созданных оргкомитетов никто не позволит такого. Все, кого я знаю там, приличные люди. На сегодняшний день главная опасность в том, что никакие окружные конференции просто не состоятся. Если их не будет, то те, кто приедет в Москву от регионов, будут подобраны вообще неизвестно как.

Повестку дня, я думаю, мы будем формировать вместе, потому что предложение о том, что будет 10 мероприятий для 5000 человек, несерьезно. Есть несколько вариантов. Либо сокращается формат, либо, если хотят 5000 человек, то, наверное, в рамках этого события должны пройти не меньше 50 мероприятий.

Дальше – вопрос о том, что мы обсуждаем. Судя по документам, которые выработала предыдущая рабочая группа, они хотели бы обсуждать, с одной стороны, понятные общие вопросы, например, основы законодательства по финансированию, страхованию (я имею в виду экологические программы), а дальше идут их личные интересы (личные интересы Чернышова): вопросы кадровой политики, подготовка новых кадров для новой России. Да Бога ради, если одна группа будет обсуждать, как эти кадры формировать, кто же против? Все – за. Но не все 5000 человек. Надо пытаться привлечь властные структуры к обсуждению действительно реальных общих вопросов – от положения в Чечне до ядерных отходов. Если это не превращать в шоу а la «Идущие вместе».

Что может быть результатом работы круглых столов?

Если все было бы хорошо, если бы согласовали в рамках трехстороннего комитета перечень столов, и администрация президента обеспечила бы присутствие других сторон – властных структур, в какой-то части из этих мероприятий могли бы родиться реальные переговоры о решении реально существующих проблем. Я не верю, что по каждому вопросу что-то получится, но по тем вещам, где действительно есть заинтересованность, могли бы вестись полноценные переговоры. Это был бы большой шаг вперед в сравнении с сегодняшним положением, когда власть отдельно, мы отдельно, и смотрим друг на друга, как на врагов. Это, наверное, для страны неправильно. И неправильно для интересов общества.

Подготовили Наталья Самовер, Евгений Натаров

Для заметок

Для заметок

Серия ОГИ/Полит.Ру

Изготовление оригинал-макета Д. Амлеев
Оформление ОГИ
Производство Е. Кострикина
Корректоры О. Кузьмичёва, Г. Ярошевская

Объединенное гуманитарное издательство
103001, Москва, Средний Кисловский пер., 3, стр. 3
Тел./факс 229 0543, e-mail: polit@polit.ru
<http://www.polit.ru>
для заказов: e-mail: tirazh@zhurnal.ru

Главный редактор Полит.Ру К. Рогов
Директор информационных проектов Полит.Ру В. Козлова

Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2, код 95300

ЛР № 065416 от 22.09.97

Подписано в печать 12.11.01
Формат 70×100/16
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Объем 9,5 усл. печ. л. Тираж 2,5 тыс. экз.
Заказ №

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии
ООО «Агро-Принт», 113035, Москва, ул. Садовническая, 14, стр. 2

Словосочетание «гражданское общество» стало хитом политического сезона 2001. Вопрос о «гражданском обществе» отразил достаточно решительный поворот российского политического сознания и неслучайно совпал с окончанием периода бурной борьбы за политическую власть.

В известном смысле Россия вступила в эпоху малых дел. Вопрос организации частного пространства, благоустройства и практического успеха, личного и корпоративного, становится одним из главных общенациональных вопросов.

Сборник статей, появившихся в «Полит.Ру» в течение последних двух лет, посвящен наиболее острым проблемам и вопросам общественного самосознания на рубеже веков.

